

A man with a beard and a woman with long dark hair are the central figures. The man is on the left, wearing a white shirt and a dark jacket, looking intensely at the camera. The woman is on the right, wearing a black off-the-shoulder top, looking slightly away from the camera. The background is a dimly lit interior with a window showing greenery outside.

АЛЯ
БЕТТИ

ИЗМЕНА

ЛЮБОВЬ $\frac{1}{2}$ НЕНАВИСТЬ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Annotation

Измена. Предательство. Авария. Потеря ребенка. Муж, желающий отомстить мне за то, чего я не совершала. Кажется, что выхода нет. Однако внезапно помощь приходит от того, кто семь лет назад исчез из моей жизни...

Бетти Алая

Измена. Любовь vs ненависть

Глава 1

— К сожалению, результаты анализов неутешительные, — сдержанно говорит слегка седой мужчина в белом халате.

Я разбиваюсь на осколки. Мы с мужем больше трёх лет не можем зачать. А я так хочу малыша! Чувствую, как подступают горькие слёзы. Неужели всё тщетно? И мы никогда не станем родителями? Не услышим задорный смех нашего ребенка? И его первое слово... Макс сжимает мою ладонь.

Я бы давно уже отказалась от этой затеи, но муж слишком хочет стать отцом. И чтобы именно я его ему родила. Тихо всхлипываю.

— У вас несовместимость. Вероятность зачать стремится к нулю, — врач продолжает уничтожать меня, — вы можете попробовать суррогатное...

— Нет! — перебивает муж, — вы сказали, что вероятность стремится к нулю, но не нулевая.

— Да, но...

— Тогда мы будем пытаться! — жестко говорит Макс, — пойдём, Лиля. Мы найдём другого врача. И клинику.

Мой муж лучший мужчина на свете. Лишь благодаря ему я всё ещё не потеряла надежду.

— Мы обязательно сможем, — он обнимает меня, — обязательно...

Полгода спустя...

Сжимаю в руках положительный тест на беременность и не могу сдержать улыбки. Наконец-то! Мы так долго пытались и теперь я жду малыша! В глазах стоят слезы радости.

Ко мне подбегает подруга Настя.

— Лилька, ну чего?! Не томи! — орёт она.

— Положительный, — шепчу, будто боясь, что громкий голос спугнет счастье и заветные полосочки пропадут.

Подруга скачет, хватая меня за руки. И вот, мы уже вместе прыгаем, как школьницы. А между прочим, работаем в престижной международной компании ведущими юристами. Дорогие костюмы, телефоны последней модели, крутые машины. Но я слишком долго ждала! И мне плевать, кто что подумает.

— Макс уже в курсе? — спрашивает подруга.

— Нет, сделаю ему сюрприз, — хихикаю, — у него как раз сегодня будет важный банкет по поводу успешного слияния. Я номер заказала в этом отеле при ресторане.

— Оки! Еще раз поздравляю! — она целует меня в щёку и убегает.

А я запираюсь в кабинете и смотрю на заветные две полосочки. Чувствую себя самой счастливой в мире. Неужели! Сделаю Максиму сюрприз. Он как раз будет сегодня в этом отеле, а потом мы проведем вместе романтический ужин.

Упаковываю тест в красивую коробочку. Честно говоря, я давно уже её заготовила. Но вот наконец-то чудо свершилось, и я беременна. Ура! Не могу сдержать улыбки.

Откладываю все дела и еду в бутик нижнего белья. Сегодня нужно что-то классное и сексуальное. Потому что порой в попытках зачать малыша мы совершенно забывали о своих чувствах и лишь трахались, как кролики. По расписанию.

— Сегодня я хочу чего-то особенного, — бурчу себе под нос, рассматривая черный

кружевной комплект.

Выбираю несколько, иду в примерочную. Постоянно касаюсь живота. Любуюсь на своё отражение. Пока кручусь перед зеркалом, набираю мужа. Долгие гудки заставляют нервничать.

— Да? — серьёзный голос мгновенно возбуждает меня.

— Привет, милый мой, — мурчу, выгибая спину.

— Лиля, ты что-то хотела? — он явно очень уставший.

Макс работает в той же компании, что и я, только IT директором. В последние месяцы он постоянно занят и нам нечасто удаётся побыть вместе.

— А что, жене нужен повод, чтобы позвонить мужу?

— Нет, конечно, — усмехается.

— Я вот покупаю себе новое бельё, — выдыхаю в трубку.

— Правда? Очень интересно. Давно мы так не играли, моя кошечка. Коснись себя.

— Где? — тяну, прикрывая глаза.

— Снимай лифчик... — грубый голос мужа распалает.

Щёлкаю замком, бельё падает на мягкий пуфик.

— Сделала?

— Дааа... — шепчу, приспуская трусики.

— Поласкай своих девочек. Хотя, погоди... — он что-то нажимает, затем на экране появляется его лицо.

Глаза Макса возбуждённо блестят. Он сильно завёлся. Нажимаю на значок камеры, направляю на зеркало.

— Ох, блядь... твои сосочки такие сладкие. Поласкай их, быстро!

Касаюсь пальцами чувствительных вершинок. Прикусываю губу, чтобы не застонать.

— Да, девочка моя, давай. Ещё. Активнее пальчиками работай! Сминай свои грудки. Сильнее!

Подчиняюсь. Удовольствие бежит от моих чувствительных грудей к низу живота. Чувствую, что готова кончить. Уже почти... боже! Ммм!

— Трусы снимай. Быстро! Ох, пожалуй, подрочу на тебя. Ты такая ягодка... блядь... сейчас, — он возится, пока я опускаю руку в трусики.

Спускаю их до колен, чтобы не испачкать. Погружаю палец внутрь лона. Забираю влагу, ласкаю клитор. Показываю это всё мужу. До чего же сладко!

— Так горячо... — шепчу, — покажи мне свой член, милый! Покажи, как сильно он хочет меня трахнуть.

— Да, девочка, — Макс дрожит на меня, смотрит, не мигая, любитесь, — самая красивая жёнушка. Ох, повезло мне... блядь... кончаю...

— Ах... ммм... как же хорошо... — шепчу, затем извиваюсь в ярком оргазме, — боже! Макс! Это нечто!

Он тяжело дышит. Тянется за салфетками, вытирает сперму.

— Да, малышка, давно мы так не игрались. Пиздец я соскучился. А то все эти овуляции, расчеты, секс по расписанию в одной позе... кстати, ты сделала тест?

— Нет пока, — вру, вытирая влагу с бедер.

Ведь приготовила классный сюрприз.

— Ты сегодня во сколько освободишься? — спрашиваю, как бы невзначай.

Макс напрягается.

— А что?

— Просто интересно.

— Ты не жди меня, Лиль. Я поздно приеду, на такси. Ложись спать, а утром я тебя как следует оприходую в свои сочные дырочки. Похуй на овуляцию. Я хочу тебя.

— Ну хотя бы примерно? — канючу.

— В десять, одиннадцать всё закончится.

Улыбаюсь и беру все три комплекта. Затем заезжаю в магазин платьев, выбираю элегантное коктейльное по фигуре. Звонит мобильный. Моя помощница Маша.

— Привет, Маш. Случилось чего? Как там в суде дела?

— Нормально, Лилия Сергеевна. Я хотела доложить и отпроситься. Можно поеду домой пораньше? У брата день рождения, вечером будет мероприятие... я всё сделаю завтра!

— Конечно, езжай, — после оргазма я очень добрая.

До самого вечера места себе не нахожу. Моюсь, делаю маникюр, педикюр. Приглашаю своего мастера, она делает красивую, но достаточно простую укладку, макияж. Ближе к десяти заказываю такси. Коробочку с тестом с любовью кладу в сумочку. Радуюсь, совершенно не представляя, что меня ждёт...

До центра доезжаем быстро. Я оставляю щедрые чаевые улыбающемуся таксисту. Настроение потрясающее! В предвкушении романтического вечера тело покрывается мурашками. Порхаю на высоких каблуках, словно птица. Обращаю внимание, что в ресторане, в котором должен был проходить банкет, уже даже не горит свет.

Интересно, ведь времени всего пол одиннадцатого. Но влюбленное сердце беды не чувствует. Вся окрылённая, подхожу к ресепшену. Отель дорогой, всё вокруг сияет. Девушка в идеально чистой форме ярко улыбается.

— Номер на Фадееву Лилию, — протягиваю ей паспорт.

— Минутку.

Девушка что-то ищет в компьютере. Её светлые глаза вдруг округляются.

— Хм, странно... Фадеевы заехали в номер час назад. Однофамильцы?

Где-то в груди сильно колет. Неприятное предчувствие. О чём она говорит?

— Должно быть, это какая-то ошибка? Я бронировала номер и только приехала. В «Золотом льве» должен вот-вот закончиться банкет...

— Так он час назад и закончился, — пожимает плечами девушка, — номер триста два. Не знаю, в чём там ошибка. Возьмите запасной ключ, у нас была пересменка, не могу точно сказать, кто ошибся. Но мы приносим свои извинения.

Беру ключ и на негнущихся ногах иду в номер. Происходящим странностям может быть лишь одно объяснение: Макс решил остаться переночевать здесь, чтобы не ехать домой на такси, и ему сказали, что на его фамилию номер уже забронирован. Ну либо девушки напутали. Даже в таком крутом отеле могут ошибиться.

Захожу в лифт. Успокаиваю себя. Да. Точно! Наверняка, всё так и есть! Сейчас я войду, мы вместе посмеемся, закажем еды в номер и пойдем в джакузи. Я расскажу Максиму о беременности. Будем всю ночь заниматься жаркой любовью. Ведь я забронировала «люкс». И там всё самое лучшее.

Подхожу к номеру. Поднимаю руку с ключом-картой и не могу провести по электронному замку. Что-то внутри сопротивляется. Не даёт. Так что лишь стучу. Мне действительно страшно. И вдруг... дверь резко открывается.

Передо мной возникает массивная фигура мужа. Он весь вспотевший, лишь в полотенце

на бёдрах. Грудь высоко вздымается. За его широкой спиной темнота номера, алый шторы. И оттуда нестерпимо несет сексом.

Мы замираем. Смотрим друг другу в глаза.

— Малыш, кто там? — из номера слышится громкий женский голос.

Я знаю, кому он принадлежит. Из-за спины мужа выскакивает моя помощница, совсем голая. Она обвивает его плечи, прижимается. Сначала не замечает меня.

— Ну малыыыыш, твоя девочка хочет ласки... ой... Лилия Борисовна?! Что вы здесь...

Делаю шаг назад. Нет! Я не хочу это видеть!

— Маша, оденься, — рычит мой супруг, — быстро, мать твою!

Девчонка убегает. А я смотрю на Макса. На языке вертится сотня вопросов. Сердце бьется все медленнее.

— Лиля... это не то... — он взъерошивает волосы, — блядь, это не прокатит?

Молчу. Шок никак не проходит. Бери себя в руки, Лилька!

— Лиль... пожалуйста...

— Не прикасайся ко мне... — обнимаю себя руками, — животное.

— Выслушай меня. Умоляю! Давай спустимся в бар и поговорим...

— И как долго ты трахаешь мою помощницу за моей спиной? — внезапно становится смешно.

— Это случайно вышло... слушай... — он пытается поймать мои руки, но я яростно их вырываю.

— НЕ. ПРИКАСАЙСЯ. КО. МНЕ. ЧЕРТОВ. УБЛЮДОК! — кричу на весь отель.

Максим пытается поймать меня. Хватает за руки, больно сжимает запястья. Не отпускает.

— Лиля, солнышко! Я люблю тебя... это ничего не значит, клянусь.

— Отвали от меня! — кое-как вырываюсь и заряжаю ему мощную пощёчину.

Он злится, желваки ходят ходуном. На щеке след от моей пятерни. Бросаю на него гневный взгляд и ухожу. Не желаю слушать объяснений! Не хочу вообще думать о том, что видела. Это мерзко! Они... в номере, который я забронировала для НАС! Паскуда! Ненавижу! С моей помощницей...

Дохожу до лифта, слышу, как кто-то бежит за мной.

— Лиля! Да блядь! Давай поговорим! — Макс пытается остановить меня.

— Нам не о чем говорить. Я подаю на развод, — отрезаю, и двери лифта закрываются прямо перед носом мужа.

Я не позволяю боли взять верх над разумом. Не сейчас. Терять лицо нельзя. Ударяться в истерику тоже. Я всё поняла, всё увидела. Потом обязательно поплачу. А сейчас нужно мыслить трезво. Спускаюсь и быстро иду на улицу. Хочется вдохнуть немного воздуха, ведь лёгкие словно сжались до размера горошины.

Мобильный неистово вибрирует. Смотрю на улыбающееся лицо Макса на экране, затем быстро добавляю его номер в чёрный список. Иду к торцу здания, заказываю машину, чтобы добраться домой и быстро собрать вещи. К горлу подступают слёзы. До меня лишь начинает доходить, ЧТО за дикость сотворил тот, кого я безмерно любила.

Как назло, моя машина попадает в пробку, судя по навигатору. С неба начинают капать холодные капельки. Всхлипываю. Стою под усиливающимся дождем. Одинокая. Преданная тем, кто обещал ради меня свернуть горы. И от кого я жду малыша. Пока даже не знаю, как быть дальше. Всё, чего хочу — это просто уехать куда-нибудь далеко. Не видеть ни гадкого

изменника, ни мою шлюху-помощницу.

Внезапно боковым зрением замечаю яркий свет. Странно... это точно не моё такси. Резко разворачиваюсь и замираю. Прямо на меня несется машина. Влетает на тротуар и...

Бииип! Бииип!

Это последнее, что слышу перед тем, как дикая боль пронзает тело. А сознание мгновенно отключается...

Лилия

Первое, что слышу, придя в себя — это писк приборов. Я жива? Вокруг звучат голоса, много голосов. Они постоянно меняются: мать, вереница медсестер и врачей. Моя помощница... и он.

ОН...

В голове, одна за другой, вспыхивают картинки. Макс в полотенце. Моя голая помощница, обнимающая МОЕГО мужа. Шикарный номер дорогого отеля, который я сняла для НАС. Где ОН трахал ЕЁ.

Затем свет фар. Яркий, ослепляющий. И боль. Но внутри вдруг вспыхивает картина. Тест с двумя полосками. О нет! Нет!

Распахиваю глаза.

— Она очнулась! — слышу голос матери, — врача! Срочно!

Да, я очнулась. Но в душе у меня словно всё умерло. И тут я вспоминаю...

— Малыш... — пытаюсь произнести, бубню, но в рот словно песка насыпали, — что с... ребенком?

— Тихо, Лилия, — мать говорит строго, — сейчас придет врач. Ну где там все?

От боли во всем теле прикрываю глаза. Слышу удаляющееся цоканье каблучков. Малыш — единственное, что меня волнует. Плевать на сломанные кости, измену мужа, на всё!

— Лилия? — мягкий мужской голос раздается сверху, — как вы себя чувствуете?

— Малыш... — шепчу сухими губами.

— Вы ей расскажете? Или мне придется? — моя мать явно раздражена.

О чём расскажут?

— Что...

— Это нужно делать деликатно, Яна Викторовна, — голос врач становится раздражительным.

— Она сама во всём виновата. Так что жалеть свою непутёвую дочь я не намерена.

Я вообще ничего не понимаю.

— ЧТО С МОИМ РЕБЕНКОМ?! — рычу, собрав в кулак все силы.

— Он не выжил, Лилия, — с горечью произнес врач.

Нет... нет... НЕТ! Смотрю в потолок. Гнетущая тишина сводит с ума. Они пошутили? Я не могла потерять малыша! Не могла...

— И боюсь, что внутренние органы слишком повреждены. С большой долей вероятности вы никогда не сможете родить. Мне очень жаль. Мы сделали всё, что смогли.

Я слушаю эти нелепые слова, пытаюсь нащупать их смысл. Потому что не верю в них. Это могло случиться с кем угодно, но не со мной! Малыш не мог погибнуть. Я так долго его ждала...

— Могу я поговорить с ней? — глухой, полностью разбитый голос мужа будит во мне зверя.

— ТЫ! — кричу, — ЭТО ТВОЯ ВИНА!

Стараюсь подняться, чтобы увидеть. Взглянуть в глаза ублюдку, убившему нашего малыша.

— Максим, в чём дело? — моя мать теряет.

— Она не в себе, — сдавленно шепчет он, — как и я говорил, Лиля в последние недели вела себя странно.

Что?

— Ты долбаный ублюдок! — сил всё меньше, но гнев рвёт грудь на части, — ты... и она... предатели! ВЫ УБИЛИ НАШЕГО РЕБЕНКА!

— Лиля, успокойся. Тебе помогут, — взволнованно бормочет мать, потом обращается к врачу, — да сделайте вы что-нибудь!

— НЕТ! Что вы... НЕТ! Не трогайте меня! СКАЖИ ИМ! — от боли мне тяжело дышать, — СКАЖИ, ЧТО СДЕЛАЛ!

Муж отводит взгляд. Он касается локтя моей матери и сжимает его. Да что же это?! Что творится?

«Добрый» доктор достаёт шприц.

— Мне жаль, но вам нужна помощь, — говорит виновато и делает укол.

Всё тело обмякает. Боль уходит, её заменяет пустота. Все это случилось с кем-то, но не со мной. Я лишь смотрю на это издали. Парю где-то высоко. И когда в следующий раз открываю глаза, в кресле рядом сидит мой муж.

В его глазах нет ничего. Он смотрит на меня пустым жестоким взглядом.

— Дерьмо, — выплёвываю, — убирайся из моей палаты.

— Увы, Лиля, ты переступила черту, — он встает, выпрямляется, нависая надо мной.

— Я? — усмехаюсь, — ты трахал мою помощницу за моей спиной. Лгал мне. Предал. А виновата я?

— Это уже неважно, — говорит Максим, — все думают, что ты не в себе.

Кусаю губы, пытаюсь сдержать слёзы. До меня всё ещё не дошел весь ужас ситуации.

— Твои повреждения не смертельны. Так что встанешь на ноги в течение месяца.

— Я подаю на развод, — говорю уверенно.

— Нет, милая, — муж подходит, я дёргаюсь, но не получается избежать гадкого касания, — ты пыталась покончить с собой. Убила нашего малыша.

— ЧТО? ЭТО НЕПРАВДА! — у меня снова начинается истерика.

— Заказанная мной экспертиза решит, что ты невменяема. Твоя мать отказалась от опекуна, поэтому на него подам я. Заберу у тебя всё, милая.

— Ты не посмеешь... — шепчу, — я ненавижу тебя! Ты спал с моей помощницей! Это ваша вина!

— Это неважно, — он улыбается, — я превращу твою жизнь в ад, Лиля. Потому что Маша ждёт ребенка от меня. И она будет жить с нами.

Каждое слово, будто глухой мощный удар в грудь. Слова некогда любимого мужчины вгоняют стальные шипы в моё сердце. Становится трудно дышать. Я не пыталась убить себя. Меня сбила машина.

— А может это ты... — мне уже плевать на всё, — заплатил кому-то и меня сбили? И от меня избавился, и твоя шлюха родит тебе отпрыска. Умный ход, любимый.

Макс резко меняется в лице. Подходит к постели, быстро оглядывается и хватается за волосы. Сильно стягивает. Но я не издаю ни звука. Ведь ненавижу этого мужчину всей душой.

— Не сваливай всё на меня. Ты безумная ревнивая баба, — рычит он, — решила таким образом мне отомстить? Убив ребенка, которого я ждал так долго?

— Я ТОЖЕ ЕГО ЖДАЛА! — кричу, пытаюсь сдержать слезы.

Но не получается. Начинаю плакать. Муж сильнее сжимает кулак. Становится больно. Очень больно. Из-за травм не могу вырваться. От безысходности и отчаяния плюю ему в лицо.

— Ты, сука, ответишь за свой поступок, — он смахивает слюну с переносицы, — будешь сидеть в своей комнате на цепи. Гулять, жрать и срать, когда я разрешу. Ты сполна ответишь за то, что сделала!

— Что здесь происходит? — со стороны двери раздается низкий мужской голос.

Макс тут же отпускает меня. Заваливаюсь на постель, морщась от боли. В палату входит мужчина. Высокий, с волевым подбородком и красивыми зелеными глазами. Одетый в мужской костюм по фигуре. Он кажется мне смутно знакомым.

— Егор... — выплевывает Макс, — ты что тут делаешь?

— Мама позвонила, — сдержанно говорит тот.

Егор... Егор! Точно! Он же...

— Я думал, мы для тебя больше не семья, — цедит мой муж.

— Горе сплачивает. Что ты делал со своей женой только что, брат?

Брат! Точно! Макс всегда называл его паршивой овцой. Егор Фадеев ушёл из семьи, разорвав все связи с матерью, отцом и братом. Они ненавидели его и на каждом семейном ужине критиковали желание старшего Фадеева уехать и начать своё дело. Называли эгоистом, предателем.

— Моя жена не в себе. Я пытался её успокоить, — уверенно заявляет Макс, — пока ждём врача с лекарством. В таком состоянии она может себе навредить.

— Ложь... — цежу, отворачиваясь.

— Милая, прошу...

— Чёртов лицемер. Я ненавижу тебя!

— Вот видишь? — вздыхает Макс и окидывает меня таким нежным взглядом, что меня начинает тошнить.

Егор внимательно смотрит на этот цирк. Я кожей чувствую его внимание. Тут в палату влетает моя мать.

— Лилия! — восклицает, — ты снова за своё? А вы кто?

— Егор Фадеев.

— Вы братья? — она таращится на Макса, — похожи-то как!

Разве?

— Мне нужно поговорить с дочерью наедине, — заявляет маман.

И это не сулит мне ничего хорошего. У нас с ней весьма... прохладные отношения. Можно даже сказать, товарно-денежные. Когда мужчины покидают палату, я смотрю на рыжие лучи солнца, играющие на полу.

— Как ты могла? — тихо спрашивает она.

— Что?

— Пытаться покончить с собой...

Она верит в эту ложь? Хотя, неудивительно. Семья Фадеевых очень влиятельна. И моя маман грезилась тем, что сможет с ними породниться. Я вышла замуж рано, ещё в университете училась. Стоит ли говорить, что инициатором нашего с Максом знакомства тоже была она?

Но я искренне любила мужа.

— Я не... хотя ты всё равно веришь ему, а не мне, — усмехаюсь.

— Лилия, не веди себя как ребенок! — корит меня она, — Максим любезно согласился взять на себя ответственность за содеянное тобой. Его отец сильно недоволен, ведь речь о наследнике его империи.

— Я ничего не сделала, мама! — умоляюще гляжу на неё, — это всё Макс! Вчера я застучала его с любовницей!

— Знаю, — вздыхает маман, — он рассказал мне.

— Что?!

— Девочка моя, я даже подумать не могла, что всё настолько запущено. Тебе нужна помощь. Максим вчера ждал тебя в отеле! Чтобы отметить твою беременность.

Какой бред! Губы словно склеиваются. Кажется, что даже если захочу что-то сказать, не выйдет.

— Но, когда он встретил тебя у номера, ты вдруг изменилась. Стала обвинять его в измене с какой-то несуществующей любовницей. И побежала вниз. Бросилась прямо под ехавшее такси...

— Так вот, что он наплёл. Понятно.

— ЛИЛИЯ! — вспыхивает она, — в общем так. У меня завтра рейс в Швейцарию Роберт не будет ждать меня вечно. Максим тобой займется. Всё устроится, вот увидишь.

— Лишь бы твоё содержание не прекратили, да? — с горечью заявляю, — ты продала меня, мама. За дом в Швейцарии, богатого любовника и сладкую жизнь! Неужели не понимаешь?

— Неблагодарная! Я и тебя пристроила в отличные руки! А тебе всё мало, Лилия!

— Он изменил мне!

— Нет! — выпаливает она, глаза матери наливаются кровью, — да даже если и так. После своего незрелого поступка ты проглотишь это и будешь примерной женой. Надеюсь, Максим когда-нибудь тебя простит.

Это какой-то сюр! Я не верю! Осматриваюсь. Ни телефона, ни сумочки. Палата шикарная, с прекрасным видом из окна, отдельным санузлом. Но чувствую себя словно в клетке. Сердце болит, голова раскалывается.

Кладу руки на живот.

— Прости... — всхлипываю, — что не уберегла тебя. Теперь у меня никого не осталось.

— Почему ты плачешь, Лиля? — даже не заметила, что брат Макса же какое-то время стоит у моей больничной кровати.

— Зачем вы здесь, Егор? — спрашиваю бесцветно, — посмеяться хотите над семейным горем?

Он горько усмехается.

— Нет. Вообще-то я приехал к тебе. Ты меня, наверное, не помнишь.

Я помню. Хоть и смутно. Это было семь лет назад. Когда мы с Максом встречались и планировали свадьбу. А в последний раз этого мужчину я видела на церемонии.

— Вы напились и наступили на шлейф моего платья, — усмехаюсь, — он порвался.

— Твоя мать меня чуть не убила, — весело говорит мужчина.

— Бегала за вами по всему саду с бутылкой шампанского, грозя разmozжить череп. Но я не понимаю... семь лет прошло. Вы порвали все связи с нами.

Он морщится. Ему явно неприятно то, что я говорю.

— Я узнал о том, что у вас с Максом стряслось. И приехал поддержать тебя.

— Почему меня, а не его? — не понимаю, — он же ваш брат.

— Позволь мне оставить причину при себе, Лиля. Но я с самого начала видел, что ты не подходишь этой семье. Совсем другая.

— Вы ошибаетесь, — вздыхаю, — а меня совсем не знаете.

— Я знаю. Знаю, что, когда уезжал, ты была веселой девчонкой с огоньком в глазах. А теперь тебя словно нет. Но все равно я уверен, что ты не пыталась убить себя.

Сердце ёкает. Боль растекается в душе, словно вязкое масляное пятно. Очерняет. Не хочу думать ни о чем! Слишком больно! Отворачиваюсь.

— Вы подслушали мой разговор с матерью?

— Да.

— Не стыдно? Это вас не касается. Все думают, что я сумасшедшая. А Макс хочет запереть меня в доме со своей любовницей! — восклицаю, — что мне толку от поддержки родственника, который семь лет не давал о себе знать?!

— У меня есть к тебе предложение, Лиля, — он пытается заглянуть мне в глаза, но я отвожу взгляд.

Больше никому не верю. И не поверю никогда!

— И какое же? — выслушаю хотя бы ради любопытства.

— Я могу увезти тебя туда, где ни мой брат, ни моя семья тебя не найдут.

Лилия

Уснуть мне удаётся только на успокоительных. Слава богу, почти все мои кости целы, сломана лишь пара ребер. Еще поставили сотрясение мозга и ушибы внутренних органов. И черти какую депрессию. Егор... неужели он может спасти меня?

В груди появляется надежда. Неужели есть шанс сбежать от мужа, одержимого мстью? Но вопросов больше, чем ответов. И самый главный: почему Макс ведет себя так, словно верит в то, что я сама себя... Господи!

Да я ни за что и никогда! Тем более, когда узнала о беременности. Здесь что-то точно не вяжется.

— Тук-тук! — писклявый голос моей помощницы вырывает из пелены мыслей.

— Убирайся, — говорю коротко, продолжая глядеть в окно.

— Как вы некрасиво себя ведете, — надувает губы, — я ведь беременна.

От этих слов внутри всё переворачивается. Руки сжимаются в кулаки, появляется желание выдрать тонкие волосёнки этой паскудной девки. Сколько времени она улыбалась мне, подставляя свои дырки моему мужу? Дрянь!

— Меня это не касается. Пусть он с тобой нянькается, — говорю ровно, — пошла вон из моей палаты, дешевка!

Однако Маше всё как с гуся вода. Она раскладывает фрукты, ставит минеральную воду. Что-то напевает себе под нос. Улыбка не сходит с до омерзения миленького личика.

— Ты глухая? — рычу, — выметайся!

— Не разговаривай так с ней, — на пороге появляется Макс с огромным букетом цветов.

И вручает их своей любовнице. Прямо на моих глазах! Да что здесь происходит? Они целуются. Она что-то шепчет ему в губы. А я чувствую, как сжимается сердце.

Ведь все эти годы любила... так искренне, беззаветно, отдавая всю себя! Была готова раствориться в своем муже. Пожертвовать ради него всем, даже жизнью. Это бред какой-то! Дурной сон!

— Как вам не стыдно? — с трудом держу себя в руках, — я пока ещё здесь.

— Ненадолго. Тебе нужно вести себя хорошо, Лилия, — ухмыляется Максим, — иначе поедешь в психушку. Радуйся, что я позволил тебе вернуться домой и заняться собой.

Когда любовница мужа скрывается за дверь, я не выдерживаю. Сжимаю пальцами одеяло, чтобы не швырнуть все эти фрукты и воду в его беззаботную рожу. Мне мерзко даже касаться того, чего касалась эта дешевка.

— Ты мне отвратителен, — выплёвываю, — из-за вас погиб наш ребенок. И вместо того, чтобы просто отпустить меня, ты мучаешь. Глумишься, словно не ты — причина всего, что случилось!

Он молчит. Совершенно спокоен. Идеальный. Гладко выбритый, волосы уложены. Костюм выглажен. Красивый. Для него ничего не изменилось. Просто обхаживать теперь его будет другая. Какая же я была дура! От его молчания внутри всё кипит.

— ТЫ УБИЙЦА! — выкрикиваю, — я тебя ненавижу! Презираю! Бессердечно животное!

— Всё сказала? — равнодушно спрашивает Макс.

Я резко замолкаю. Его пустой тон отрезвляет, словно звонкая пощёчина. В палате повисает гнетущая тишина. Она сминая меня, как консервную банку. Хочу высказать всё, но мне страшно. Вчерашняя выходка Максима до сих пор не укладывается в голове. Он впервые за все наши годы применил силу.

— Ты правда веришь, что я могла так поступить с нами? — горько усмехаюсь.

Нет сил смотреть на мужа. На того, кого любила больше жизни. Кто был моим первым и единственным! И где-то внутри души по-прежнему бьются эти чувства, умирая в агонии. Ведь он сломал меня. Растоптал всё, ради чего мы вместе боролись.

— Я верю тому, что видел, Лилия, — продолжает хлестать меня по щекам жестокими словами, — не пытайся давить на жалость. Ты совершила страшный проступок. И ответишь за него сполна.

Порываюсь начать оправдываться, но вовремя прикусываю язык. Ему плевать. Он топчет мои чувства, убивает всё светлое, что было у нас. Прикрываю глаза, считаю до пяти. Затем спокойно гляжу на супруга.

— Зачем ты пришёл и свою пигалицу притащил?

— Она моя женщина. Будь с ней уважительнее и привыкай, что она рядом. А приехал я сообщить, что сегодня вечером тебя навестит отец.

Ой! По спине ползет страх, жадно хватаясь ледяными пальцами за каждый позвонок. Олег Фадеев — глава нашей большой семьи. Хозяин. Тиран. Один из влиятельнейших мужчин в России. Приверженец патриархата и лютейший женоненавистник.

Сглатываю.

— Ты должна во всём признаться и раскаяться. Бред про измену ляпнуть не вздумай. Запомни, милая, останусь на улице я — и потяну тебя с собой. Раздену, разую и вышвырну на помойку. Ясно тебе?

Голос мужа переходит в шипение. Машинально отодвигаюсь. Противно.

— Да.

— Отлично. И не вздумай что-нибудь выкинуть.

Киваю. Чёрт! Каждый день после аварии вокруг шеи словно стягивается петля. Всё туже и туже... забирая с собой возможность дышать. Мать больше не приезжает. Наверняка укатила в свою Швейцарию к любовнику. Значит, я одна...

Приближение Олега Фадеева я чувствую задолго до того, как он переступает порог больницы. Все вокруг начинают суетиться. Медсестры наводят марафет в палате.

А я испариться хочу. Превратиться в облачко и улететь прочь. Чтобы спокойно оплакать своего малыша. Его так жестоко забрали из этого мира. Собственный отец, который не в состоянии удержать свой член в штанах.

— Здравствуй Лилия, — металлический, немного с хрипотцой, голос свёкра вынуждает меня выпрямить спину.

— Добрый вечер, — скриплю, словно выплевывая комья земли.

— Что же ты наделала, доченька? — он вздыхает, затем подходит к окну.

В мою сторону даже не смотрит. На пороге топчется его жена. Свекровь с сочувствием глядит на меня. От этого взгляда становится немного теплее.

— Я... не знаю... — выдыхаю, с трудом удержав порыв выложить всё, как есть.

— Мой сын так любит тебя... — продолжает, каждым словом выворачивая мою душу наизнанку, — а ты придумала какую-то любовницу?

Фадеев цокает языком. В его серых пустых глазах нет ни грамма любви или сочувствия. Он купил меня у матери для младшего сына. Чтобы мы стали наследниками его империи. Я подходила им. Красивая, образованная, с манерами. Девственница. Говорят, у таких гены лучше. Но теперь я стала паршивой овцой.

— Убить невинную душу из-за своих глупых домыслов. Лилия, я не думал, что ты такая! — говорит он, — я понимаю, душевный недуг. Но всё-таки.

Молчу. Это всё ложь. Но кому нужна правда? Чувствую, как по щекам начинают течь горькие слёзы. Я попала в какое-то зазеркалье. Все против меня! ВСЕ!

— Конечно, до прессы это событие не дойдет. Моя компания всё замнет. Общественность не узнает о твоём грехе. Но ты должна молиться, Лилия, — Фадеев подходит ближе.

Хватает меня за подбородок. Сжимает до боли. Морщусь. Такое чувство, что кости вот-вот хрустнут. Глаза пожилого мужчины напоминают акульки.

— А в противном случае молиться будут о тебе.

Это угроза?! Помогите! Мне так страшно!

Но спасение снова приходит внезапно... и снова в виде старшего сына Фадеева.

В палате появляется Егор.

— Сынок! — мать Макса дёргается, но тушется под взглядом мужа.

Олег Фадеев отпускает меня, затем гладит по голове. А из меня будто всю жизнь выкачали.

— Зачем ты явился? — спрашивает его отец, — я отрёкся от тебя. К этой семье ты больше не имеешь отношения. Уезжай, иначе пожалеешь.

Но старший сын Фадеева не боится. Я невольно начинаю любоваться его выдержкой. Он одного роста с отцом. Плечи расправлены, руки в карманах. Егор выглядит совершенно спокойным.

— А я и не к тебе, папуля, — улыбается, и от этой улыбки мне жутко.

Он похож на отца гораздо больше, чем Максим. Эта жесткость, выдержка, эмоции на замке. Лёд, сковавший губы в мёртвой ухмылке.

— Ты опять за своё? — вздыхает Фадеев-патриарх, глядя на свою жену, — сколько раз, Любовь, я говорил тебе: не поддавайся эмоциям.

Свекровь молчит. Признаться, вспоминая наши семейные ужины, я не могу припомнить случая, чтобы она злилась и говорила что-то плохое про своего сына. Как правило, она тенью находилась подле мужа.

— Выздоровливай, Лилия. И не вздумай делать глупости. Мой сын простит тебя. Но ты должна быть благодарна.

Жестко схватив жену за локоть, Олег Фадеев покидает мою палату. После его ухода кажется, что температура стала на пару градусов выше.

— Чего вы хотите? — холодно спрашиваю, когда Егор подходит к моей постели.

— Тебе что-то нужно? — он осматривает фрукты и минералку на моей тумбочке, — может поесть чего хочешь?

— От мужчины рода Фадеевых мне ничего не нужно! — выпаливаю.

Он вздыхает. Но не приближается. Ненавижу! Олег Фадеев думает, что я — из собственности? Макс решил, что из-за клеветы прощу измену и буду улыбаться и корчить примерную жену?! А Егор вообще семь лет не появлялся! А теперь считает, что я поверю в его внезапные альтруистические порывы?

— Понимаю тебя, — тихо говорит он.

— Вряд ли.

— Лиля...

— Уходите. Я хочу побыть одна, — отворачиваюсь и гляжу в окно.

Он пристально смотрит на меня. Я чувствую на тебе остроту и требовательность взгляда Егора. Вздыхает, затем забирает то, что принесла Маша и уносит в неизвестном направлении.

А я лежу на постели, которая кажется мне каменной гробницей. Осматриваю палату. Егор подкинул мне отличную идею. Сбежать. Так далеко, где эта семейка не найдет меня.

Настя тоже почему-то меня не навещает. Мне безумно одиноко.

— Как вы себя чувствуете? — заходит тот самый «добрый» доктор, — давайте измерим температуру и давление.

Молчу. Позволяю ему провести все манипуляции. Чувствую себя бездушной куклой.

— Я понимаю, — говорит он, — вам страшно, что разум может подвести в любой момент. Но всё будет хорошо.

— Угу...

— Поешьте, или мне придется внести в доклад для экспертизы. Поверьте, они будут кормить вас насильно.

— Каковы на вкус подошвы Фадеева? — не скрываю яда в голосе, — а, доктор?

— Лилия, вы не в себе, — вздыхает он.

— Ко мне не приходила подруга? Миниатюрная блондинка? — жестко спрашиваю.

— Нет. К вам никто не приходил.

— Ясно.

Это ложь! Они что-то сделали. Запугали Настю или типа того. Я должна поговорить с ней. Найти хотя бы шаткую опору. А то уже начинаю думать, что реально свихнулась.

Весь оставшийся день я думаю. Молчу, не произношу ни слова. Но пытаюсь сообразить, как же мне убежать отсюда? Одной точно не получится! Да и что я? Тепличный цветочек, возвращенный матерью с единственной целью — продать подороже.

Когда в окне уже рыжеет закат, приходит медсестра с ужином.

— Пожалуйста, покушайте! — умоляет меня она.

— Скажите честно, ко мне приходила подруга? — бесцветно спрашиваю, — блондинка шепутная?

— Я не...

— Вы можете сказать правду.

Молодая девушка кусает губы, прячет взгляд.

— Пожалуйста! Я не сумасшедшая! — восклицаю, — она приходила ко мне? Я слышала её голос, пока была без сознания.

— Да... но нам приказали молчать и никого к вам не пускать, кроме строго одобренного списка посетителей. Я могу лишиться работы.

— Никто не узнает, — успокаиваю её, — кто дал список?

— Ваш муж.

— Ублюдок... ладно. А где его брат, высокий темноволосый с зелеными глазами? Красавчик такой. Высоченный!

— Красавчик? — в дверях появляется Егор, — значит, всё-таки считаешь меня симпатичным?

Он улыбается. И это делает его действительно привлекательным. Но я молчу.

— Вы хотели мне помочь, — говорю тихо, затем многозначительно смотрю на медсестру.

Она быстро уходит.

— Очень хочу помочь. Что от меня нужно? — сразу к делу, ну точно весь в отца.

И это сходство мне определенно не нравится. Но оно поможет мне выжить в этом дурдоме.

— Я хочу, чтобы ко мне пустили подругу. Максим делает всё, чтобы я реально сошла с ума.

— Хорошо. Что-то ещё? — он едва касается моей руки, но я одергиваю её.

— Пока всё.

Он поднимается.

— Тогда завтра твоя подруга навестит тебя.

— Вы правда верите в мою адекватность? И что я не совершала того, в чем меня обвиняют? — спрашиваю.

— Ни единому слову не верю.

— Но почему?

— Потому что когда-то я был в тебя безнадежно влюблен.

Егор

Признание само срывается с губ. Не могу удержаться. Ведь я и правда много лет назад полюбил молоденькую студентку со вздернутым носиком, озорными глазами и вечно торчащими сосками.

Лиля не стеснялась ходить без лифчика, даже будучи девственницей. Она оставалась непорочной и чистой. Доброй девочкой с ворохом мечт в красивой и умной головке.

Мой брат её не заслуживал. Хвалился, словно вещью, трофеем. Но она была обещана ему. А не мне...

— Егор! — Лиля смотрит на меня.

Так внимательно, изучающе.

— Я не ослышалась? Ты... как это могло быть? Мы же едва знакомы.

Зря ты так думаешь, малышка. Мы знакомы недолго, но достаточно близко. К сожалению, ты была слишком пьяна и не помнишь. Сжимаю зубы. Что они сделали с ней? В глазах Лили нет бывшего огня, жажды жизни. По ней проехался танк под названием «семья Фадеевых».

Нужно было забрать ещё тогда... но ты влюбилась в Макса.

— Тогда я был влюбчивым, — уклоняюсь от темы.

И сейчас... семь лет прошло, а моё сердце всё ещё занято. Тобой...

Она краснеет. Милая.

— Я плохо помню, простите, Егор. И сейчас мне не до сантиментов. Собственный муж хочет сделать мою жизнь невыносимой.

— И тебе нужна помощь.

— Не от вас, уж простите! — она злится.

Брови сведены, губы сжаты. Ты ничуть не изменилась, моя любимая девочка.

— Я не хочу этого говорить, Лиля. Но кроме как от меня, ты ни от кого помощи не дождёшься.

— Настя мне поможет!

— Она твоя подруга. Но, если не ошибаюсь, она замужем и у неё ребенок маленький. Кого она выберет в случае, если мой брат поставит ультиматум?

Я говорю жестокие вещи. Но мне нужно, чтобы Лиля была осторожна. И чтобы поверила мне. Только мне. В груди плещется это эгоистичное желание. Я думал, что пережил свою тягу к жене брата. Но, увидев её, внутри снова разгорается пламя.

— И какой у вас план, Егор? — сдержанно спрашивает она.

— Надёжный, как швейцарские часы.

— Я хочу знать все детали! — требует Лиля, — простите, но никому из семейства Фадеевых я больше не доверяю.

Вздыхаю. Ну конечно! Я ведь и сам пока не знаю, в какие игры играют отец с братом. Мне позвонила мама и сказала, что Лилю нужно спасти. И я примчался первым рейсом. Бросил все дела. И без неё не вернусь.

— Для начала тебе нужно набраться терпения. Ты ранена, потеряла ребенка, травмирована. Постарайся хотя бы немного прийти в себя.

— Каким образом? — в её глазах появляются слёзы, но Лиля сильная девочка и быстро

берет себя в руки, — мой муж шарахается здесь со своей любовницей! Которая беременна от него...

— Я знаю.

— Как я могу спокойно смотреть на то, как они тут устроили филиал отеля для новобрачных?! Нельзя ведь просто так... выкинуть мужа из сердца!

Она прикусывает губу, отворачивается. Не хочет показывать слабость. В груди сильно жжет после её слов о любви к моему брату. Неужели после того, как она застала Макса с другой, всё ещё что-то к нему испытывает?

— Они играют на твоей боли. Потому что видят её. Знаю, что прошу о невозможном, но тебе нужно быть стойкой. Не показывай, что тебя это задевает и им это быстро надоест.

— Это тяжело...

— Знаю.

Ведь я понимаю, что такое сгорать от страсти, но не иметь возможности даже коснуться того, кого любишь.

— И всё же. Ну вылечусь я, — горько усмехается она, — а потом Макс с этой девкой заберут меня, чтобы глумиться... она будет ходить с пузом. Постоянным напоминанием, что я больше никогда не буду счастливой...

— Будешь, — уверенно заявляю.

— Они сказали, что я больше никогда не рожу! Из-за аварии! Мои органы всмятку!

— Это не значит, что ты не можешь жить, Лиля. Позволь мне показать тебе, что есть и другой путь?

— Какой?

— Я живу в другом городе. Достаточно далеко отсюда. У меня своя компания. Есть большая квартира...

— Стоп, стоп! — она с подозрением глядит на меня, — то есть вы планируете не спасти меня, а в другую клетку посадить?

Морщусь. Звучит грубо, но так она сейчас это видит. Лилия, словно обиженный маленький зверёк, пугается и прячется. Мне приходится сдерживаться, чтобы просто взять и не утащить эту девушку с собой.

— Я бы не был так категоричен, — мягко улыбаюсь, — ты ничем мне не обязана. Это моё желание.

— В чём подвох?

— Его нет.

— Не верю!

Мы смотрим друг другу в глаза. О боже, знал бы кто, каких адских усилий мне стоит не наброситься на эти бледные, но пухлые губки! Не смять их горячим поцелуем. Всё, чего я хочу — это забраться языком в её ротик, а руками — под больничную рубашку. И ласкать до самого яркого оргазма.

— Просто сбежать мало, Лилия. Тебе нужно укрытие, это раз. И ресурсы для нового старта, это два. Ты же юрист? Моей конторе нужен грамотный юристконсульт.

— Не знаю... — она сомневается.

— Мне нет смысла тебя обманывать. Что я получу, спасая тебя? Лишь проблемы с отцом и братом. Поверь, мои мотивы кристально чисты.

Я просто хочу иметь возможность видеть тебя. Говорить с тобой. Вернуть твоим глазам былой блеск.

— Я подумаю. В любом случае, сейчас я хочу поговорить с Настей.

— Она завтра навестит тебя, — поднимаюсь, — отдыхай и постарайся поспать. Если бесит больничная жрачка, я привезу тебе хорошей еды из ресторана.

— Французской... — бурчит она.

— Что?

— Хочу французскую кухню, — краснеет.

Значит, лёд тронулся. Ничего, я растоплю твоё хрупкое сердечко, малышка Лиля. С улыбкой покидаю её палату.

Выхожу из больницы и смотрю на кроваво-красный закат, окрашивающий собой густые облака. Мы общались чуть больше часа. Мне мало. Эта девушка нужна мне, как воздух. И если мой брат мудак, я сделаю всё, чтобы она забыла его.

Иду к машине. Набираю номер подруги Лилии.

— Анастасия?

— Да... кто это?

— Неважно. Завтра Лиля Фадеева будет ждать вас. Навестите её и ничего не бойтесь.

— Правда?! — визжит она, — я могу попасть к Лильке? А вы кто...

— Просто доброжелатель, — отключаюсь.

Затем заказываю Лиле вкусняшки. Завожу мотор и рву в ближайший бар. Хочется выпить. Подъезжаю и вижу знакомую машину. Интересненько.

Брата нахожу сразу. Перед ним наполовину пустая бутылка дорогого рома.

— Чего припёрся? — грубит Макс, когда сажусь напротив, — позлорадствовать?

— Отнюдь. Что пьешь?

— Самароли...

Заказываю ещё бутылку.

— Полтинник за эту дрянь, — улыбается Макс.

— Почему ты не с женой? — сурово спрашиваю.

— Не лезь, куда не просят! — рычит он.

Мой младший брат всегда был таким: избалованным, уверенным в своей неотразимости и правоте. Увы, суровости воспитания Олега Фадеева хватило лишь на меня.

— Она переживает, — сука, зачем я вообще пытаюсь что-то между ними наладить.

— Её проблемы. Нехуй вести себя, как последняя дрянь.

— Она твоя жена, — отнимаю у него стакан и выпиваю залпом.

— Тогда какого хера возмущается?!

Мне нужно топливо, чтобы не слететь с катушек окончательно.

— А кто в этом виноват? Макс, ты изменил ей...

— Сука... вот какого хуя ты мне морали читаешь, а?! — вспыхивает он, подсакивает на месте, затем плюхается обратно.

— Такого. Если никто другой не читает, это сделаю я.

— Ты свалил семь лет назад. С нихуя. А теперь появляешься, весь в белом и пытаешься спасти мой брак? Да знаю я, что ты дрожил на мою Лильку!

Едва держусь, чтобы не впечатать морду родного брата в стол. Потому что он прав... я хочу его жену. Пиздец как хочу.

— И не пизди, что переживаешь! Стервятник...

— Говоришь словами нашего папули, — выпиваю ещё, — пора уже свои мозги отрастить.

— Как ты, да?

— Да, как я. У тебя пока есть шанс вернуть жену. Она ребенка, блядь, потеряла! Твоего! — чувствую, как буквально загораюсь изнутри.

— Она сама убила его...

— Ты веришь в это?

Не знаю, зачем я это говорю. Возможно, подчищаю свою слегка грязноватую совесть. И хочу убедиться, что у меня есть моральное право забрать Лилю.

— Машка видела... она успела раньше меня выбежать из отеля.

— Ты веришь словам любовницы?

— Ей нет смысла врать... подумаешь, блядь! Ну трахнул я её, херли? Что Лилька устроила истерику? Просто меня заебало высчитывать её овуляции! Сегодня можно иметь жену, завтра нельзя! Тьфу бля!

— Ты жалок.

— Она ответит, — рычит Макс, — эта стерва на всё ответит!

Заказываю ему такси. Отец всё-таки сломал его. Несмотря на избалованность, Макс полностью сломлен. Но где-то в глубине души я счастлив. Лиля заслуживает большего.

Возвращаюсь в номер отеля. Достая сигарету. Если бы она забеременела от меня, я бы носил её на руках. Радовался каждой минуте. А Макс... какой-то малолетний идиот!

Иду в душ, переодеваюсь и выхожу на балкон. Смотрю на ночную Москву. Жестокий город. Богатый, сильный, но сминаящий таких нежных и ранимых, как Лиля.

— Я тебя заберу, — шепчу.

Эгоист. Подонки. Я ничем не лучше Макса. Внезапно мой телефон звонит.

— Привет Егор, — веселый голос моего зама Веры звучит в трубке.

— В компании всё нормально?

— Да. Но ты так сорвался, мне пришлось перераспределять объекты.

— Я уверен, ты справишься.

— Слушай... а когда ты вернешься? — мнётся она.

Я грешен. Какое-то время трахал эту женщину. Дал надежду. Использовал. Но в сердце постоянно была лишь Лиля. Так что пришлось вернуть отношения с Верой в профессиональное русло. Однако она до сих пор не смирилась...

— Я надолго, Вер. Ты знаешь, что делать, так что за компанию я спокоен.

— Ты знаешь, о чём я...

— Между нами всё кончено. Не забывай, мы сейчас лишь партнёры по бизнесу.

— Егор, это меня не устраивает!

— А меня устраивает. Ладно, мне пора. Рассчитываю на тебя.

Отключаюсь.

— Ты сделала меня жестоким, моя девочка... очень жестоким.

Но, собираясь сюда, я кое-что для себя решил. Лиля не узнает о моей любви. Пока не полюбит сама. Прикрываю глаза, вспоминая тот самый день, когда я стал зависим от неё.

Звонок мобильного прерывает моё совещание. Стоит глубокий вечер, время десять. Звонит брат.

— Егор, — его голос заплетается, на фоне звонкий девичий смех, — слушай...

— Ты пьян? — жестко отрезаю.

Мой брат учится на последнем курсе университета. А я уже какое-то время возглавляю один из филиалов фирмы отца.

— Нет... блядь... короче, там Лилька моя с подружками зависла в кафе. Они выпили и её надо забрать... не подсобишь?

— А ты сам? — ехидно уточняю.

— Я на... занят я, в общем. Пожалуйста, помоги по-братски. Она ж моя невеста. Кому ещё я смогу её доверить?

Вздыхаю. Лилю до этого я видел лишь пару раз. Молоденькая студенточка-второкурсница, на три года младше брата. И на десять лет младше меня. Красивая, невинная.

— Ладно. Я отвезу твою невесту домой. Где она?

— Я скину адрес! Сяп, братуля.

Через полчаса я несусь по кольцу в направлении указанного места. Ставлю машину и выхожу. Гляжу на остановку рядом с кафе и вижу одинокую хрупкую фигуру. В лёгком коротком платьице. Вздыхаю и подхожу.

— Ой... здравствуйте! — она тоже подшофе.

Щечки все покрасневшие, каштановые волосы растрёпаны. Сжимает в руках сумочку. У меня в паху тут же член дёргается. Черт! Не хватало мне этого...

— Макс сказал забрать тебя, — коротко говорю, — помнишь меня? Мы на семейном ужине виделись... одном из.

— Ой... — она внимательно присматривается, — помню! Вы были самым нормальным... среди всех.

Усмехаюсь. Веду девчонку к машине. Она такая яркая. Не стесняется, крутится на сиденье. А я пытаюсь отодрать взгляд от её бедер. Эта юбка слишком короткая! Блядь.

От Лили так приятно пахнет. Розами. Моя мать выращивает в саду эти цветы.

— Куда едем?

— Домой! — смотрит на меня.

У неё невероятные глаза, в которых я мгновенно тону. Огромные карие. Обрамлённые густыми тёмными ресницами.

— Адрес, Лиля, — смеюсь.

— Ой, извините. Хихихи, — она сама непосредственность.

А я ведь взрослый мужик. Твою ж...

Между нами завязывается разговор. Девочка пьяна и охотно рассказывает о себе. Как холодна с ней мать. И что Макс стал всё чаще пропадать где-то. Ей одиноко, но она находит счастье в учёбе и рисовании.

И когда мы подъезжаем к её дому, кажется, что я уже всю жизнь знаю эту яркую девчонку.

— А в следующий раз вы расскажете о себе! — бормочет она, — Егор Олегович. А то нечестно получается.

Она размахивает крошечным клатчем и внезапно роняет его прямо мне под ноги.

— Ой... — хихикает, — сейчас... простите...

Я тяну руку вниз, девочка подаётся к сумочке. Мы сталкиваемся лбами. Встречаемся глазами. Она приоткрывает ротик. Такой манящий, с алыми пухлыми губками. Поддаюсь.

Бросаюсь, целую. Лиля стонет мне в губы, но не отстраняется. Чувствую аромат жвачки и сладкого алкогольного коктейля. Мы целуемся долго. Мои руки бродят по её лицу, опускаются к шее. Сминаю её торчащие грудки. Глажу. Черт! Могу сорваться!

А она позволяет. Такая милая, невинная девочка в моих руках. Мы с трудом

отрываемся друг от друга...

— Нам нельзя... нельзя! — выпаливает девушка, выскакивает из машины и убегает.

А я касаюсь губ, на которых всё еще танцует наш страстный поцелуй. Именно после этого понимаю, что влюбился окончательно и бесповоротно. В невесту собственного брата.

Лилия

Егор. Когда он покидает мою палату, сердце вдруг оживает. Этот мужчина необычный. Настоящий. Но я не понимаю, почему он так смотрел на меня! Мы виделись лишь несколько раз в жизни... а в его глазах я видела чувства. словно намёк. Но на что?

Мне беспокойно. Как он планирует меня забрать? Я раз за разом осматриваю палату. Наверняка где-то есть камеры. Не могу понять, почему вместо скорби по разрушенному браку чувствую необычное воодушевление? О потере малыша стараюсь не думать. Иначе раскисну.

От Егора хорошо пахнет. В отличие от Макса он серьезный, надежный. И на моей стороне. Сейчас важно это, а не то, что он носит фамилию Фадеев.

Ближе к ночи мне привозят еду. Её приносит медсестра по имени Жанна. Как стюардесса, только медсестра. Улыбаюсь. Наверное, впервые за последние дни.

— Я не верю, что вы невменяемы, — вдруг говорит она.

— Спасибо...

— Ваш муж заплатил всему персоналу больницы. А завтра... — она переходит на шёпот, — приедет комиссия из психиатрической клиники.

— Они поставят диагноз, — вздыхаю, — если даже я буду просто молчать.

— Не сдавайтесь! — вдруг восклицает она, — самая тёмная ночь перед рассветом. И вам есть, кому помочь!

— Вас Егор подослал? — догадываюсь.

Она хихикает и с загадочным выражением лица скрывается за дверь. Всю ночь ворочаюсь. Новость о комиссии не выходит из головы. Мобильный у меня отобрали, документы тоже фиг знает где.

Так что я лежу и думаю о том, что же с нами случилось. Максим... мы были почти идеальной семьей.

Вспоминаю, как мы познакомились. Как влюбились. До свадьбы я считала, что он будет изменять. В студенчестве мой будущий муж вёл себя не очень хорошо. Но я была наивной душой. Думала, что смогу своей любовью сделать его верным. И сейчас, лёжа с поломанным телом и растоптанным сердцем в больничной палате понимаю, что гулял он и тогда.

Не хотела верить.

Но после свадьбы Макс изменился. Стал идеальным. Приходил домой вовремя, перестал пить с друзьями. Взял управление частью отцовского бизнеса. С чего такие перемены, я не думала. Помню лишь, как он однажды вернулся со встречи с отцом очень злым и пышущим тихой яростью. Но я радовалась и влюблялась всё больше. Старалась стать идеальной женой идеального мужа.

Вот итог. Закономерный.

Утро застаёт врасплох. Кажется, я даже смогла заснуть на пару часов. Просыпаюсь, ощущая влагу на щеках. Быстро вытираю слёзы. Почему-то вспоминаю слова Егора.

— Сегодня меня признают невменяемой, — шепчу, затем делаю глубокий вдох, — но я не дам им повод глумиться.

Завтракаю. Жанна приходит меня подбодрить. А вот Егора нет. Я ждала его? Нет! Понимаю, что быстро привязалась, потому что он хочет помочь. Но с мужчинами рода

Фадеевых нужно быть начеку.

— Доброе утро, Лилия Борисовна! — вздрагиваю от голоса Маши.

Держаться! Не показывать ненависти! Натягиваю на лицо улыбку. Вот же настырная девка!

— Вы все скушали! — восклицает она, — тогда к вечеру принесу ещё. Скоро придут врачи, вы должны быть красивой. Я принесла вам вещи. Давайте, помогу одеться.

— Я сама, — тихо говорю, продолжая улыбаться.

— Нет, нет! Макс сказал, что мы должны подружиться, ведь нам предстоит жить вместе!

Стискиваю зубы, прикрываю глаза. Я сбегу! Они не сломают меня! Позволяю любовнице мужа натянуть на меня халат. Еле держусь, чтобы не сморщиться от отвращения.

В голову лезут гадкие картины. Как он трахал её, как целовал и обнимал. МОЙ МУЖ Боже... ощущаю, как моё сердце заполняет разрушительная ненависть. Хочу сбежать на край света! Освободиться!

— Здравствуйте, Лилия Борисовна, — вздрагиваю, когда в палату входят трое мужчин в белых халатах, — как себя чувствуете?

Напрягаюсь. Рядом с ними семенит «добрый» доктор. Жадный до бабок трус. С презрением гляжу на него, пока бородач меряет мне давление, температуру. Врачи комиссии рассаживаются вокруг меня.

— Вы напряжены, — констатирует самый старший на вид.

— Нисколько, — цежу сквозь зубы, — вам показалось.

— Чувство юмора — хороший знак, — скалится он.

— Давайте скорее, — бросаю, даже не глядя на них, — ставьте ваши диагнозы, отдавайте меня в руки мужа, словно мешок с костями.

Они начинают говорить, игнорируя мой выпад. В палате лишь я и мои палачи. Выпрямляю спину, смотрю каждому в глаза. Отвечаю на странные вопросы.

Почему вы решили покончить с собой?

Какой вы видели любовницу мужа? Образ или что-то материальное?

Не мучили ли вас в последние недели головные боли?

И всякое такое. И постоянно что-то черкали в своих блокнотах. Когда допрос был закончен, комиссия удалилась посоветоваться. А в палату вошел муж. Я ощутила аромат его одеколona. Раньше обожала, а теперь меня начинает тошнить.

— Надеюсь, ты была честна, Лиля, — говорит он.

Поднимаю глаза. Вижу опухшее лицо, покрывающий подбородок легкий пушок щетины, расхлябанный внешний вид.

— Ты вчера пил?

— Тебя это не касается.

— Выглядишь ужасно.

— Ты не лучше.

Повисает тишина. Макс подходит к окну. Закуривает.

— Здесь нельзя курить, — рычу.

— Похуй... ты для меня никто.

— Тогда отпусти! — восклицаю, — оставь меня!

— Ты сама себя наказала, — он подходит, нависает сверху, — вот нахуя ты всё испортила, а?!

Вижу совершенно пустые глаза. Если Егор похож на отца своим стержнем и внутренней силой, то Максим перенял у Олега акулый пустой взгляд и жестокость. Он тянется окурком к моей руке.

— Отвали! — выкрикиваю, вышибая сигарету из рук мужа, — не смей! У тебя нет на меня никаких прав!

Он совершенно непроницаем. Поднимает сигарету, затем выбрасывает в ведро.

— Ошибаешься, дорогая. Пока мы женаты, у меня есть на тебя все права. Так что заткни свой милый ротик. И улыбайся. Иначе...

Договорить ему мешает вернувшаяся делегация из трех врачей.

— Мы проанализировали ваши ответы, Лилия, — прокашлявшись, говорит старший.

— И что? — Макс меняется, превращаясь в любящего супруга.

Хватает меня за руку, сжимает. А я хочу впиться ногтями в его рожу.

— Увы, показатели неутешительные. Вашей жене лучше пройти курс лечения в нашей клинике. У нее апатия, депрессия и начальная стадия шизофрении.

— ЧТО?! — я тарашусь на них во все глаза, — ЧТО ВЫ СКАЗАЛИ?! КАКА ШИЗОФРЕНИЯ?!

Все мысли о том, что нужно быть спокойной и не поддаваться улетучиваются. Они собираются похоронить меня! Пичкать антидепрессантами, сильными препаратами! Лишить воли! Так вот, что ты задумал, любимый?!

— Лиля, спокойно! Мы лишь хотим помочь! — Макс упорно корчит из себя любящего супруга.

Всё тело болит, но я вскакиваю с постели. Больные рёбра ноют. Голова шумит.

— Вы не посмеете... я не позволю!

— Я же говорил, — вздыхает психиатр, — такие вспышки гнева ненормальны.

— ВСПЫШКИ? Вы меня сумасшедшей назвали! — ору.

— Это не так, Лилия Борисовна. Успокойтесь.

— УСПОКОИТЬСЯ? — меня колотит, начинается истерика, — знаете, что?! Сколько Фадеевы вам заплатили? Сколько ты им заплатил?!

Бросаюсь на мужа с кулаками. Мне уже всё равно! Я не шизофреничка! Долбаный ублюдок! Предатель! К чему весь этот цирк?!

— Ненавижу тебя! И шлюху твою! — верещу, пытаюсь вцепиться ногтями в глаза мужа.

Подбегает «добрый» доктор со шприцем. Комиссия снова что-то строчит в своих блокнотах. Я для них словно мартышка в клетке. Какой смысл терпеть, если мне всё равно сломают жизнь?!

— Милая, успокойся! — Максим сильно стискивает мои запястья, — мы поможем тебе!

— ПРИЗНАЙСЯ! — продолжаю кричать, но вдруг чувствую боль в руке.

И затем тело обмякает. Я вроде бы в сознании, но вместе с этим парю над постелью. Затем засыпаю. А просыпаюсь вечером. Всё позади? Рядом сидит Настя.

— Привет... — шепчу.

— Лиля! — в глазах подруги стоят слёзы, — что они сделали с тобой?

Отворачиваюсь.

— Плевать, — соленая влага течет по щекам, — пусть делают, что хотят.

— Они тебе что вкололи? Феназепам? Или что посильнее? — в глазах Насти тревога.

— Без понятия.

— Лиля. Подруга, не сдавайся! — её голос становится ниже, — у Егора есть план.

— Он уже и тебя подговорил? — бесцветно спрашиваю.

— Мы поможем тебе выбраться! Клянусь, я тебя не брошу!

Сердце пропускает удар. Затем снова бьется ровно. Медленно-медленно.

— Я с тобой! — она нежно касается моей руки, — всё будет хорошо.

Настя плачет. Переживает за меня.

— Наверное...

— Осталось немного, Лиль. Скоро ты станешь свободной! Поверь мне, — шепчет подруга, затем уходит.

Мне почему-то отчаянно хочется увидеть Егора. Отщипнуть от его уверенности хотя бы крошечный кусочек. Мужчина появляется глубокой ночью. Его приводит Жанна. Видимо, через черный ход. Но сначала Фадеев-старший осматривается, затем берет жвачку и залепляет крошечную видеокамеру.

— Одну половину персонала купил мой муж, а вторую вы, Егор Олегович, — еле шевелю губами.

— Ну ты и устроила, — ухмыляется он.

Сейчас Фадеев-старший без галстука. В джинсах, свободной футболке и кожаной куртке. И вдруг внутри меня промелькивает крошечное, но отчаянное желание.

— Обнимите меня... — шепчу, — пожалуйста...

Он молча подходит и делает то, о чём я попросила. В его руках так тепло. Словно и нет всех ужасов, которым меня подверг муж. Ещё чуточку... совсем немного! Этот аромат соснового леса, воздуха после дождя. Свежего мужского шампуня. Силы и уверенности.

Чувствую сердце, которое колотится сильно-сильно. В такт моему.

— Спасибо, — отстраняюсь, испугавшись этой защиты.

— Лиля, — он садится рядом, — я же просил.

— Они сказали, что я шизофреничка! — выпаливаю, — это ни в какие ворота. Ладно, я стерплю депрессию и прочие мерзости. Но это!

— Эх ты, — он улыбается, — такая гордая девочка.

— Я не девочка... — отворачиваюсь.

— Для меня девочка.

— Зачем вы пришли?

— Уточнить, хочешь ли ты бежать?

Он специально оттянул принятие этого решения? Чтобы я увидела, какие мерзости готовит для меня муж?

— Вы хитрый, Егор Олегович, — тяну.

— Почему?

— Подкупили медсестру, даже мою подругу перетянули на свою сторону. Я так нужна вам? Почему?

— Я говорил...

— Потому что были влюблены семь лет назад?

— Да.

— Время жизни обычной влюбленности обычно не превышает полгода, — констатирую, — но семь лет...

Он ухмыляется, но не отвечает.

— Я хочу правды. Лжи у меня в жизни и так полно...

— Это правда, Лиля. Я просто хочу помочь, потому что ты мне дорога. Моя семья не

должна смять тебя. А они это сделают. Вынут душу, оставят глянцевую оболочку.

— Ну и какое вам-то дело? Сомнут меня или нет...

Егор снова молчит. Вот же партизан! А я сомневаюсь. Не понимаю его!

— Главное не это, а твоё желание быть свободной.

— А вы дадите мне свободу? Или новую клетку?

— Свободу, — спокойно говорит Фадеев.

— Почему я должна верить?

— Не должна. Но я единственный, кто предлагает выход. И прошу тебя мне довериться.

— Каков план?

— Мой брат поступил как мудака. Он привык действовать как отец, жестоко и топорно.

После твоей истерики они боятся, что ты сбежишь и всё расскажешь прессе. Бросишь тень на идеальную репутацию Олега Фадеева и его традиционной семьи.

— На что вы намекаете?

— Тебя теперь охраняют, Лиля. Головорезы частной мини-армии отца следят за каждым твоим шагом. В палате камера. Я пока её закрыл, но это временно. Не стоит привлекать внимание.

Внутри всё холодеет. Даже так?

— Но зачем... неужели они думают, что я после всего буду просто улыбаться, играть роль идеальной жены?

— Так они и думают. Моя мать так делает больше двадцати лет.

— Кошмар... — я и не задумывалась об этом.

— Макс теперь наследник. Он будет тебя мучить. И просто так не отпустит.

— Но что же делать?

— Выход есть, Лиля. Непростой, но действенный. Мне придется тебя похитить...

Лилия

Похитить? Мамочки! Но стоит мне лишь представить, что я буду играть роль примерной жены, а на самом деле жить в аду, тут же соглашаюсь.

— И какой всё-таки план?

— Ты восстанавливайся, — говорит Егор, — я всё сделаю сам. У тебя есть союзники, помни об этом. Береги себя.

— Хорошо.

— Теперь тебе нужно поспать, а мне уйти, чтобы никто не знал, что я здесь был.

— Вы ещё навестите меня? — голос срывается, как ни стараюсь скрыть надежду.

— Да. Сейчас я займусь тем, чтобы сделать тебе новые документы.

— Они будут искать меня... — всхлипываю, — я не могу! Это слишком опасно! Фадеевы найдут меня и всё, конец! Даже представить страшно, что будет со мной...

— Ты не готова рискнуть ради своей жизни? Я рос в этой семье, Лилия. И знаю все их тонкие места. Ничего не бойся. Доверь всё мне.

Когда он уходит, я растягиваюсь на больничной кровати. Впервые начинаю различать яркость цветов. Ведь с момента, как открыла глаза в этой палате, всё вокруг казалось серым и безжизненным.

Есть ли шанс, что Егор Фадеев спасет меня?

Боже! Прикрываю лицо руками, стыдливо улыбаюсь. Снова наступаю на одни и те же грабли. Доверяюсь мужчине. Успокаивает одно: оказавшись на свободе, смогу уйти. И от него в том числе.

Я не стану больше ничьей разменной монетой! Сама буду строить своё счастье! Но лапы Олега Фадеева протянуты от границы до границы... как же Егору удастся меня скрыть?

— Они так сильно пекутся о своей репутации? — спустя две недели мы гуляем с Настей по территории больницы.

За нами всюду следуют вояки Фадеева. Официальная версия: чтобы ненормальная жена младшего сына не навредила себе или вдруг не дала сумасшедшее интервью. Все должны думать, что идеальная семья по-прежнему идеальна.

— По словам Егора, они готовы на всё, чтобы их честь не «опорочили», — выплевываю.

— Странно, а на первый взгляд такие все приличные. Олег Васильевич, когда приезжает в компанию, сразу всем улыбается, выслушивает... а внутри его семьи прям деспотия.

— Угу. Я и сама не знала, Насть. Мы с Максом жили в своей квартире, приезжали только на праздники.

Не знала? Или не хотела видеть...

— Как жалко его маму, — качает головой Настя.

А у меня сердце сжимается. Она родила ему детей! Двух сыновей! Где уважение к матери? А Олег Фадеев ведет себя так, словно жена — его собственность. И никто ей не помог. Даже я... корчила счастливую. Вот, лови обратку, Лилька.

— И оба сына были так воспитаны...

— Думаешь, Егор такой же? — уточняет подруга.

— Мне всё равно, — гоню прочь навязчивые мысли о старшем Фадееве, — он нужен мне, чтобы спастись.

— А, по-моему, он влюблен в тебя по уши, — улыбается Настя.

— Не говори ерунды. Мы знакомы с ним совсем немного. Сама не понимаю, почему он так хочет помочь.

— Это отличный вариант. В семье не без уroda, но в случае с Фадеевыми наоборот.

— Поэтому и не хочу связываться ни с кем из них. Матери были нужны их бабки. А я как дура наивная, влюбилась и...

— Что ты сейчас чувствуешь к мужу? Скажи только честно...

— Не знаю, — вздыхаю и мы садимся на скамейку, — мне сложно даже представить, что он решил так со мной поступить. Это очень жестоко. Но я не позволю меня растоптать! Не дам уничтожить!

Сжимаю руки в кулаки. Я не слабая!

— С такими можно лишь их методами. Надеюсь, у Егора всё получится, — убеждает меня Настя, — я на твоей стороне, Лиль.

— Спасибо тебе.

Каждый день течёт медленно. Я варюсь в своей беспомощности, словно в кипящем масле. Лишь мысли о побеге позволяют рассмотреть крошечный огонёк в конце тоннеля.

Для Фадеевых я товар. Уже порченный, бракованный. Но Олег не допустит развода. Ведь тогда пойдут слухи, и его великая семья окажется под ударом. Я — угроза. И нужно держать меня на цепи.

Чем ближе день побега, тем сложнее мне терпеть постоянное присутствие любовницы мужа. И однажды...

— ЧТО?! — верещит Маша на весь длинный больничный коридор, — я не отдам своего ребенка!

На носочках подхожу к двери. Задерживаю дыхание.

— У тебя нет выхода, — слышу сухой голос мужа, — ты знаешь, на что я способен.

— Как ты мог?!

— Легко. А ты думала, что я приведу тебя, девку без гроша, к отцу? Чтобы он меня наследства лишил?

Сердце начинает сильно колотиться. Ведь я осознаю, каков план мужа. Он просто хочет получить власть. А по условиям его отца, без наследника Макс останется ни с чем.

Вопрос лишь в одном: знает ли Олег Фадеев о том, что я ничего не делала с собой? Или ему просто наплевать?

— Главное, что ты беременна от меня, — заявляет Максим.

Маша молчит. А я не могу сдержаться ликования. Получи обратку, дрянь!

— Твоя жена тоже нищая была! — выпаливает любовница.

— Не путай! Лилия была невинна до встречи со мной. Плюс, у неё отличная репутация: её мать долго работала на моего отца. Лилия получит по заслугам, но она останется моей женой. А ты никогда ей не будешь.

— Ты жесток... — всхлип.

— Мы в мире больших денег, детка. Не бойся, я буду тебя регулярно трахать, если тебя это успокоит.

Возвращаюсь в постель. Внутри всё переворачивается. Это не мой Макс! Не тот любящий, внимательный мужчина! Что с ним стряслось? Или он был таким, но я не замечала? Парочка всплывает в мою палату.

На губы лезет ехидная ухмылка, но я делаю вид, что мне плевать. Становится легче.

Потому что я стала черствее? Или потому, что спасение близко?

Неужели Егор тоже играет роль? Черт, да в этой семье есть хоть кто-нибудь адекватный?

— Как ты? — спрашивает Макс.

— Замечательно, — бросаю, затем встаю и иду к окну.

Его любовница выглядит разбитой. Она меняет цветы в вазе, копошится чего-то. Мне её даже жаль.

— Я пришел кое-что сказать тебе, Лиля, — довольно скалится муж.

— Ну? — бросаю равнодушно.

— Врач сказал, что ты уже можешь сама о себе позаботиться.

О, нет!

— А значит, завтра тебя выписывают, и мы уезжаем домой.

Ох! Это очень-очень плохо! Натягиваю на лицо улыбку. Муж подходит. Чувствую знакомый парфюм. Он пальцами касается моей щеки. Ласково, словно не мучил меня все эти недели. Терплю.

— Думаю, ты понимаешь, что никуда не уйдешь.

— Понимаю.

— Так что лучше не выпендривайся. Тогда я снова стану тем самым мужем, в которого ты влюбилась.

Да какая любовь-то? Ты ублюдок просто...

— Да, — губы шевелятся, словно живут отдельной жизнью.

Егор... ну почему мне так отчаянно хочется увидеть его? Почему сердце тянется к тому, кого я совсем не знаю? Мне очень плохо. Всё рушится на глазах. Но когда-то давно важный человек сказал мне, что лишь на руинах можно построить что-то новое.

Только вот...

— Блин... — хватаюсь за голову, когда этим вечером меня навещает Настя, — я только через неделю должна была выписаться. Неужели Макс узнал о наших планах?

— Не думаю. Просто ты быстро поправляешься.

— Это потому что начинаю верить в будущее, хоть это и тяжело, — вздыхаю, — но теперь всё снова становится призрачным.

— Все хорошо будет!

— Не уверена...

Внутри растёт паника. Знает ли Егор о смене планов брата? Мечусь по палате, не в силах держать в себе бурю эмоций.

— Почему они так резко сменили планы? — в сотый раз задаю этот вопрос.

— Не знаю, Лиль. Но ты не беспокойся, — подруга всеми силами пытается меня поддержать.

Когда она покидает палату, я чуть не рыдаю. От одной мысли, что план Егора провалился и мне предстоит жить с этим монстром под одной крышей. Ворочаюсь, не в силах сомкнуть глаз.

До исполнения задумки Егора было не меньше недели. Мужчина заходил редко, после окончания времени приёма. Естественно, его проводили тайно.

— Лилия Борисовна! — в мою палату влетает медсестра Жанна, — собирайтесь!

— Что? — сердце ухает в груди.

— Егор Олегович сменил план. В общем, вы уезжаете сейчас.

Сейчас? Он не бросил! Не оставил! Хлопаю ресницами, пока Жанна буквально впихивает мне в руки пухлый пакет.

— А охрана? — рваными движениями вытаскиваю форму медсестры и светлый парик.

— Они мне доверяют. Я работала над этим все эти недели. Не волнуйтесь. Мужчины очень падки на лесть и восхищение.

Я предпочитаю не вдаваться в подробности. И как только меняю больничную рубашку на принесенную одежду, в больнице пропадает свет. А затем включается сирена. Громкая, тем не менее она вызывает улыбку.

Медсестра берет принесенный мешок, заталкивает под одеяло. Вытаскивает темный парик, укладывает на подушку.

Потом хватает меня за руку.

— Пойдемте, Лилия, — тянет меня прочь из палаты, — у нас очень мало времени. Это всё продлится от силы минуты три.

Охранники, видимо, убежали на сигнал тревоги. Стоит жуткая паника, всё бегают туда-сюда. Мы с Жанной идем к служебному выходу. Открываем дверь, спускаемся по лестнице.

Чувствую, как адреналин пульсирует в крови. Быстрее, быстрее! Мы почти бежим. Выскакиваем на подземную парковку. Ночной воздух приятно холодит лицо. И тут одна из машин мигает фарами.

— Удачи вам, Лилия Борисовна, — Жанна вдруг обнимает меня, — будьте счастливы. И ещё... верьте ему.

Затем разворачивается и бежит назад. А я стою, как истукан, напротив внедорожника. На парковке темно. Боюсь сделать шаг. Но, перебарывая себя, бегу к авто.

Дверь открывается, ныряю на пассажирское сидение. Выдыхаю. Егор за рулем. Он с улыбкой меня осматривает.

— Без проблем выбралась?

— Да, спасибо Жанне, — пытаюсь отдышаться.

— Отлично, — говорит он, — тогда поехали.

— Как вы узнали? — выпаливаю, — что Макс изменил сроки?

— Он, когда пьяный, слишком разговорчивый, — бросает мужчина, заводит мотор.

Мы едем в сторону главного выезда. Но там скрупулёзно проверяют каждую машину. Страх ледяными пальцам стягивает горло. Страшно!

— Господи! — не могу сдержать ужаса, — как же мы...

— Спокойно. Это обычная процедура, Лиля, — Егор кладет ладонь на мою руку, — постарайся вести себя уверенно и всё пройдет хорошо. Ничего не бойся.

У Егора большая горячая рука. Немного расслабляюсь. И чувствую легкое покалывание внизу живота. Желание. Как неуместно-то!

Мужчина выглядит собранным, невозмутимым. И заряжает уверенностью меня. Кутаюсь в халат, притворяюсь спящей.

— Моя жена устала после смены, — слышу голос Фадеева-старшего, — не тревожьте её. Вот документы.

Кажется, что проходит вечность. Охранники что-то проверяют, смотрят. Ну быстрее же!

— Хорошо, проезжайте, — бодро рапортует охранник и мы трогаемся.

НЕУЖЕЛИ?! Я СВОБОДНА?!

Распахиваю глаза. Руки дрожат, меня колотит. Мы едем по пустынному шоссе. Мужчина включает тихую музыку, печку.

— Всё позади, Лиля, — говорит очень нежно, — поверь мне. Не замерзла?

— Слишком легко, — не могу поверить.

— Это и было просто. Но ещё ничего не кончено. Я увезу тебя, но они будут искать.

Землю рыть.

— И какой план?

— Начать новую жизнь. Я приготовил документы. Лилия Фадеева исчезнет навсегда. И отцу с братом придется смириться.

— Не знаю, как отблагодарить вас... — выдыхаю.

С плеч словно падает огромный груз. Многие тонны страхов, паники и боли. Я смотрю на огни фонарей, пустое шоссе. Слушаю рокот двигателя внедорожника. И всё еще не верю. Еще полчаса назад я была отчаявшейся пленницей, а теперь...

Мы подъезжаем к небольшому двухэтажному загородному отельчику. Чистому, опрятному. Вокруг лишь подмосковный лес. Так тихо.

— Здесь переночуем, — говорит Егор, — пару ночей лучше переждать. У меня подготовлена другая машина. Поедем на ней.

— Вас не хватятся? — спрашиваю, когда мы выходим.

— Хватятся. Но у меня на этот день был билет на самолёт. Семья думает, что я уже дома. Они слишком в себе уверены, чтобы рассматривать меня, как угрозу.

— Ничего себе. Прямо шпионская схема из боевика, — робко улыбаюсь.

Фадеев-старший берет на ресепшене ключи, оплачивает номер на двое суток. Мы будем жить в одной комнате? Сердце пропускает удар.

— Так безопаснее. Никто не заподозрит семейную пару, — улыбается мужчина.

Но что-то есть в его глазах. Глубина. Желание. Приоткрываю губы, облизываю их. Егор не сводит с меня глаз. Рассматривает лицо.

— Лиля, — хрипит, — пойдём, тебе нужно переодеться, помыться и выспаться. Я купил вещи, самое необходимое.

Следую за мужчиной. Но когда дверь номера закрывается, делаю то, чего никогда бы не сделала в любой другой ситуации...

Егор

Шок. Как только мы оказываемся в номере, Лиля бросается на меня. Обнимает, впивается отчаянным поцелуем. Тело мгновенно реагирует. Сжимаю девушку в руках. Понимаю краем сознания, что это стресс на неё так действует. Она напугалась и отчаянно ищет опоры.

В ее движениях чувствую отчаяние. Сука, как же тяжело отстраняться! Но я должен...

— Лиля...

— Я неприятна вам? — она заглядывает мне в глаза.

В ее глубоком янтаре вижу разочарование. Моя девочка... как же я хочу тебя! Но не могу... не сейчас, когда ты так уязвима.

— Дело не в этом. Ты сейчас не в себе.

— Это из-за Макса? — она вдруг краснеет, — да, вы правы. Не стоит нам... я замужем.

Сжимаю зубы. Лиля...

— Мне нужно отогнать машину. Ты пока переоденься, вот вещи, — кладу сумку с новыми шмотками, — сними этот парик. Помойся. Приди в себя. А мне лучше ночь провести в машине.

— Нет! — выпаливает она, — не надо. Мне одной будет страшно и... в общем, останьтесь. Я больше не посягну на вашу честь, Егор.

— Можно на «ты».

— Хорошо, — она семенит к ванной.

Выхожу из отеля. Постояльцев почти нет, сонный администратор разгадывает кроссворды. Выдыхаю. Весь горю после Лилькиного порыва. Тут звонит мой телефон. Макс...

— Да? — делаю голос максимально сонным.

— Лилька сбежала! — орет он в трубку.

— И правильно сделала, — бросаю раздраженно, — я причем?

— Нужна твоя помощь, — говорит Макс.

И ведь он даже не подозревает... усмехаюсь.

— Какая?

— Я знаю, что ты связан с очень... влиятельными людьми в розыске... военными.

— Обратись к отцу. Пусть подключит свои связи, — откровенно глумлюсь.

— Ага. Он меня прибьет, когда узнает, что Лилька свалила. Пиздец! Это жопа, Егор. Как она умудрилась?!

— Так что от меня надо?

— Найди её. Отыщи! Из-под земли достань. Желательно в течение пары дней.

— И что мне за это будет? — отлично, всё идет по плану.

— Поговорю с отцом, попрошу простить тебя... устроит?

— Подумаю. Узнаю что, наберу.

Прости, брат. Но тебе придется отпустить свою жену. А уж я позабочусь, чтобы она не только исцелилась от всего, что случилось, но и полностью тебя забыла.

Сдаю внедорожник, в отель возвращаюсь на такси. Когда вхожу в номер, Лиля сидит на подоконнике, потягивает минералку. Красивая. Хоть и уставшая. Задумчивая.

— Ты долго, — на ней шелковая ночнушка.

Член мгновенно оживает. Смотрю на изящные изгибы этой женщины. Я хочу её... пиздец как хочу. Она видит мой интерес и мгновенно краснеет.

— Прости, ничего более подходящего не нашлось.

— Тебе идет, — хриплю, выдавливая улыбку и отчаянно борясь с желанием наброситься, — знал, когда покупал.

— В душ пойдешь? — спрашивает она, — там классно. Будто сто лет нормально не мылась.

— Пожалуй.

Иду в ванную, скидываю вещи. Смотрю на себя в зеркало. Член стоит колом. Понимаю, что без экстренных мер обойтись не смогу. Включаю воду, захожу в кабинку. Здесь всё еще пахнет ей.

Блядь... яйца сжались до боли. Лиля... твою ж... обхватываю член рукой. Двигаю быстро. Прикрываю глаза и представляю наш поцелуй. Который заканчивается сексом.

Фантазия уносит. Лиля на дорогих шелковых простынях, её стройные бёдра распахнуты.

— Сука... — я уже не могу контролировать образы, подкидываемые возбужденным мозгом.

Прикрытые глазки, пухлые губки... стоны удовольствия. Тугое лоно, в которое толкается мой член. Пальчики, стягивающие простынь, крики от ярких оргазмов. Солёный вкус смазки и ЕЁ аромат. Неповторимый, будоражащий, подчиняющий.

— Лиля... пиздец... — оргазм приходит быстро.

Кончаю в кулак, выругиваюсь. Быстро споласкиваюсь, выхожу в одном полотенце. Вижу, как девочка краснеет. Усмехаюсь.

— Что хочешь поесть?

Но она не сводит глаз с моего тела. В свои почти сорок я слежу за собой. Кубики, вся хурма. Лиле нравится. Она всё еще сидит на подоконнике.

— Ты чего не в постели? Ложись. По приезду покажем тебя моему доверенному врачу.

Она вдруг подбирается. С сомнением глядит на меня.

— Тоже сомневаешься в моей вменяемости? — вспыхивает.

— Нет, — улыбка так и лезет на губы, — твои рёбра, органы и... бесплодность. Я сомневаюсь во всех поставленных диагнозах.

— Вот как... — она смотрит в пол, — бесплодная никому не нужна.

— Дело не в этом. Просто хочу убедиться, что ты в порядке. Хотя бы физически.

— То есть, с мозгами у меня всё не в порядке? — вскакивает, грозно смотрит на меня.

Фурия. Дико возбуждает.

— После того, что ты пережила... у любого останется психологическая травма. Если захочешь или будешь чувствовать себя неудобно, сходишь к психологу. Я точно осуждать не буду.

— Спасибо и прости...

— Ничего, — ищу сменную одежду, — ну так что ты хочешь поесть?

— Роллы. Простые роллы, — выдыхает она.

— Будет сделано.

Спустя час мы лежим в номере на постели, телевизор включен. Лиля, как ребенок, лопает с блаженным выражением лица.

— Давно я вот так не кайфовала от еды, — прикрывает глазки, — Макс вечно бурчал,

что я «холопский хавчик» заказываю. Я и перестала пару лет назад... достал.

— Он умеет, да.

— Прости, — она вдруг снова краснеет, — я некрасивая. Ненакрашенная, волосы в разные стороны.

— Ты красивая, Лиля. Безо всей этой ретуши. Расслабься. Прекрати извиняться. Я хочу стать другом для тебя.

— Только другом? — вдруг спрашивает она.

На коленях подползает ко мне. Внимательно глядит в глаза. Приоткрывает ротик. А я тарашусь на её губы. Блядь, что же ты делаешь...

— Пока да, — хриплю.

— Понятно, — она замолкает, но не перестает смотреть, — Егор... у меня есть вопрос, который мучает меня уже давно.

— Какой?

— Мы с тобой ведь... ближе, чем я помню, да? Между нами что-то произошло?

— Возможно.

— Расскажи мне. Я хочу вспомнить, чем так тебя зацепила! Потому что... в твоём присутствии моё сердце бьется чаще.

Лиля сейчас такая милашка. Любопытный взгляд, аккуратный носик. Сука, я просто одержим ей. А нам ещё два дня вместе в этом номере торчать. Не наделать бы глупостей.

— Прости, — снова краснеет, — это неуместно, да? Я ветреная...

— Неправда.

— Правда, — горько усмехается она, — еще две недели назад я была по уши влюблена в мужа. Но всё вдруг изменилось. Меня словно пропустили через мясорубку. И теперь бросаюсь на совершенно чужого человека... некрасиво это.

Молчу. Ей нужно выговорится. Лиля сейчас совсем одна. Напугана, растоптана.

— Он был таким хорошим... я не понимаю... жила в розовых очках. Как могла не замечать?

Она чувствует себя виноватой.

— Не нужно этого, Лиля, — слегка приобнимаю её, — Фадеевы — стальная машина. Они сметут любого.

— Неужели он и правда не любил меня? — она заглядывает мне в глаза, — ни капельки?

Изнутри поднимается волна ярости. Смотрит так... что хочет услышать? Что мой непутевый братец на самом деле её обожал? Хочу добить её чувства к нему во что бы то ни стало. Однако слова будто застревают в горле.

— Не знаю, Лиля. Чужая душа — потемки. Макс конечно мой брат, но я не могу тебе точно сказать, любил ли он тебя когда-нибудь или нет...

Не любил...

А я любил...

Но твой взор всё еще обращен в прошлое. Ты задаешь вопросы... а значит, будешь искать ответы.

— Даже не знаю, было ли в моей жизни хоть что-то настоящее... — лепечет она.

— Было.

— Что? Меня даже мать родная продала, как вещь.

— Ты. Ты настоящая.

Беру в руки её лицо. Печаль в глазах выворачивает душу наизнанку.

— Я хочу, чтобы и он, и она ответили, — вдруг говорит Лиля, — за всё, что со мной сделали.

— Ты хочешь мстить? — выгибаю бровь.

Она сжимает свои руки в крошечные кулачки. Яростно сверкает глазами.

— Он мало того, что меня растоптал, так и будущее моё уничтожил! Как буду без детей? Кому нужна? Я всю жизнь мечтала о полной семье!

Её голос срывается на крик.

— А он... — девушка начинает плакать, — просто обрюхатил мою помощницу! У него ребенок будет! А как же я?!

— Лилия...

— Ты спрашиваешь, хочу ли я мстить? Да, черт подери! Я жажду мести! Ради чего мне жить-то теперь?

Вытирает слёзы. Но они текут с удвоенной силой. Прижимаю Лилию к себе. Хочется её успокоить. Я готов и без детей прожить, лишь бы она рядом была. Но эта девочка хочет ребенка... и тут я бессилён.

— Хорошо, — шепчу, — я тебя понял.

— Что?

— Мой брат ответит, Лилия. Я помогу тебе свершить месть. Но прошу об одном... позволь себе жить.

— Как...

— Я знаю, о чем говорю. После того, как ушел из семьи без гроша в кармане, я ненавидел их всех. Мать, которая лишь смотрела, боясь и слово отцу сказать... отца, который до конца жизни останется высокомерной скотиной... брата, который...

Осекаюсь. Брат отнял у меня любимую девушку. Но Лиле лучше не знать...

— В общем, всех. Но потом, когда освободился, чего-то достиг, я понял, что делал всё это для себя. И Фадеевы больше не имеют власти надо мной.

— Тебе проще, — она прижимается ко мне, — ты можешь встретить достойную женщину, завести семью. А я бракованная.

— Это не так. Свет в конце тоннеля есть. Знаю, что тебе непросто. Но я всегда рядом. И если тебе приснится кошмар, буди меня, не задумываясь...

— Нечестно... — на её лице появляется слабая улыбка.

— Честно. Это моё решение. Как и твоё спасение. Ты выкарабкаешься. И снова будешь улыбаться. Не сразу... но обязательно будешь. Я всё для этого сделаю.

— Потому что я твой друг? — она хитро прищуривается.

— И поэтому тоже... — снова пытаюсь уйти от непростых признаний.

— Я вспомню. Точно вспомню! И тогда ты не отвернешься.

Мы убираем остатки еды, Лилия умывается и ложится в постель. Когда она заснет, я свалю в машину. Не могу. В её присутствии у меня постоянно стоит. Невыносимо и опасно для этой девушки.

Когда Лилия укладывается, её глаза закрываются.

— Давно я нормально не засыпала, — бурчит, обнимая меня, — с тобой так спокойно, Егор. Так... по-домашнему.

— Спи, — глажу её по голове.

— Спасибо тебе огромное. Спаси...

Затем она засыпает. А я лежу, не в силах пошевелиться. Вдыхаю сладкий аромат ее кожи, ощущаю нежность, исходящую от этой девушки. И не могу понять, за что на её долю выпали все эти испытания.

— Я так тебя люблю... — шепчу, целуя Лилю в макушку, — знала бы ты.

Красивое лицо такое безмятежное, спокойное. Но под глазами залегли синяки. Её мучили. Глумились. Она права: Фадеевы ответят за всё. За каждую жертву и сломанную жизнь. Но месть свершу я. Этот грех возьму на душу сам. Ведь план уже готов.

А её нужно уберечь. Не пустить в светлую душу ненависть. Ведь Лилия рождена для любви.

— Алло? — раздраженно бросаю.

Еду домой после работы. В свою пустую квартиру. Уже очень поздно.

— Сынок... — тихий голос матери звучит печально.

— Чего тебе?

— Девочка... в которую ты был влюблён, в беде. Лиля... ты ей нужен Егор.

— С чего...

— Я знаю, что ты любил её. И лучше бы женился на ней. Уехали бы... жили счастливо.

— Мама.

— Приезжай. Спаси невинную душу, сынок. Вы оба это заслужили.

Мама...

Почему ты не послала нахер этого садиста и не ушла?

До сих пор понять не могу. Глажу Лилю, думаю о матери. И о том, что все женщины Фадеевых несчастны. Та же участь ждет и любовницу брата. Аккуратно освобождаюсь, беру ключи от машины.

— Е... гор... — шепчет Лиля, и я вздрагиваю, — не... уходи...

Усмехаюсь и возвращаюсь в постель. Да к черту! Я люблю эту девушку. И эту ночь мы проведем рядом.

Лиля

Просыпаюсь, когда на улице уже темнеет. Сладко потягиваюсь. Давненько я так не высыпалась. Смотрю на примятую подушку рядом с собой. Где-то в груди, очень глубоко, что-то ёкает. Вспоминаю наш вечерний разговор с Егором.

Немного откровенности и я уже была готова на большее. Хочется отхлестать себя по щекам. Не так меня воспитывали.

Стекаю с кровати, затем иду в ванную и привожу себя в порядок. Улыбаться не тянет, но лицо хотя бы приобрело розоватый оттенок. Может, брат мужа прав? И я всё-таки смогу начать всё заново?

— Тук-тук! Лиля, ты в порядке? — снаружи слышится напряженный голос Егора.

— Да, я умываюсь. Сейчас выйду.

Расчесываюсь, смываю прохладной водичкой остатки сна. Чищу зубы. Выхожу. На кровати лежит аккуратно сложенная одежда. Мужчина курит в открытое окно.

— Нам нужно ехать, — говорит он, — мне позвонили. Шавки Фадеевых рыщут в этом направлении. Лучше перестраховемся.

Внутри всё сжимается. Кончики пальцев становятся ледяными, будто из них всю кровь выкачали. Страшно.

— Боже! Они знают? Им рассказали... — выдыхаю.

— Нет. Уверен, просто угадали, — бросает мужчина, затем выкидывает окурок, закрывает окно, — переодевайся и поехали.

— А вдруг знают? — стою на своем.

— Нет, Лиля. Не бойся. Я тебя им не отдам, — он касается моего плеча.

Прикосновение Егора очень нежное. Киваю.

— Я выйду, пока ты переоденешься. Закрою бронь и напомню администратору, что лучше не болтать.

Он уходит, а я смотрю на одежду. Вздыхаю и начинаю одеваться. Сто лет не носила обычные джинсы и пуловер. Сколько лет я не вылезала из обтягивающих юбок, платьев? И каблучков?

Рёбра все еще немного болят. Неприятное, ноющее чувство. Одевшись, вновь нацепляю парик и огромные очки, лежащие в сумке с вещами.

Пять минут спустя мы с Фадеевым уже спускаемся к машине. Держусь, чтобы прямо по пути не начать метаться в панике. Я тепличная! Совершенно не приспособленная к такой жизни...

— Не бойся, — успокаивает меня мужчина, — садись.

Открывает дверь белого седана. Быстро ныряю туда, пристегиваюсь. Руки дрожат. Бросаю взгляд в боковое зеркало и замираю. К отелю подъезжают две черные тонированные машины.

Нас не замечают, вооруженные мужчины заходят в отель. Они даже не прячут пистолеты. Боже мой! Сердце ухает где-то в районе живота. Меня начинает тошнить от страха. Егор спокойно докуривает, обходит машину и садится за руль.

— Господи! — закрываю лицо руками, — ну когда же это кончится?

— Скоро. Поверь мне, Лиля, совсем скоро.

— Почему ты так уверен? — голос предательски дрожит и срывается.

— Потому что уже через пару часов ты будешь в безопасности.

— Не говори загадками, Егор! — вспыхиваю, — здесь же нас нашли!

— Они просто угадали, Лиля, — он кладет большую тёплую ладонь на мою щеку, — дальше зона влияния Фадеева заканчивается.

— О чем ты?

— Мало кто знает, но город, в котором я живу и строю бизнес, находится вне досягаемости отца. Там управляет другой воротила.

— Час от часу не легче... — бурчу.

— И в обмен на кое-какие услуги он согласился тебя укрыть.

Вздыхаю.

— Голодна? — спрашивает Егор.

— Немного. Но не уверена, что смогу в себя затолкать хоть что-то...

— Нужно поесть. Но по дороге только забегаловки...

От мыслей о сочном бутерброде, жутко вредной кока-коле и сладком пирожке желудок сводит.

— Давай остановимся. Сто лет не ела вредностей!

Мужчина улыбается. А спустя полчаса мы сидим в придорожной бургерной и уплетаем вредные бутерброды. Страх отступил, его место занял сильный голод. Так что заказываю себе три гамбургера, большую картошку и огромную колу.

— Вкусно! Сто лет подобного не ела! — восклицаю.

— В нашей семье подобное не принято, — усмехается Фадеев, — с детства одни пресные овощи, да каши. Бесконечные няньки, диетологи. Мы, помню, с такими же богатыми и несчастными друзьями сбегали и наедались в Макдаке до тошноты... а потом отгребали по самое не могу

— Мне мама всегда говорила: Лилия, твоя задача — заарканить богатого и надежного мужика. И так лет с пяти, — вздыхаю, — так что с этого возраста я уже готовилась быть идеальной женой. И, как известно, девочки не едят много. Ну заарканила, и толку?

Этот небольшой полевой обед реально отвлек меня от проблем. Но сейчас они снова наваливаются, не давая дышать.

— Лиля? — Егор накрывает мою руку, — ты опять впадаешь в уныние?

Криво усмехаюсь. Вокруг, как назло, множество семей с детьми. И я еще острее чувствую свою ущербность. И одиночество.

— Я хочу знать.

— Что? — мужчина смотрит мне прямо в глаза.

— Случайна ли была авария, — гляжу в окно, — не верю, что просто так... вот чувствую, что неспроста...

— Я всё выясню.

— Надеюсь, мне расскажешь? Слушай... — я сжимаю его пальцы, — не нужно меня беречь, если что.

Мужчина хмыкает. Ему явно не хочется давать мне это обещание. Но в итоге Егор сдается.

— Хорошо.

— Спасибо.

Дальше мы едем молча. Фадеев что-то обдумывает, периодически поглядывает на

телефон. Я чувствую себя очень комфортно, даже не произнося ни слова. Когда этот мужчина рядом, на сердце становится теплее. Такое странное чувство, что я на своём месте.

Жуткая пригородная дорога постепенно становится лучше. И ближе к ночи мы въезжаем в город. Чистенький, на первый взгляд спокойный городок без высоток.

— Ну вот, Лиля, — говорит мне Егор, — с сегодняшнего дня у тебя начинается новая жизнь.

— Я буду жить у вас? — гляжу по сторонам, рассматривая приятные неоновые огни небольшого городка.

— У меня две квартиры. В одной живу я, а вторая пустует пока, — спокойно говорит Егор, — поселю тебя туда. Там и до офиса недалеко.

— Да... мне бы этого хотелось. Я не готова жить с мужчиной. Встану на ноги и куплю квартиру.

Он ухмыляется.

— Как скажешь, Лиля.

— А когда я выйду на работу?

— Ты уверена, что это нужно? Я думал, месяцок передохнешь, придешь в себя.

— Нет! — заявляю уверенно, — не хочу вариться в собственном бессилии еще месяц. Дай мне пару дней и буду готова.

Фадеев вздыхает. Тем временем мы подъезжаем к приятного вида пятиэтажке. Двор просторный, подземная парковка, много зелени.

— Непохоже на простую хрущёвку, — хмыкаю.

— Это и не оно, — смеется Егор, — это новый дом, построенный под патронажем моей компании. Мы взяли за основу европейский формат малоэтажной застройки.

— Класс! — восхищаюсь, — а то так уже эти высотки надоели!

— Человеку комфортнее жить в таком доме. Мы планируем вынести проект на рассмотрение в более высокие инстанции. Уверен, за таким жильем будущее.

— Вы поэтому и связались с местной мафией?

— Исаев не местная мафия, Лиля.

Егор открывает дверь, мы выходим и идем к лифту.

— А кто? Если он может составить конкуренцию Олегу?

— Вот именно. Местный царек не сможет соперничать с моим отцом. А Глеб Исаев вполне.

— Понятно. То есть, ты хочешь сделать жизнь людей лучше?

— В перспективе да, — он ведет меня к массивной деревянной двери, — а пока моя цель — защитить тебя, дать дом и помочь встать на ноги.

— И всё?

Разворачиваюсь, заглядываю мужчине в глаза. Где-то внутри, под слоем пепла, рождается желание поиграть с ним. Пококетничать. Я ведь давно забыла, что это такое.

Фадеев мягко улыбается, затем целует меня в лоб.

— Нет. Но об этом потом поговорим. Вот, смотри. Твой новый дом!

Он включает свет. Я ахаю. Просторный коридор с шикарной отделкой, всё очень стильно и красиво.

— Нравится? Лично занимался её дизайном, — Егор кладёт мою сумку, затем стягивает с меня парик, — тебе лучше без него Лиля.

Обстановка стремительно раскаляется. Я слышу дыхание Фадеева. Мы смотрим друг на

друга, не в силах отвести взгляд. Что же нас связывает? Он делает шаг ко мне, но...

— Простите, — обнимаю себя руками.

Резкий приступ дрожи разбивает всю интимную атмосферу.

— Ты меня прости, Лиля, — мужчина криво улыбается, — давай, я всё тебе покажу.

Спустя полчаса мы сидим на просторной отлично оборудованной кухне, пьем чай. Егор всё организовал. Мне всё еще тревожно, очень. Я боюсь. Не знаю, смогу ли уснуть одна. Но просить мужчину остаться... не покажется ли ему это приглашением к большему?

— Ладно. Мне пора, — Егор поднимается, — ты ничего не бойся. Здесь есть сигнализация. А, да еще вот.

Он копается в карманах, затем достаёт упаковку таблеток и рецепт.

— Жанна передала тебе безопасное снотворное. Но не злоупотребляй. Я понимаю, что ты пока не чувствуешь себя в безопасности. И могут быть проблемы со сном.

— А когда ты приедешь? — стараюсь скрыть надежду в голосе.

— Завтра. В этой квартире заправляет моя давняя знакомая, бабуля-божий одуванчик. Я предупредил её, так что не удивляйся. С утра приеду, привезу ключи и покажу район, что где.

— Хорошо, — киваю.

В момент, когда за мужчиной закрывается дверь, мне хочется лишь одного: броситься за ним и попросить не оставлять меня одну. Пустота в квартире становится осязаемой, тяжелой, невыносимой. Прислоняюсь спиной к двери.

Вокруг сгущается тьма. Она сдавливает виски, мешает дышать. Реальность ускользает сквозь пальцы.

— *Вот! Какой красавчик. Ваш сыночек, Лиля, — медсестра протягивает мне маленький кряхтящий комочек.*

Обнимаю его. Мой сынок! Неужели все произошедшее — лишь плохой сон? Кошмар? Лежу в светлой просторной палате. Сердце наполнено счастьем.

Макс! Дверь палаты открывается, ко мне входит муж.

— *Ты такая молодец, — передо мной снова мой любимый мужчина, — ты справилась, Лиля.*

Нет больше жестокого монстра! Это всё — лишь плод моего воображения.

— *Макс... ты... — хочется плакать, — всё хорошо? Между нами...*

Он с удивлением смотрит на меня. Берет сына на руки. Они так хорошо вместе смотрятся.

— *Унесите, передайте ребенка Маше, — вдруг произносит муж.*

И тут я вижу... хищный, злой блеск в его глазах.

— *Твой ребенок теперь будет жить со мной и Машей. А ты отправляешься в психушку, дорогая.*

— *Нет! НЕТ!* — кричу, когда муж направляется к выходу.

В проеме вижу свою мать, отца Макса. Словно два мира. Мой, наполненный болью, паникой, страхом и их — счастливый, построенный на сожженных костях моего сердца.

— *ННННН!* — кричу, когда трое взрослых мужчин в белых халатах хватают меня.

— *Эй! Девочка!* — распахиваю глаза.

В квартире светло. Уже утро? Что? Напротив меня сидит пожилая женщина.

— Тебе кошмар приснился. Почему на полу заснула? Ой, нехорошо это.

— Вы... — хриплю, хватаясь за горло.

— Я Антонина Васильевна, слежу за Егорушкиной квартирой. Он предупредил, но не сказал, что все так плохо.

Она помогает мне встать. Я вся в холодном поту, ноги и руки затекли, щеки мокрые от слез. Бабуля осматривает меня, качает головой.

— Ты сходи в душ, там тебе домашние вещи приготовлены. А я пока сварганю завтрак.

— Но...

— Иди-иди! — она подталкивает меня, — чай сделаю успокаивающий на травах, мой фирменный. Сильно тебя потрепали.

— Спасибо...

Иду в ванную. Что это был за кошмарный сон? Почему? Мысли путаются, никак не могу полностью вернуться в реальность. Зачерпываю ладонями ледяную воду и пытаюсь смыть остатки кошмара.

— Я в безопасности... в безопасности, — шепчу себе, стягиваю вещи.

Моюсь. Дрожь постепенно проходит. Вода смывает страх, забирая его с собой. Выхожу, чувствуя себя куда лучше. Надеваю домашний костюм, любезно оставленный Егором.

— Я справлюсь! — заявляю своему бледному перепуганному отражению, — у меня всё будет хорошо.

Лилия

— Какие же сволочи! — восклицает Антонина Васильна, чуть не обрушив кружку с ароматным чаем, — как таких земля носит?! Бедная девочка...

Я рассказала этой пожилой женщине о своей беде. И на душе стало немного легче. Если ей доверяет Егор, то и я могу, правда?

— Очень вкусно! А что за травы? — впервые пробую столь интересный насыщенный чай.

— Много всего, деточка, — усмехается бабуля, — чабрец, ромашка, пара секретных ингредиентов, — ну а ты и Егор... что между вами?

Мгновенно заливаюсь краской. Вся эта история так сильно закрутилась, завертелась, что у меня совсем не было времени подумать о том, чего я жду от общения с Фадеевым-старшим.

— Он приятный мужчина, — говорю, тщательно подбирая слова, — с ним легко и спокойно.

— Он о тебе с таким чувством говорит, — заявляет она, — глубоким, сильным. Держись его и всё хорошо будет. А муж твой, мразь, каких поискать.

— Знаю...

— Но его настигнет еще судьба тяжкая. А в жизни твоей будет шанс. Ты, главное, не упусти его, — она собирает чашки, тарелки, — а то на Егорку-то тут целая очередь девиц разных. Постоянно пороги обивают.

— Вот как? — мне неприятно это слушать.

Но почему?

— Но сначала в себе разберись, — поучает меня Антонина Васильна, — множество демонов тянут назад, на самое дно. Ненависть — главный из них. Как избавишься, так сразу дышать легче станет.

— Спасибо вам! — восклицаю, — выслушали совершенно чужого человека.

— Может, это у вас в столицах принято мимо чужой беды пройти, у нас помогают друг другу, — она цокает языком, — всегда можешь обратиться ко мне.

Со стороны коридора слышится звук открывающейся двери, затем тяжелые шаги. Сердце предательски скачет в груди. Подскакиваю. На кухню входит Егор, весь такой деловой.

В дорогом темно-сером костюме. Расстегнутая верхняя пуговица идеально белой рубашки смягчает образ.

— Баб Тонь, ну вы как, подружились? — улыбается.

— Да, Лиля твоя добрая и отважная, — бросает бабуля, — ты смотри, какой красивый к девушке приехал. Я холодильник на неделю наполнила. И еще... не оставляй ее пока одну.

— Но... — начинаю было возмущаться, но под строгим взглядом бабульки тушуюсь.

— Она ночь на полу провела... — качает головой.

— Что?! — Фадеев подходит ко мне, внимательно осматривает, — Лиля, почему не позвонила?

А я краснею. Что сказать? Что внутренний страх слишком силен? Что мне стыдно, словно недоросшей девчонке, по каждому поводу обращаться к нему? Прикусываю губу,

отворачиваюсь.

— Нам нужно поговорить, — жестко чеканит Егор, — баб Тонь, я вам очень благодарен!

— Да ничего, Егорушка. Пойду я. Зайду завтра с утра, нужно прибраться.

— Я сама! Не стоит вам...

— Мне в радость, — улыбается наглая старушенция, — компанию тебе составлю.

Она ушаркивает прочь, а я так и стою, опустив голову, как школьница.

— Лиля, посмотри на меня, — говорит Егор, — пожалуйста.

Поднимаю взгляд. Теряюсь в изумрудной бездне, полной гнева. И чего-то еще. Чувства, которому я не готова дать определения. В глубине души я знаю его, но ответить не пока не могу.

— Почему ты спала на полу?

— Я не... просто кошмар приснился.

— Это не ответ, — жестко говорит Фадеев, — на кровати неудобно? Купить новую?

— Нет, нет! — он слишком близко, делаю шаг назад, упираюсь попой в стол, — просто я...

Блин, вот как объяснить ему, а? Чтобы без особых подробностей?

— У тебя была паническая атака? — угадывает.

— Да...

— Лиля, — мужчина делает шаг ко мне.

Отступать некуда. Позади керамическая столешница. Егор подцепляет мой подбородок. Лишь сейчас я осознаю, что попала в плен его мужественности и защиты. Всегда считала себя самостоятельной. Но в итоге, как хомячок, бегала по кругу в колесе, посаженная туда любящим супругом.

Игрушка...

Я не могу! Мне страшно! Душа будто бьется в липкой паутине. Сгорает от чувств, которых не понимаю. Я боюсь не Егора, а себя рядом с ним. Потому что таю...

— Слишком близко, — лепечу, раз за разом облизывая губы, — пожалуйста...

— Прости, — мужчина отступает, взъерошивает темные густые волосы.

Он красивый. Очень! Уверена, бабуленция правду мне сказала. Егор Фадеев — самый желанный холостяк этого города.

— Тебе нужен специалист. Я запишу тебя в нашу поликлинику при компании. Сдашь анализы, пройдешь консультацию психолога.

— Нет! — обнимаю себя руками, — я не сумасшедшая!

— Никто и не говорит этого, — ласково мурчит Егор, — просто я беспокоюсь, Лиля. Ты не можешь спать на полу. Тебя пытались сломать, понимаешь?

Отворачиваюсь. Я не хочу! Хватит с меня больниц. Не буду!

— Нет... не надо, — из глаз льются слезы.

Снова вспоминаю эту проклятую палату, в которой меня хотели похоронить. Я не вернусь! Нет!

— Я понял... понял! — Фадеев вторгается в мое личное пространство и сжимает в объятиях, — прости, слишком всё быстро. Просто я хочу знать, не навредили ли они тебе...

Но слезы уже не остановить. Они рвутся наружу. Рядом с этим мужчиной я отчаянно хочу быть слабой девушкой. Но мне нельзя! Я сильная! Так что быстро беру себя в руки, вытираю слезы.

— Твой пиджак, — хмурюсь, — я постираю.

— Все нормально. Это лишь слезы. Тем более твои.

— Что это значит? — вскидываю голову, — что между нами происходит?

— Ты мне скажи... — шепчет мужчина, роняя взгляд на мои губы.

Оттолкни! Прекрати это! Но внутренний голос замолкает. Пока лицо Егора приближается к моему. Непростительно! Я замужем, пусть и за монстром. Цепляюсь за мужской пиджак. Приоткрываю губы...

Дзынь! Дзынь!

Егор резко отходит. Наши губы были в миллиметре друг от друга. И я хотела этого поцелуя. Черт возьми, да что со мной не так?

— Кто это? — нарушаю неловкую тишину между нами.

— Я позволил себе кое-что заказать, — улыбается Егор, словно и не расстроился из-за того, что нас прервали.

А я расстроилась, блин! Мне отчаянно хочется узнать, каковы на вкус губы Егора Фадеева. За дверью и правда курьер. Мужчина расписывается, затем принимает красивые коробки. Подхожу к нему.

— Постельное белье. Решил, что синее такой девушке не подойдет, всё же я больше для себя закупаюсь. А тебе нужно все самое изысканное.

— Ух ты! — беру одну из коробок.

— Роял сатин. И один шелковый комплект на особый случай.

Наши взгляды снова встречаются. Уверена, он думает о том, что мы... в этой постели... на этом дорогом шелке. Мамочки! Вспыхиваю, а Фадеев смеется.

— Очень смешно, — бурчу, прижимая коробку к груди, не зная, куда взгляд деть, — боюсь представить, что ты себе нафантазировал.

— Я? — хохочет мужчина, — ты такая милая и невинная, Лиля. А мой брат пытался сделать из тебя роковую леди.

— Думаешь, я милая?

— Очень. Ты еще ребенок, несмотря на... то, что пережила. И это качество поможет тебе прийти в себя. Дети гибкие и пластичные, вопреки всеобщему мнению. И способны выдержать почти что угодно.

Егор помогает мне перестелить белье. Оно отлично смотрится. Бело-красное, с японскими мотивами. Люблю такое. Очень нежное, мягкое, приятное к коже.

— А ты куда так вырядился? — спрашиваю, когда мы убираем шелковый комплект для будущей роковой ночи в шкаф.

— К Исаеву. Нужно решить пару вопросов.

— Ты же хотел показать мне район?! — надуваюсь, скрещиваю руки на груди.

— Это внеплановая встреча, Лиля. Я покажу тебе всё, обязательно. Но сейчас мне нужно по делам. А ты поспи.

— Что?

— То! Хочешь сказать, что на полу выпалась? Прими горячую ванну, расслабься. Выпей снотворное и ложись отдохни. Поверь, вечером этот город куда красивее.

— Ладно, — соглашаюсь, — надеюсь, ты меня не обманешь.

— Тебя никогда.

— То есть, ты лжешь другим? Постоянно? — провоцирую.

Егор усмехается, но не отвечает. Вижу, как под натянутой тканью пиджака

перекатываются его мышцы. Испытываю острое желание потрогать их. Что со мной? Я не должна... мы не должны...

— Я поехал. Поставь будильник и не забудь выпить лекарство. Оно поможет против кошмаров, — Фадеев целует меня в лоб и уезжает.

Как только за ним закрывается входная дверь, я ощущаю острую тоску. Рядом с этим мужчиной словно все отходит на второй план. Ладно! Нужно отвлечься. В конце концов, меня спасли из сущего кошмара.

Попробую обратить взор не в темное прошлое, а в светлое будущее. Наливаю ванну, бросаю туда ароматическую соль. Лезу в холодильник и достаю бутылку вина. Вспоминаю о снотворном и убираю алкоголь.

Забираюсь в горячую ванну. Это нереально! Как давно я так не наслаждалась! Горячая вода ласкает кожу. Прикрываю глаза и вспоминаю наш с Егором почти поцелуй. А что было бы, если бы нас не прервали?

Касаюсь губ кончиками пальцев. Они слегка пульсируют. Приятно ли целовать его? Насколько Егор напористый? К чему бы привел этот поцелуй?

Мысли бешеным стадом носятся в голове, а руки...

— Ах... — выдыхаю, коснувшись твердо стоящих сосков, — ммм! Хорошо... дааа...

Давно я себя не ласкала. Не пускаю в голову лишнее. Лишь образы, способные возбудить. Кручу сосочки, стону в голос. Развожу ноги. Поглаживаю живот, представляя, что это не мои руки. А его. Мужчины, спасшего меня.

Внизу всё мокрое. Ну конечно! Стыдно признаться, что близость Фадеева-старшего меня заводит. Не должна... нельзя... стыдно... страшно... но так желанно!

— Да... дааа... божеее! — откидываю голову, кусаю губы до яркой боли.

Пальцы кружат вокруг клитора, набухшего, торчащего между моих бесстыдных складочек.

— Егор... дааа... вот таааак! — веду бедрами вверх, вхожу в себя, ласкаю стеночки.

Хочу, чтобы он смотрел. Что его чистый и милый ангел Лилия — порочная девчонка, засовывающая в себя три пальца, теребящая свои неприлично твердые соски. Мечтающая заглотить член до самых яиц. Жажущая, чтобы ты смотрел на меня своими зелеными глазами. Чтобы хотел... желал. Только меня одну...

— Да... я такая... ммм... как же хорошо... даааа! — содрогаюсь в оргазме, принимая грязную часть себя.

Извиваясь в оргазме, я вдруг вскрикиваю.

Его губы на моих. Внутренняя борьба хорошей девочки, невесты в белом и порочной, развратной девчонки. Огонь, пляшущий на языке. Я пьяна... совершенно.

Потому что мой жених шляется не пойми где. Наверняка изменяет... а я... должна ждать? НЕТ! Егор был лишь поводом. Но так ли это на самом деле? Ведь тот поцелуй меня обезоружил, заставил иначе взглянуть на мир. Моё тело отвечало. Большие ладони на моей груди, язык во рту... впервые я так сильно возбудилась.

Наш поцелуй... самый настоящий в моей искусственной жизни. Но я сбежала. От мыслей, чувств, от одолевающего навязчивого желания. Я также мастурбировала тогда. Запершись в ванной. Тиская торчащий клитор и кончая с ЕГО именем на губах.

— Вот оно... — распахиваю глаза, — как же... я забыла...

Осматриваюсь. Я расплескала воду, страстно лаская себя. И думая о нем. Внутри всё переворачивается. Мой первый поцелуй...

— Был с ним! — выпаливаю, затем выскакиваю из ванной, оборачиваюсь полотенцем. Иду в спальню, понимая, что вся жизнь теперь приобрела совсем иной оттенок.

Егор

Лиля... боже, что ты делаешь со мной, девочка? Сажу в машине на подземной парковке, со всей силы сжимая руль. Костяшки пальцев уже начинают синеть. Прикрываю глаза. Её губы... алые, манящие, сладкие.

— Ты не помнишь, а я помню... — откидываюсь в водительском кресле, взъерошивая волосы.

Она... лишь она одна в моих мыслях. Не думал, что можно любить так сильно. И так долго. Годы. Долгие годы я выжигал Лилю из головы. Трахал женщин, даже заводил отношения. Но всё кончалось одинаково. Мне нужна она.

Выбрасываю сигарету и даю по газам. Не хватало еще размякнуть перед Исаевым. Он акула. Как и мой отец. Мы не друзья, лишь компаньоны, временное перемирие против Олега Фадеева.

Исаев живет за городом, в огромном особняке. У меня был шанс построить такой же. Но я не люблю роскошь. Был окружен ей с самого детства. И знаю, что скрывается внутри.

— Привет, Егор! — Исаев лежит напротив бассейна в одних плавках, жутких безвкусных очках и курит.

— Глеб...

— Провернул свой шпионский план? — ржет он.

— Да.

— То есть, твоя нимфа теперь здесь, у нас? Познакомишь?

— И думать забудь. Она прошла через ад.

— Ну не сейчас, так потом, — смеется бандит, — на свадьбу пригласишь?

Вздыхаю. Глеб Исаев всем кажется дружелюбным, своим в доску. Но когда ты понимаешь, что перед тобой за монстр, уже может быть поздно. Сажусь с ним рядом.

— Сигарету?

— Нет, спасибо.

— Итак, ты приехал сообщить, что готов начать исполнять свою часть плана?

— Да.

— Неужели ради этой красотки снова нырнешь в Фадеевское дерьмо?

— Да.

— У меня скоро будет вечеринка. Приходи со своей пассией, уж больно интересно взглянуть на ту, ради которой Егор Фадеев готов разрушить империю собственной семьи.

— Не думаю, что Лиля захочет.

— А ты не решай за нее, — он подмигивает, — приведи девчущку, будете почетными гостями. Я тебе не враг, Егор. И ты это знаешь.

Верно. Пока мы на одной стороне, Исаев лоялен. Но что будет, если вдруг мы перестанем быть союзниками? Возвращаюсь к машине. Может, он и прав. Лиле нужно налаживать свою жизнь. А вечеринки у Глеба всегда приличные.

Безумно тянет назад, к Лиле. Быстро возвращаюсь назад, какое-то время стою внизу. Выкуриваю сигарету за сигаретой. Блядь, с этой женщиной я как подросток прыщавый. Постоянно о ней думаю, и постоянно со стояком.

Поправляю брюки, затем выхожу из машины. Но как только делаю шаг за порог лифта,

до меня доносится неприятный запах гари. Едкий, сильный. Твою мать!

Влетаю в квартиру. Ни зги не видно. С кухни до меня долетает едва слышный всхлип. Продираюсь через густой дым. Что здесь такое стряслось?

— Лиля?! — вижу, как девушка сидит в углу, обняв колени и плачет.

А на плите сковородка, вся покрытая сажей. С явно неудавшимся блюдом, которое я не могу идентифицировать.

— Я бесполезная, — шепчет она, я же накрываю горелые остатки продуктов крышкой, присаживаюсь напротив.

Она такая милая! Перехватываю её руки, горячие, дрожащие.

— Что случилось?

— Я захотела приготовить омлет. Но до этого у нас всегда кухарка этим занималась. И то редко, мы в ресторанах питались... — снова всхлипывает.

— Почему бабе Тоне не набрала?

— Я же не ребенок! — зло выпаливает, затем снова заливается слезами, — это же просто. Рецепт достала, но что-то пошло не так.

Ребенок... дело же не в этом, малышка. Но она не привыкла просить помощи. До последнего будет пытаться сама. Вдыхаю, затем разворачиваюсь. Стягиваю пиджак, закатываю рукава.

— Мда, поработать здесь придется. А потом пойдем в кафе, я ужасно голодный, — подмигиваю Лиле.

— Не нужно меня жалеть, — она встает, затем берет другую тряпку, — я это устроила, я и уберу.

— Мы вместе это сделаем, — улыбаюсь, — давненько я подобных задач не решал.

Лилия робко улыбается. Стискиваю зубы, борясь с желанием просто усадить её на этот стол и оттрахать как следует. Отвлекаюсь и мы приступаем к уборке. Моем, вытираем. Лилия явно не приспособлена к самостоятельной жизни. Но очень старается.

— Прости меня, Егор, — вздыхает, когда мы заканчиваем, — я чуть твою кухню не спалила.

— Да, фигня. Главное, что ты не пострадала. Она и не такое переживала. Я тоже был тепличным, и учился обслуживать себя. Все сгорало, выкипало, прежде чем я смог приготовить яичницу или макароны. Поверь, тут пало храброй смертью столько яиц, на птицефабрику хватит!

Она краснеет. Опускает взгляд. Затем издает легкий смешок. Даже сквозь остаточный запах гари я чувствую тонкий шлейф аромата кожи Лили. Моя нежная девочка. Залипаю. Пиздец... думал, что смогу держать себя в руках. Но сейчас нам срочно нужно покинуть замкнутое пространство!

— Так, теперь мы идем в кафе. Заодно я покажу тебе, что и как тут устроено, — поднимаюсь, — переодевайся и погнали!

— Я воняю, — морщит носик Лилия.

Подхожу, принимаюсь.

— Совсем немного! На улице всё выветрится. Давай, иди, — подталкиваю её, и девушка убегает в спальню.

Вдыхаю, подхожу к окну. Может, стоило мне посоветовать её в другую компанию? В присутствии Лили мой член постоянно стоит, а мысли вечно в порнушной плоскости. Как мне конторой управлять?

— Я готова! — она высказывает, одетая в джинсики, обтягивающие круглую попку, и майку.

Она без лифчика. И её соски торчат. Блядь! Смотрю на неё, из легких весь воздух вышибает. Еле держусь, чтобы порочно не облизать губы.

— Что-то не так? — она осматривает себя, — не идет? Переодеться?

А я смотрю. Думаю, сказать или нет... но решаю поступить, как эгоист. И любоваться на её твердые вершинки весь вечер.

— Нет, Лиля, ты прекрасно выглядишь.

— Спасибо! Идем?

— Идем...

Мы быстро добираемся до ближайшего кафе. Владельца знаю лично, так что получаем лучший столик с видом на парк. Пока Лиля усаживается, иду поздороваться с хозяином заведения, как вдруг...

— Егор?! Я не знала, что ты уже вернулся! Наконец-то!

Оборачиваюсь.

— Вера?

Моя подчиненная, а теперь мы именно коллеги, стоит под руку с каким-то мужиком. Увидев меня, бросает своего спутника.

— Егор! Ты уже вернулся! — верещит она.

Я чувствую на себе взгляд. Оборачиваюсь и вижу Лилю, которая с любопытством рассматривает Веру. Где-то в глубине души появляется темная мыслишка...

Интересно, она заревнует?

Но я прекрасно понимаю, что Лиля только что пережила предательство мужа. И с моей стороны жестоко так поступать. Так что даже намек на измену не будет. Пусть даже мы и не встречаемся. Отхожу от бывшей на достаточное расстояние, хмуро гляжу на неё.

— А ты с кем здесь? — она снова прилипает ко мне, — я соскучилась.

— Вера, я не один. Да и ты, как я погляжу.

Удивленно смотрю на её спутника. Ясно, каблук каблуком. Мужик поджимает губы. Если бы моя женщина так откровенно ластилась к другому, я бы разнес здесь всё и поставил ему пару фигналов. А этот молчит, как телок. Тьфу, блядь. Смотреть тошно.

— Мне нужно идти. Рад был повидаться, встретимся в офисе, — обхожу её и иду в кабинет друга.

— Егор! Ну блин...

Игнорирую бывшую и направляюсь, куда нужно. Поздоровавшись с другом, возвращаюсь к Лиле. Она внимательно смотрит в окошко, где гуляют семьи с детьми. Словно замороженная, глядит на девочку в зеленом платье, играющую рядом с дорогой.

— Всё хорошо? Меню посмотрела?

— Что за женщина была с тобой? — моя милая спутница надувает губки.

Ревнует. Но мне это не нравится. Не хочу... реально.

— Помощница. Ничего такого, — протягиваю ей обтянутую кожей книжечку меню.

— А мне показалось, вы достаточно близки, — Лиля заглядывает мне в глаза.

Пронзительно так, требовательно. Улыбаюсь, пытаюсь хоть как-то сгладить ситуацию. С Верой придется все же серьезно поговорить, но это Лили не касается. Кто же знал, что гордая и властная Вера Королева станет такой занозой?

— Между нами с ней ничего нет, — говорю спокойно, — честное пионерское.

— Ты пионер, что ли? — фыркает Лиля.

— Нет. Но слово дать могу.

— Тогда ты врун, Егор, — с укором качает головой.

— Тебе я никогда не вру, запомни это.

— Ты с ней спал? — она начинает нервничать.

Вижу это по опущенным ресницам, попыткам чего-то постоянно касаться и сжатым в линию губкам. Она словно ищет раковину, куда можно спрятать свои настоящие эмоции. Чувства ко мне? Или я просто глупый слепец, отчаянно верящий в то, во что хочется?

Вздыхаю. Пристально гляжу на неё, ловлю каждую перемену во взгляде и движении.

— Долго вы вместе были? — она начинает ерзать в кресле.

— Лиль. Почему мы об этом говорим?

— Я не знаю. Меня это злит, — умоляюще глядит на меня, — мы здесь с тобой... вдвоем...

Она сейчас такая открытая, нежная. Просит меня успокоить её? Сказать, что у меня нет отношений? Их и не было... семь лет я мечтал лишь об одной девушке. А теперь боюсь ранить не в тему сказанным словом.

— Ладно, в общем-то это реально не моё дело, — она криво улыбается, — если бы даже у вас и было что-то серьезное. Не мне говорить тебе о таком... прости.

— Лиля...

— М? — она вскидывает подбородок, и на миг в ее огромных глазах я вижу надежду.

— У меня с Верой ничего нет. Заказывай еду, ты голодная с утра.

— Хорошо, — вижу лёгкую тень улыбки, которую девушка пытается скрыть.

Пока ужинаем, я рассказываю Лиле про то, как моя компания преобразила этот город. Мы финансируем перспективные стартапы, а сверхприбыли направляем на поддержку медицины, строительство школ, удобных недорогих квартир и детских площадок.

Чего уж греха таить, я много раз, находясь в одиночестве, думал о том, как бы хотел семью. С Лилей. И чтобы она родила мне... поэтому при поддержке больниц и поликлиник всегда действовал так, если бы Лиля там наблюдалась.

Наивно? Может быть. Но это помогало мне быть лучше, чем я есть на самом деле.

— Прости, — лепечет она, когда я провожаю ее домой, — лезу не в свое дело. Твоя личная жизнь меня не касается. Просто... мне нужно хоть что-то постоянное в жизни. А пока это лишь ты, Егор.

— Все в порядке. Ты имеешь право спрашивать, — смеюсь, — всё, что тебя интересует.

Она краснеет. Стоим у двери, словно парочка после свидания. И в этот момент любой мужчина ждет, что девушка предложит войти. Но это не мой случай. Потому что Лиля не предложит...

— Может, чаю попьем? — она мнется, — не хочу оставаться одна.

Или предложит? Об этом я как-то не подумал.

— У меня еще встреча. В следующий раз обязательно. Пойдем в классный ресторан, — опираюсь на стену, нависаю над девушкой, с трудом держу себя в руках.

Глаза то и дело ныряют к ее торчащим, манящим соскам. Облизать бы их, заставить Лилю извиваться от удовольствия. Кончать с моим именем на губах. Стереть все воспоминания о том, как ее трахал мой непутевый брат.

Так и стоим друг напротив друга. Я не могу оторваться от красоты этой женщины, а она словно ищет что-то в моем взгляде. Приоткрывает губы, облизывает их. Нагибаюсь к ней,

совсем близко. Чувствую на щеке её сбивчивое дыхание.

— До встречи, Лиля, — шепчу на ушко, затем целую нежную девичью руку и ухожу.

Сзади громко хлопает дверь. Разозлилась. Эта девушка — настоящий ураган. Непокорная и своенравная, как тайфун. Избалованная. Но для меня это скорее плюс, чем минус. Никогда не нравились простушки. Лиля для меня — это вызов.

— Нам рано. Прости, малышка, — шепчу себе под нос, возвращаясь в машину и какое-то время сижу, постукивая пальцами по рулю.

Набираю своего «решалу». С Фадеевыми нужно не затягивать.

— Привет, Федя. Что слышно по моему делу?

— Мы увели их по другому следу, — чеканит Фёдор, бывший спецназовец и мой хороший друг, — но охрана Фадеева — не простаки. Они поймут, в чём дело.

— Понял. Пока держи их, если надо, веди к Исаеву. Пусть обломают об него зубы. Найди мне всё, что нужно, оформи в морге документы. Да так, чтобы придраться было не к чему. Ты знаешь, что делать. Отбой.

Кладу трубку, затем завожу мотор. Пришло время наводить мосты с любимым семейством. И я знаю, кто мне в этом поможет. Набираю короткое сообщение.

Я: Нужно срочно встретиться, брат. Есть новости о твоей жене.

Лилия

Почему я такая дура? Идиотка просто! Хлопаю дверь, веду себя, как глупая школьница. Нет бы сказать, что всё вспомнила и не прочь повторить тот поцелуй. Но нет, начала допытываться, потом на попятную пошла. А всё из-за ревности!

Что уж греха таить, близость Егора Фадеева меня будоражит. Хватаюсь за голову. Эта Вера так навязчиво липла к нему! А меня как ослепило! Дурында!

Вбегаю в душ, быстро моюсь, затем укладываюсь в постель. Новое белье так классно и приятно к телу! Но все мысли лишь о Егоре.

А прошлое? Горе? Боль?

Вздыхаю. Я не хочу думать об этом! Это как ступить ногой в горящую лаву. Одно касание сжигает заживо. Вот и я. Отринула. Пока что... пока не станет немного легче. Нужно закрыть рану, пока не остановится кровь. А потом, может быть, придет исцеление.

Всё воскресенье не могу найти себе места. Наутро становится так стыдно за вчерашний приступ ревности, что с трудом держу себя в руках, чтобы не написать Егору сообщение с извинениями.

— Блин! — бросаю телефон на кожаный диван, — это будет ещё более навязчиво. Нужно вести себя сдержанно.

Лилия. Мужчины не любят настырных и навязывающих себя женщин. Будь скромной.

Голос матери звучит в голове так же четко, как и трель дверного звонка. Ой! Бегу открывать. На пороге стоит Антонина Васильна.

— Привет, Лиля. Егорушка попросил меня проконтролировать, чтобы ты позавтракала, — у неё в руках дымящаяся кастрюля, — любишь домашнюю еду?

Да когда я в последний раз её ела?

— Проходите! — радостно выдыхаю понимая, что одной оставаться совсем не хочу.

— Он сказал, что вчера здесь почти случился пожар, — смеется она, — если хочешь, могу тебя паре рецептов простых научить. Яичницу, макароны, супчик какой. Жить одной непросто.

— Спасибо вам!

Весь день мы так и проводим. Баба Тоня показывает мне, как готовить простейшие блюда. Учит пользоваться бытовой техникой. Очень терпеливо и вдумчиво. Будучи женой Максима, я пару раз порывалась научиться готовке. Но муж лишь презрительно фыркал.

Моя жена не будет корпеть у плиты.

Тогда это казалось мне милым. Проявлением мужской силы и власти. Но теперь я понимаю, что этим Макс лишь привязывал меня. Умения — это свобода. И сейчас чувствую себя слепым котенком, не умеющим ходить. Мир вокруг такой большой и страшный, а я ничего не могу, даже яйца пожарить.

Мама моя тоже готовила меня к удачному замужеству. Всю жизнь вдалбливала, что для женщины главное — удачно выйти замуж. А я была маленькая и впитывала.

— Ты очень способная девочка, — говорит мне баба Тоня, — больше уверенности!

— Мне стыдно, — признаюсь, — я ничего не умею.

— Стыдно, дорогая, не хотеть учиться. Думаю, Егор не зря тебя сюда привез. Он сам очень самостоятельный мужчина. И приготовит, и уберется, и постирает. Но не всегда был

таким. Когда мы с ним впервые встретились, он как раз выбрасывал в мусорку целый пакет севших рубашек. А я шла с магазина.

Она по-доброму улыбается этому воспоминанию.

— Сложно мне в это поверить, — хмыкаю.

— Поверь, девочка. Так что выше нос и всё будет хорошо.

Когда она уходит, я какое-то время хожу по квартире. Кое-где скопилась пыль, вытираю. Теперь у меня обычная жизнь. И нужно как можно скорее встать на ноги.

Лезу в холодильник. Теперь я умею обращаться с кухонной техникой. Так что решаю сделать себе смузи. Ну а что? Мне нужно поддерживать себя в форме. Не собираюсь отказываться от полезной еды и утренней пробежки. Хорошая фигура — одно из немногих моих достоинств.

Слышу звук входящего сообщения. Беру мобильный.

Егор: Как ты? Буду через час. Решим вопросы с твоим выходом на работу.

Сердце бешено стучит в груди. Бросаюсь отвечать. Набираю радостный ответ. Нет... удаляю. Затем печатаю более сдержанный. Да черт! Бросаю мобильный обратно на диван, вся горю, как школьница, которой написал самый популярный парень в школе. Мы же взрослые люди. А я не знаю, что мне делать и как себя вести.

Ведь всю свою жизнь лишь училась, а потом мама познакомила меня с Максом, решила мою дальнейшую судьбу и больше кавалеров у меня не было. Кроме одного.

Меня снова накрывает. Губы горят, словно это было вчера. Семь лет прошло, а моё тело помнит. Разве такое возможно? И так хочется узнать, какое удовольствие может мне подарить Фадеев-старший.

Я: жду.

Жду? Серьезно? Но я отправляю это сообщение. Не глядя. Подхожу к зеркалу. После подготовки я вся растрепанная. Расчесываюсь, слегка губы подкрашиваю. Зачем? Не знаю. Но мне хочется это сделать...

Пока жду Егора, чтобы не сожрать себя с потрохами, бегу к холодильнику. Достаю длинный огурец, пару палок сельдерея. Беру лимонный сок, петрушку. Немного специй.

Достаю блендер.

— Не такая уж я и безрукая! Сейчас сделаю офигенный смузи! — объявляю сама себе, затем сваливаю продукты в чашу.

Вот оно! Моё первое смузи! Нажимаю на кнопку...

ВЖЖЖ!

И всё содержимое вылетает через незакрытый крышкой верх чаши прямо на меня. Футболка, лицо, шея, руки... я вся зеленая, как Шрек какой-то. От обиды хочется вышвырнуть чертов блендер в окно.

До меня доносится громкая трель дверного звонка. Но нет сил даже с места двинуться. Я безнадежна! Бесплезная богачка, потерявшая всё. Опираюсь на стол руками. Егор открывает своим ключом, заходит и заглядывает на кухню.

Увидев меня, долго и внимательно смотрит. Его брови лезут куда-то в район лба.

— Ну давай. Смейся, — выпрямляюсь и заглядываю в его хитрые глаза.

Мы какое-то время смотрим друг на друга. Мужчина нежно улыбается.

— Тебе идет зеленый, — выдает, затем смеется.

Я же яростно топаю в ванную. Сначала смываю овощи с лица, затем с рук. Стягиваю футболку, под которой никогда не ношу лифчик. Бросаю её в таз для грязного белья. Блин!

— Лиля, я... — Егор открывает дверь ванной.

— А постучаться? — разворачиваюсь, и мы оба замираем.

Взгляд мужчины тут же прилипает к моей груди со вставшими от прохладной воды сосками. Боже, КАК он смотрит! Будто вокруг ничего не видит. А на моей коже появляются мурашки.

— Я хотел... в общем... — Егор словно все слова забывает, — это...

Теряю дар речи вместе с ним. Но мне первой хватает ума сорвать полотенце с сушителя и прикрыться. Краснею, плотнее прижимая к себе мягкую ткань. До чего же неловко!

— Прости, — говорит он, — я не должен был врываться. Жду на кухне.

Хлопает дверью и уходит. А я стою. Сердце вылетает из груди, бьется где-то в районе пяток, эхом отдаваясь в ушах. Всё тело подчинено этим сильным ощущениям.

— Егор... — облизываю пересохшие губы.

Невольно вспоминаю взгляд мужа, когда я голая выходила из ванной. Горячий, но скользкий. Максиму было нужно много секса, даже слишком. Я столько давать не могла, да и не хотела. Но взгляд Егора другой. Он глубже. Словно забирается прямо под кожу. Видит меня от и до...

Почему я невольно сравниваю братьев? Быстро вытираюсь, затем надеваю чистую белую рубашку. Освежаю пунцовые щеки и выхожу. Пытаюсь унять дрожь в теле.

— Еще раз прости, — мужчина крутит в руках стакан с водой, — я не должен был врываться.

А мне понравился твой взгляд...

— Ну, — пытаюсь разрядить обстановку, — я вчера попыталась бессовестно влезть в твою душу, а ты сегодня посмотрел на мою голую грудь. Мы квиты, наверное.

Хихикаю. Напряженные черты красивого лица Фадеева смягчаются.

— Ты очень красивая, когда смеешься.

— А тебе не идет хмурое выражение лица, — парирую, лишь бы хоть немного успокоить пляшущие между нами электрические искры.

Молчим. Егор внимательно смотрит, словно обдумывает какую-то терзающую его навязчивую мысль.

— Ну что там с работой?

— А, да. Как ты и просила, к понедельнику для тебя будет готово рабочее место. Но мне это не нравится, Лиля.

— Почему?

— Ты не готова к работе.

— Я была лучшим юристом нашей компании.

Это правда. Готовить я не умею и смузи делать тоже, но с законами по своему профилю знакома хорошо, выиграла не один суд.

— Знаю. И не сомневаюсь в твоём профессионализме. Но то, через что ты прошла, — он ставит стакан на столешницу, — хочешь моё мнение?

— Не очень, — бурчу.

— Лиля.

— Что? Ты спросил, я ответила.

— Отшлепать бы тебя, — рычит мужчина, а моя фантазия пускается во все тяжкие.

— Я знаю, что ты думаешь. Но я не нежная ромашка, Егор. Справлюсь. Не нужно сдувать с меня пылинки и жалеть. Так я никогда не изменюсь.

— Зачем тебе меняться?

— А как иначе? — умоляюще смотрю на него, — ты не сможешь возиться со мной вечно. Когда-нибудь встретишь женщину, влюбишься. Женишься и вы заведете детей... мне нужно научиться рассчитывать лишь на себя.

Глаза начинает неприятно щипать. Это всё сельдерей. Или перец... но никак не понимание, что теперь моё существование совершенно бессмысленно. И что скоро надоем Егору так же, как надоела мужу. Кому нужна бесплодная женщина?

— Лиля... — вздыхает мужчина.

— Мне нянька не нужна, Егор. У тебя должна быть своя жизнь, а мне предстоит построить свою. Ты очень помогаешь, но я просто не имею права просить больше.

— Имеешь, — выдыхает он, — ты имеешь право на всё.

— Что это значит?

— То, что значит. И тебе не нужно лепить из себя что-то иное. Ты та, кто ты есть. Да, можно научиться варить суп или делать смузи, но всё, что мы можем — это стать лучшей версией себя.

— Я не понимаю тебя...

— Мне нравишься ты. Такая непокорная, залезающая в мою душу по самые щиколотки. Вся зеленая, в сомнительной субстанции из огурцов и сельдерея.

— Тогда почему... — прикусываю губу, чуть было не ляпнув «ты держишься на расстоянии?», — в общем, ладно, давай о работе. Что мне предстоит делать.

Егор прищуривается, но принимает мои условия. Меняем тему разговора, а то наши отношения и так уже слишком запутались.

— Ты же работала с корпоративным правом?

— Да.

— У нас вакансия в другом отделе. Экологическом. Касается землепользования, воздуха, рекреации, строительства и так далее. Знакома с таким?

— Нет, — поджимаю губы.

— Вот, поэтому тебе придется начать с самого начала. Помощником нашего ведущего юриста. Какое-то время придется потаскать бумажки, бегать по поручениям. Изучишь законы, нормативы и станешь уже работать сама.

— И кто будет моим начальником?

— Вполне себе добрый дядя Владимир Петрович, который добр до твоей первой ошибки, — смеется Егор.

— А ты же генеральный директор?

— Да. И владелец. Так что всё, что происходит в компании, проходит через меня.

— А Вера твоя помощница... — выдыхаю.

Ну куда меня опять понесло? Егор улыбается. А я не могу сдержать ревность. Лучше бы уволил свою любовницу и меня взял. Блин, да что за мысли?!

— Да. Но Лиля, мы с ней лишь коллеги. И еще кое-что.

Он обходит стол и хищной походкой приближается ко мне. Нависает сверху. Прямо, как вчера. Волнительно! Опираюсь попой на стол.

— Я очень жесткий начальник, Лиля, — говорит Егор, — и хочу, чтобы ты знала. Как бы я ни беспокоился, ни волновался о тебе, на работе спуску не дам. Надеюсь, ты это примешь.

Моя крыша постепенно съезжает от чудесного мужского аромата, исходящего от

Фадеева. Разум туманится. И сейчас я могу совершить глупость. Да нет, черт возьми, я совершу эту глупость! И будь, что будет.

— То есть сегодня последний вечер, когда мы с тобой просто мужчина и женщина, без всякой субординации? — нагло заглядываю в его зеленые глаза.

— В какой-то степени.

— Тогда у меня осталось немного времени, чтобы сделать это... — выдыхаю, затем цепляюсь за лацканы его пиджака.

Резко притягиваю мужчину к себе и впиваюсь требовательным поцелуем...

Егор

Когда Лиля бросается на мои губы, я поначалу столбенею. Она так яростно целует, что из легких пропадает весь воздух. Руки сами ложатся на её тоненькую талию, обхватывают округлые бёдра. Слышу, как трещат внутренние замки и запреты.

Самая желанная женщина в моих руках. Смогу ли оторваться от неё?

— Егор... ах... — сажаю её на стол, встаю между ног.

Не могу оторваться. Сладкая, вкусная. Прямо как тогда, семь лет назад. Расстегиваю рубашку. Этот процесс, словно предвкушение, растягивается на долгие секунды. Пуговица за пуговицей открываю нежную белоснежную кожу. И стоячую возбужденную грудь.

Накрываю ее ладонями, срывая с нежных губ яркий вскрик. Ей нравится. Мои касания, наглое вторжение языка. Я быстро забрал инициативу, ворвался в рот Лили, начал нагло там шарить. Она нужна мне вся, целиком! Так бы и сожрал!

— Нам нельзя... — шепчет она, тем не менее продолжая принимать мои ласки.

— Почему? — рычу в её алые губы, — мы взрослые люди, Лиля. И хотим друг друга.

Чувствую аромат кожи, смешанный со свежими запахами огурца и сельдерея. Не хочу отпускать, не могу! Руки жадно шарят по телу Лили. Массирую её мягкие грудки. Приятные, нежные. Соски призывно упираются мне в ладони.

— Егор! Не надо! — шепчет она, — пожалуйста! Мы совершаем ошибку...

Всё же отхожу. Она стыдливо прикрывает грудь, боится смотреть мне в глаза. Вся такая милая и притягательная. С опухшими губками, красными щечками. Взъерошиваю волосы. Блядь!

— Прости меня, — выдыхаю, — сорвался.

— Нет, это я! — восклицает она, — просто я вспомнила наш поцелуй. Тогда, семь лет назад...

Резкий толчок в груди. Замираю.

— Я была пьяна и забыла. Но некоторые, кхм, события помогли мне нащупать нужные воспоминания.

— Это хорошо, — улыбаюсь.

Между нами теперь нет секретов. А значит...

— Но я пока не готова идти дальше. Меня к тебе тянет, не спорю. Но боюсь, что это лишь благодарность. Не знаю, запуталась... боже, ты меня ненавидишь?

— Почему? — искренне спрашиваю, — это всего лишь поцелуй, Лиля.

Прячу горечь за маской равнодушия. Для меня это не просто поцелуй. Откровение. Лиля — как американские горки. Сначала сама целует, а теперь вот бежит и прячется. Но, сука, мне в ней нравится даже эта непостоянность.

— Я не хочу, чтобы ты подумал обо мне всякое, — лепечет она, дрожащими руками застегивая рубашку, — сначала хочу получить развод, залечить душевные раны. Научиться быть одной.

— Я работаю над твоим разводом, — невольно вспоминаю нашу встречу с братом.

Он в их с Лилей пентхаусе, который отец подарил на свадьбу. В прихожей лежат вещи любовницы. Переступаю через ярко-розовые чемоданы. Какая безвкусица!

Слышу грохот тарелок и кастрюль на кухне. Значит, он уже притащил её. Макс сидит

на диване, пьет вискарь и смотрит в одну точку.

— Ну что у тебя?

— Во-первых, тебя здороваться не учили? — с трудом держу в себе весь скопившийся гнев, — а во-вторых, я помогаю, а не работаю на тебя. Усвой это.

— Ну привет, — тянет он, затем поднимает на меня вялый пустой взгляд, — какие новости? Где шляется моя жена?

Грохот на кухне вдруг прекращается. Любовница брата слушает нас.

— Скорее всего Лиля мертва, — рублю сплеча сразу.

Макс дёргается, как от пощечины, но продолжает смотреть в одну точку. Крутит в руках бокал, затем осушает его.

— Это точная информация? — спрашивает глухо.

— Процентом девяносто. Через пару дней будем знать точно.

Именно такой срок понадобится, чтобы подделать нужные документы. Комар носа не подточит. Даже цепные юристы Фадеева ничего не смогут оспорить. Лилия умрет для них. И будет жить для меня.

— Отлично. Просто отлично... — рычит Макс, и пустой стакан летит в стену, — пиздец... погибла... как?

— Хотела сбежать, но не справилась с управлением арендованной машины.

— Как она её арендовала? Как, блядь, прикованная к койке баба могла арендовать машину?! — орет Макс.

— Значит, ваши псы не так хорошо за ней следили, — холодно отмечаю, — и упустили момент, когда к ней пронесли мобильный.

— Всех уволю нахуй.

— Она всё равно была тебе не нужна, — замечаю сухо.

Брат морщится. Почему он вырос таким жестоким человеком? У него погибла жена, а его беспокоит, как она пронесла мобильный в палату?

— Она нужна была отцу. Теперь мне пиздец без наследства. Можно паковать чемоданы.

— Как это паковать?! — к нам влетает девчонка, которую обрюхатил мой непутевый брат.

— Маша, съебись нахуй! — рычит он, — ты что-то шуришала на кухне, вот и свали туда.

— Ей нельзя нервничать, — говорю брату.

— Это правда? Лилия Сергеевна... боже! — она обнимает себя руками.

— Не делай вид, что тебе жаль. Ты трахалась со мной за её спиной! — орет Макс.

Признаться, мне не очень нравится смотреть на эту гнилую сцену. Они не семья и никогда ей не будут. И мне жаль этих людей. Ими движет лишь расчет.

— Тебя никто не лишит наследства, — раздраженно бросаю перед уходом, — я поговорю с отцом и всё объясню. Ты, главное, организуй нам встречу.

Вернувшись домой глубоким вечером, я долго курю и смотрю в окно. Лилия боится. Открыться, стать моей. Хотя, если так подумать, я и не предлагал ей отношений.

— Хорошо, девочка моя, если ты так хочешь, я оставлю тебя пока. Уйду в сторону. Работай, развивайся, — говорю сам себе.

Пускай она расслабится. Встанет на ноги, а я всегда буду рядом, чтобы поддержать. И однажды женщина моей мечты станет готова принять мои чувства.

— Я ждал семь лет. Подожду еще. Ты станешь моей, Лиля. У тебя просто нет выхода.

В понедельник я встаю в пять утра и выезжаю в офис. Получаю отчет от «решалы». Документы о смерти готовы, тело найдено, идентификация по ДНК подделана. Останется лишь встретиться с отцом.

И сделать то, что я обещал Исаеву.

— Привет! — в шесть утра Вера уже на месте, всплывает в мой кабинет.

Обтягивающая блузка, юбка выше колен. Через ткань вижу проглядывающее кружево чулок. Она очень красивая женщина. Пышные бедра, большая грудь, стервозное красивое лицо. На неё дробчат все мои начальники. Но она почему-то помешалась на мне, хотя у нас богатых мужиков в компании достаточно.

— Место для помощницы Игнатьева подготовили? — достаю сигарету.

— Даже не спросишь, с кем я была в кафе? — недовольно фыркает она, усаживаясь задницей на мой стол.

— Вера, я говорю на каком-то непонятном тебе языке? — вздыхаю, — мы с тобой коллеги. Слезь!

— Это из-за неё? Той фифочки, что ты притащил в кафе? — не унимается она.

— Это не твоё дело, — моё терпение стремительно заканчивается, — рабочее место готово?

— Да, — рычит она, — а она красивая! Миленькая такая, молоденькая. Купила тебя, да?

— Напомнить, что ты на меня работаешь? — откидываюсь в кресле, — выполняй свои обязанности, Вера. Между нами всё кончено. Я говорю тебе это в последний раз. Услышу еще, что ты лезешь в мою личную жизнь, уволю нахуй. Ясно?

— Да, босс, — поджимает губы.

— Свободна. И чтобы переговорная была готова к двум. Приезжают итальянцы.

— Я помню.

Она уходит, гордо вздернув подбородок. А я волнуюсь за Лилю. Вера может доставить ей проблем. Но я не должен вмешиваться.

Постепенно офис заполняется сотрудниками. А я не могу сосредоточиться ни на одном договоре.

— Да блядь! — сбрасываю все бумаги со стола, — пиздец.

Я хочу Лилю. Знал, что так и будет. Никакой в голове работы, лишь мысли о том, какой мягкой была грудь этой женщины. Какими горячими — губы. И киска наверняка была мокренькой. Знаю, что Лиля хотела меня, не могу избавиться от этой мысли.

— Сука... — вскакиваю, начинаю ходить по кабинету, затем выхожу и иду вниз, на второй этаж офиса.

Туда, где работает Лиля. Вернее, Ксения Рыжкова по документам. Ничего, когда-нибудь она снова станет Фадеевой, уж я позабочусь об этом. У кабинета уже толпятся сотрудники.

— Что здесь происходит? — громогласно спрашиваю, — у вас работы нет?

Много молодых парней. Скрежещу зубами. Еще бы! Наверняка нацепила один из тех костюмов, что я ей купил. Обтянула свои сладкие булочки. Блядь... по-моему, у меня встал. Ну точно не гендир, а подросток в пубертатный период.

— Там новенькая... — бормочут сотрудники.

— И что?

— Классная! — выдают девочки из секретариата.

— Сейчас пойдете новую работу искать! — рычу.

Они тут же все испаряются. А я захожу в экологический отдел. Лиля сидит за столом, а её начальник что-то объясняет. Она такая красивая, сосредоточенная, уверенная. Выдержка у девушки колоссальная.

Кашляю.

— О, Егор! — ко мне подходит Игнатъев, — а я тут ввожу Ксению в курс дела.

— Вот как? — бросаю на девушку хитрый взгляд.

— Да. Она смышленая. Ты не сказал, что у нас целый бывший ведущий юрист.

— Она в другой области работала.

— Но мозги варят.

Я неспроста отправил её в этот отдел. Здесь начальник — мой хороший друг. А еще пожилой семьянин, обожающий жену, детей и внуков. Игнатъев точно не будет клеиться к Лиле.

— Егор, добрый день! — она машет мне рукой.

Подхожу к её столу. Идеальный порядок, всё чисто, ни пылинки. Насколько я помню, предыдущая сотрудница была той еще неряхой.

— Все уже по своему вкусу разложила? Папка к папке. Пообедаешь со мной?

— Прости, — она опускает взгляд, — я думала, мы вчера поняли друг друга.

— Это просто обед.

— Все подумают, что мы с тобой любовники, — девушка отворачивается, — а я работать хочу! Хочу нормальный коллектив, а здесь у вас все такие милые. Но я знаю людей. Пожалуйста. Давай на работе будем коллегами.

Это больно. Обычные слова, даже вполне логичные. Но они бьют меня в солнечное сплетение. Сжимаю зубы, борясь со злостью. Ведь этого я и хотел! Вот она, красивая, умная. Уже на хорошем счету у начальства. Но я бешусь, потому что желаю её еще сильнее, чем раньше.

— Хорошо. Но ресторан ты мне обещала, — выдавливаю улыбку.

— Я помню. Давай в субботу.

— Как скажешь, Ксюша, — хохочу.

— ЕГОР! — она берет ручку и кидает в меня, затем шепчет, — для тебя я Лиля.

— Я знаю.

Весь день пребываю в противоречивых чувствах. С одной стороны, душить Лилю своей опекой и заботой не хочу. Она взрослая женщина. А с другой... мой член постоянно в боевой стойке и это становится неудобным. Нужно как-то спустить напряжение.

— Ромыч, — после работы набираю лучшего друга, — чем занят?

— О! Егор! Давненько ты не звонил.

— Я подъеду?

Ромка Петров — мой лучший университетский друг. Это он помог мне обустроиться в этом городе. Встать на ноги. У него стриптиз-бар в центре. И я частенько навещался туда, когда становилось невмоготу мечтать о Лиле.

Одноразовые девушки. Горячий стриптиз, минет. Трах в кабинке. Потом в отеле. В общем-то, я и лиц их не запоминал. Сливал сперму и всё. Да, я не ангел.

Поэтому сейчас даю волю своей слабости и еду в бар.

— Ну что, Ромео? — он наливает мне виски, когда мы сидим в его кабинете, — привез свою Джульетту? Как она?

Вкратце рассказываю ему ситуацию с Лилей, опустив её трагедию. Ромыч не лезет в

душу, я за это его очень ценю.

— И как же ты, дружище, целый день работал с полными яйцами? — хохочет он, — зная, что твоя девочка где-то совсем рядом?

— Очень смешно, — рычу, осушая бокал за бокалом, — она хочет свободы, новой жизни. А я... блядь... я её хочу, понимаешь?

— И сейчас, думаешь, стоит мараться о какую-нибудь одноразовую шлюшку? — он выгибает бровь.

— Не знаю... так, блядь, хватит читать мне морали! Баба есть у тебя?

— Есть. Третья комната, как обычно.

Шатаюсь, иду по направлению к приватной комнате. Захожу. Обычно эта обстановка меня расслабляет. А теперь больше раздражает. Заходит девушка. Красивая, стройная. Но НЕ ОНА. Танцует. Гибкая. Ластится и трется. А меня это злит.

Перед глазами постоянно лишь Лиля. Её круглые девочки с торчащими сосками. Приоткрытые губки, которые бы шикарно смотрелись на моем члене.

— Иди, — сую девчонке двойные чаевые, затем выпроваживаю её, — давай, пошла! Купи себе выпить. Отдохни...

Сажусь обратно. Откидываюсь на диванчике, стягиваю брюки. Об этом никто не узнает. Тем более ОНА. Что я постоянно спускаю на её образ.

Но теперь у меня есть больше. Ощущение ее мягкости, запах, стоны. Желание, которое Лиля показала мне. Сливаю быстро, потом снова. Реально, как подросток. Но бороться с этим не могу.

Вот как мне просто стоять в стороне? Смотреть, как малышка Лиля расправляет крылья и улетает? Сука... нет! Я гребаный эгоист и я хочу её. До безумия хочу.

Натягиваю штаны. Я пьян. Опустошен. Опасен. Главное, вызвать такси и поехать к себе домой. Но тут мой телефон начинает вибрировать в брюках. Вижу входящее сообщение от брата.

Макс: Отец готов с тобой встретиться.

Лилия

Первый рабочий день проходит отлично. Я даже чувствую себя почти нормальной обычной девушкой. В отделе весьма приятные люди. Но, как и раньше, я не пускаю их за грань, рассказываю о себе легенду, которую мы с Егором придумали.

Отдел небольшой. Наш начальник, пожилой дядечка с огромным опытом и знаниями, вводит меня в курс дела. И всё это время на нас смотрит Егор. А у меня под платьем тело буквально сгорает. Пытаюсь сосредоточиться на новой информации, но губы покалывает, внизу живота всё пылает. Потому что вчера мы чуть не...

Получается сосредоточиться на работе лишь тогда, когда Фадеев уходит по своим делам. Он явно разозлился из-за моего отказа пообедать. А я хочу, очень! Но не могу.

— Ксюша! — ко мне подходит первый юрисконсульт отдела Влада, — ты с кем обедаешь?

Пожимаю плечами. За последний час со мной захотели пообщаться все. От уборщиков до топ-менеджмента. Соглашаюсь пойти с Владиславой. Она кажется приятной девушкой. Полненькая, стильная и очень живая, сразу вызывает приятные чувства. Крашеная блондиночка с пухлыми губами. Замужем.

— Я так удивилась, что Егор новую сотрудницу к нам определил, — хихикает она, когда мы сидим в фуд-корте на первом этаже офисного здания.

— Почему?

— Ну в экологии уныло, — она вздыхает, — прикинь все эти нормы учить, право. Фи! Экология сама по себе прикольная, но не в вопросах юриспруденции. То ли дело уголовка!

— Там опасно, — хихикаю, затем вижу, как в фуд-корт заходят двое.

Напрягаюсь. Одна из них Вера — помощница Егора. Рядом с ней высокий красивый мужчина. Светловолосый, в дорогом костюме, немного небрежный. Самоуверенность сквозит в каждом движении.

Внутри начинает подниматься ярость. Клокочет, рвется наружу. Эта Вера реально породистая. Сиськи размера третьего, задница явно — результат часов работы в спортзале. Ноги длинные.

— О, ведьма идет, — фыркает Влада.

— Почему ведьма?

— Так она нас всех заколебала. Думает, если ноги перед Егором Олеговичем раздвигает, то главная тут...

— Да уж, — делаю вид, что мне всё равно.

— Правда, гендир её послал. Так говорят. Но она всё еще на что-то надеется.

— Ох уж эти сплетни. А с ней кто?

— Ой, — Влада морщится, — местный ловелас. Точнее, бабник. Я всё думала, почему тебя к Игнатьеву назначили, а потом поняла. Вторая вакансия у него в отделе продаж, там нужен юрист по сопровождению сделок.

— И почему же?

— Потому рядом с Верой их директор, Алексей Лисенко. Думаю, гендир боится, что он

тебя испортит.

Прыскаю. Испортит? Слово-то какое!

— Не смейся, Ксень, — деловито заявляет Влада, — перед ним даже я не устояла. Один раз на корпоративе случилось. А потом все узнали. Это ещё до моего замужества было. Говорят, ещё и видео снимает. Коллекционирует победы. Гадость!

— Даа? — я презираю таких мужиков, потому что это один в один Макс.

— Лучше с ним не заигрывать. Думаю, Егор Олегович решил тебя уберечь, спрятав в нашем отделе.

— Но мы всё равно работаем в одной компании, — удивленно гляжу на неё, делаю глоток вкусного кофе.

— Лисенко хорошо пускает пыль в глаза, охмуряет девушек. Стерва мужского пола. Они всегда с Верой вместе.

Порция офисных сплетен для меня как бальзам на душу. Позволяет немного отвлечься, нырнуть в чужие жизни, забыв крах своей.

До вечера я работаю, впитываю новую информацию. Ни Веры, ни Лисенко на горизонте не видно. Влада активно мне помогает. Ровно в шесть собираемся, выходим к лифту.

Интересно, Егор еще здесь? Хочется увидеть его, похвастаться и рассказать, что я узнала за день. Может даже, пригласить его к себе вечером, сделать нормальное смузи. И позволить всё, не останавливать. Пусть сомнения катятся к чертовой матери!

— Я зайду к Егору, — улыбаюсь Владе.

— Так вы вместе? — спрашивает она, понизив голос, — я никому, если что!

— Нет, он мой друг. Хороший друг, — говорю тихо.

— Жаль. Вы бы круто смотрелись! Ладно, до завтра, Ксень!

Поднимаюсь на этаж Фадеева. Офис уже опустел. Почему-то сейчас идея уже не кажется мне столь хорошей. Егор — мой начальник. Такой строгий, взрослый. Блин...

Моё тело сразу же реагирует на эти мысли. Оглядываюсь, смущенно сжимаю бёдра. Становится ещё хуже. Быстро иду к ближайшему туалету, захожу.

— Докатилась, Лилька, — говорю с отражением, — не можешь войти в кабинет генерального, потому что хочешь его.

Куда делась вся уверенность? Желудок скручивает от напряжения. Пальцы покалывает. Достаяю из сумочки расческу, привожу волосы в порядок. Пытаюсь отвлечься. Неужели измена мужа ранила меня сильнее, чем я думала?

Так хочу броситься в новую любовь с головой, утонуть в ней. Пускай я задохнусь, но хотя бы почувствую, что такое восхищение мужчины, сильная страсть, влечение. Крышесносный секс. Хочу сгореть...

У нас с Максом было много секса. Но сравнивая все эти годы с одним-единственным поцелуем Егора, от которого я чуть не кончила, понимаю, что весь мой брак был ложью. От и до.

Я не любила Макса, а он меня и подавно. Это была сделка между моей матерью и Фадеевым, которую мы с младшим Фадеевым приняли, как взаимовыгодную. Но были молоды, спутали с любовью. Обнимаю себя руками.

— Ничего, — шепчу, — ничего настоящего в моей жизни не было!

Грудь рвётся на части в желании ощутить настоящее чувство. Чтобы оно заполнило до краёв, заставило тело и душу трепетать, парить над миром. Перед глазами раз за разом появляется тёплая улыбка Егора.

Захожу в одну из кабинок в попытках справиться с дрожью. Одиночество накатывает огромной волной, смывая все положительные эмоции. Страх снова выползает из тьмы воспоминаний, хватая за горло, мешает дышать.

Слезы текут по щекам, дрожу, пытаюсь собрать мысли воедино. Но не получается. От меня словно куски отламываются, падают на кафельный пол офисного туалета и рассыпаются вокруг солеными слезами. Есть я или нет, не знаю. Мне страшно, очень!

Сижу долго... очень. И когда встаю, на часах уже поздний вечер. Ноги и руки затекли. Направляюсь к выходу и вдруг слышу голос. Егор! Замираю.

— Да, я подъеду? — говорит с кем-то.

Вечер. Он одинокий мужчина. Наверняка одна из женщин ждет его этой ночью. Сжимаю руки в кулаки. Хочется выйти, окликнуть. Но я стою, не в силах и слова вымолвить. Язык прилипает к нёбу. Шаги стихают, затем слышится звук открывающихся дверей лифта. Кажется, япустила свой шанс...

Выхожу в коридор. Уже темно. Лишь тусклые ночные лампочки освещают пустой офис. Прикусываю губу и шлепаю к лифту. Я ведь могла позвать. Между нами всё не так и сложно.

Но страх портит всё. Я ужасно боюсь. Всего боюсь. Быстро поправляю макияж, выхожу на прохладный воздух. Решаю пойти домой пешком.

— Надо же! Добрый вечер, Ксения! — прямо передо мной вырастает тот самый Лисенко.

— Добрый, — здороваюсь сдержанно.

От него неплохо так пахнет, немного сладковато. Мужчина в рубашке, рукава закатаны. Он в неплохой физической форме. Но все сравнения с Фадеевым точно не в его пользу, увы.

— О вас весь офис гудит утра, — смеется он, обнажая идеальные белые зубы, — вы на машине? Могу подвезти.

— Хотела прогуляться.

— На таких высоких каблуках? Нельзя портить такие красивые ножки, — он действительно напоминает хитрого лиса.

Его мужская энергетика окружает, опутывает, как паутина. Но после рассказа Влады я начеку. Мне не хочется оставаться одной сейчас. До сих пор потряхивает от панической атаки.

— Ну если вы настаиваете, — улыбаюсь, — то я приму предложение.

— Отлично!

Он открывает мне дверь. Хм, я и не заметила, что он на машине. И неплохой такой, дорожкой! Кремовая кожа, салон под дерево. Сажусь, пристегиваюсь.

— Видел сегодня вас в кафе, но так и не решился подойти, — весело произносит Алексей.

— Что же вы так? Я тоже вас видела, с Верой.

— Я слышу холод в голосе? — смеется мужчина.

— С чего бы? — равнодушно пожимаю плечами.

Вера меня бесит. Ничего сделать не могу. Как представляю, что они с Егором «задерживались» после работы, так ярость вспыхивает с новой силой. Это вне меня.

— Вас наш Егор привел. Вы же встречаетесь?

— Позволю себе не отвечать на этот вопрос, Алексей.

— Для вас Алекс.

— Ксюша.

— Это имя вам не подходит, — вдруг серьезно заявляет он, — словно вы созданы для другого, более изящного.

Внутри что-то ёкает. Откуда он...

— Прошу прощения, Ксения тоже отличное имя. Но, на мой взгляд, простоватое для такой красивой девушки. Не сочтите за навязчивость.

А он хорош. Минимум жестикологии, четкая речь. Он уверен, богат. Не удивлена, что все девушки компании уже побывали у Алекса в постели. Но мне его кровать не нужна. Как и он сам. Рядом с этим мужчиной я ничего не чувствую. Вообще.

— Все в порядке, мне многие так говорят.

— И Егор говорит? — он прищуривается.

— Вы ревнуете? — улыбаюсь.

— Немного.

— Мы пятнадцать минут как знакомы.

— А мне кажется, что я вас всю жизнь знаю.

— Дешевый подкат, Алекс, — ухмыляюсь еще шире.

— Я очень стараюсь, — смеется.

Мысленно благодарю Владу. Ведь, если бы я не знала о том, что он просто пикапер и коллекционер девушек, то могла бы попасться. Эта небрежность и легкая такая манерность подкупают.

— У вас красивый город. Честно говоря, словно государство внутри государства. Остальная российская глубинка не такая продвинутая, — меняю тему.

— Да. Наша компания многое сделала. Егор же за границей учился, многое перенял. Я считаю, не зря и всё на пользу.

— То есть вы им восхищаетесь?

— Да, можно и так сказать. Благодаря Егору я получил шанс реализоваться в продажах, но без схем и откатов. Так что...

— И с Верой не спите за его спиной? — снова резко меняю траекторию разговора.

Его улыбка начинает напоминать оскал. Он молчит. Ведет машину, лишь изредка поглядывая на меня. А я выдерживаю паузу. Ведь если начну нервничать и оправдываться, значит, действительно ревную Егора к этой его помощнице.

— Вера не в моём вкусе, — Алекс первым нарушает тишину, — просто нам вместе комфортно, не более. Мы часто решаем рабочие вопросы, вот и сдружились.

— Понятно.

— Рад, что вам интересна моя скромная персона, Ксюша.

— Мне интересно всё на новом месте, в том числе и вы, Алекс, — улыбаюсь ему, — кажется, мы приехали.

— Быстро как-то, — выдыхает он.

— Ничего, завтра встретимся на работе.

— Пообедаем? — его губы растягиваются в хитрой улыбочке.

— Я подумаю, — подмигиваю, затем, выпорхнув из машины, скрываюсь в подъезде.

Скинув неудобные туфли, лезу в сумочку за мобильным. Ни звонка, ни сообщения. Естественно, ведь Егор сейчас с женщиной. Эх! Заваливаюсь на диван, массирую пятки. Готовить не хочется совсем!

Переодеваюсь в шелковый халатик, делаю лёгкий салат. Ужинаю в полном одиночестве. Сейчас мне спокойно. Смотрю на кухонный стол, на котором мы с Егором вчера чуть не

переспали.

— Эх, Лилька, надо было идти до конца, — ругаю себя.

Моюсь, смотрю по ноутбуку приколы с кошками и собаками. Задумываюсь о питомце. Интересно, что скажет Егор? Одёргиваю себя. Блин! Это не его дело! Надо будет только спросить, разрешит ли он взять в квартиру собаку или кошку.

Засыпаю с мобильным на подушке. Почему-то хочется получить сообщение от Егора. Спокойной ночи или что-то такое. Хотя куда там... он небось кувыркается с какой-нибудь мадам.

Черт! Уснуть не могу, грудь странно и неприятно жжет. Срываюсь и набиваю Фадеева. Гудки. Каждый, как саундтрек моего морального падения и растоптанной гордости. Но мужчина не берёт.

Злюсь.

— Ну и фиг с тобой! — оставляю мобильный в гостиной, затем снова заваливаюсь в постель.

Необычно так! Я жду, мандражирую, как молодая неопытная девчонка. Но ведь опыта любви у меня и правда не было. Зарываюсь лицом в подушку. Да чтоб тебя! Прочь из моей головы, Фадеев! Сгинь!

Нужно что-то с этим делать! Так я сойду с ума. Делаю себе свежий смузи, фруктовый салат. Мне даже начинает нравиться готовка. Сосредоточившись на нарезании фруктов, я могу на короткое время забыть о внезапно вспыхнувшей влюбленности.

Или благодарности.

Это и пугает, что я не могу определить, что за чувство испытываю. Собираюсь, надеваю обтягивающие брючки, высокие каблуки. Значит, Егор, трубки не берем? Ничего! Объявляю день игнора! Посмотрим, как ты запоёшь, мой сексуальный спаситель!

Лилия

— Ксень... КСЕНИЯ! — голос начальника вырывает меня из собственных мыслей.

Никак не привыкну к этому имени, регулярно зависаю, когда меня так зовут. Да и со вчерашней ночи места себе не нахожу. Сердце рвется на части от ревности. Никак не могу выкинуть Егора из головы.

Умом же понимаю, что сейчас главное начать строить свою жизнь! Без мужчин и переживаний. Но сердце и душа в унисон плачут и скучают.

Может быть мне правда стоит сдаться на милость этих чувств? В прошлый раз расчет привел меня к краю пропасти. Я совсем запуталась.

— Да? — улыбаюсь, — простите, задумалась.

— Эти вот разрешения нужно будет показать Егору. Сходишь? Просто у меня туча важных звонков контрагентам.

Подскакиваю на месте.

— Конечно! Можете на меня рассчитывать! — выхватываю бумаги.

Расправляю брюки, рубашку. Это не укрывается от взгляда моего босса. Он ухмыляется себе под нос и уходит. Бодро топаю к лифту. И ничего я не хочу его увидеть! Егор — генеральный директор и... вообще!

— Вот смотри, Вера... нужно перезаполнить эти договоры. И счета посмотри... — дверь кабинета Фадеева немного приоткрыта.

Сразу зайти не решаюсь, трусливо подглядываю в щёлку. Вера, сверкая своими прелестями третьего размера нависает над Егором. Еще миг и ее сиськи вывалятся из рубашки. Гадость!

Но ему будто все равно.

— Тук-тук! — с улыбочкой врываюсь в кабинет, — Егор Олегович, вам Игнатъев передал разрешения. Нужно срочно посмотреть и подписать.

— Да, спасибо, Ксень, — мужчина выглядит так, будто я его спасла от крокодила.

Впрочем, Вера выглядит немногим лучше древней рептилии. Она выпрямляется и одаривает меня токсичным ядовитым взглядом. Я же ей отвечаю милой улыбкой.

— Вера, у тебя всё? — устало спрашивает Фадеев, — мне нужно работать.

— Да, босс. Не забудьте про встречу с Иваненко, — загадочно улыбается и вышагивает от бедра прямо к двери.

Бесаячая мадам! Я незаметно кончиком туфли подворачиваю ковер на полу в тот момент, когда секретарша Егора делает очередной шаг. Она спотыкается, выворачивает ногу и феерично валится на четвереньки, демонстрируя Фадееву свои труселя.

— АХ ТЫ С...! — рычит.

— Это не я, — поджимаю губы, — случайно вышло. Извини.

— Ты ответишь, — рычит мне на ухо и вылетает из кабинета босса.

Фадеев всё это время с поллуулыбкой наблюдает за мной. Я чувствую на себе его заинтересованный взгляд. Вот ещё! Я не забыла, как он трубку не взял накануне! Подхожу и равнодушно кладу документы.

Егор выглядит мягко говоря хреново. Помытый, волосы взъерошены. Верхняя пуговица рубашки расстегнута. Рядом — стакан воды.

Видимо, качественно девица его уделала ночью. Ууу! Так, успокоиться! Мне плевать на это!

— Это точно так срочно? — мужчина умоляюще глядит на меня.

— А что такое, Егор Олегович? Ночка была бурная? — не выдерживаю и язвлю.

— Ещё какая, — почти стонет он, — в моем возрасте столько не пьют.

Затем бросает на меня загадочный взгляд и утыкается в документы. Ухмыляется сам себе. Я направляюсь к выходу.

— Лиля, останься, пожалуйста. В твоём присутствии мне куда легче.

Замираю. Сердечко отбивает быстрый ритм. Как же хочется еще немного побыть с Егором! Уже решаюсь, но дверь распахивается и в кабинет входит Лисенко. На лице улыбка, небрежная щетина идеально подстрижена. На голове творческий беспорядок.

Но внутри меня ничего даже не ёкает. Я рассматриваю этого мужчину, как музейный экспонат. Красивый, но не более. И с ужасом понимаю, что Макс абсолютно такой же. Пыль в глаза, красивые слова. Даже немного эмпатии есть. Но вот вместо сердца камень.

— Помешал? — он ехидно хмыкает.

— Нет, я уже уйду. После обеда зайду за бумагами, Егор Олегович, — стараюсь, чтобы голос не дрожал.

— Так что насчет обеда? — громко спрашивает Алекс, — ты согласна?

Упс! Сглатываю и чувствую, как в районе рабочего стола гендира сгущается грозная туча. Егору явно не нравится, что Лисенко за мной ухаживает.

— Я не... не решила еще! — выпаливаю и выскакиваю из кабинета.

Почему он так открыто демонстрирует интерес, словно пытается Егору насолить? Ведь Фадеев благодетель, спаситель и далее по списку. Неужели рядом с ним завелась крыса?

И вообще, судя по реакции Егора, с Алексом они не очень-то ладят. Зачем тогда блондин мне врал? Непонятно. Нужно всё выяснить!

Возвращаюсь на рабочее место.

— Слушай, Влада, — зову коллегу, — а Лисенко как с Фадеевым общаются?

— На ножах, — она осматривается, затем подбегает ко мне, — в секретариате говорят, что их Вера стравливает.

— Но зачем?

— Она пыталась через Алексея спровоцировать в гендире ревность, но не вышло. Это я сама видела, была на том корпоративе. Сначала она на Егора Олеговича вешалась в открытую, напилась, в туалет его зазывала, а потом уехала с Лисенко.

Морщусь. Мда. Если она так одержима Егором, то почему уехала с другим? Возможно, зря я не воспринимаю Веру всерьез. Обиженная женщина способна на любую подлость. Вспоминаю Машку. Дура она набитая. Макс отберет её ребенка, а саму выкинет. Но мне уже нет до этого никакого дела.

— Пойдем в кафе? Ты как?

— Да, пошли, — задумчиво соглашаюсь понимая, что нужно реально отвлечься.

Мне кажется, что вокруг Егора вьется паутина предательства. Либо я просто слишком нервная после того, что пережила. Мы мирно обедаем, но в самом разгаре перерыва мобильный Влады начинает звонить.

— Да? Что прямо сейчас? И полчаса не подождет вопрос? Блин... ладно, сейчас приду.

— Работа? — понимающе спрашиваю.

— Да ну их. Всё растеряли, а мне срочно нужно идти и делать работу за секретариат. Давай, увидимся!

Она уходит. А мне вдруг становится одиноко. Сплетни, интриги, подставы. Типичный офис. Хочется ощутить на себе горячие ладони Егора. Одно его присутствие меня успокаивает.

— Привет! — напротив меня плюхается Лисенко, — рад, что ты здесь, Ксюша.

— Эээ...

— Ты так и не ответила на моё приглашение, — он рассматривает меня, как хищник добычу.

— Потому что не хотела, — жестко отвечаю, но тут меня обдает волной холода.

В кафе заходит Егор в сопровождении Веры. И я ловлю на себе его леденящий душу взгляд...

Замираю, мы сцепляемся в немой схватке. Почему мне стыдно? Хочется подойти и оправдаться? Но Фадеев первым приближается. Кусок не лезет в горло. Опускаю взгляд, как провинившаяся девчонка

— Я подписал разрешения, Ксюша. Они на твоём столе, — лёд в его голосе сковывает мои внутренности.

Вера высокомерно фыркает.

— Мы после встречи вернемся в офис? — щебечет рядом с Егором.

— Не знаю, — он словно отмахивается от неё.

— Ничего нет, значит? — оборачиваюсь и попадаю в плен голубых глаз Алекса, — тогда почему ты так ревнуешь, Ксюша?

— Я не ревную, — мне удастся вернуть самообладание, — просто ваш визит не к месту, Алексей. Вас не учили, что некрасиво навязывать девушкам своё внимание? Извините, я не голодна.

Беру сумочку, оставляю недоеденный обед и возвращаюсь. В лифте на меня снова накатывает тоска. Такая сильная, сдавливающая. Егор подумал, что я сама согласилась пообедать с Лисенко? Он так зло смотрел...

Но я же... не виновата...

Обнимаю себя руками. Внутри плачет маленькая девочка, которую подставили. Это всё Вера. Овца драная! Других слов у меня нет. И они там на какую-то встречу едут вечером. Вдвоем. А после что будет?

— Ксень! — ко мне подбегает Влада, — что с тобой, ты белая вся?

Меня прошибает ледяной пот. Снова паническая атака! Так страшно, больно, одиноко! Закрываю глаза, прислоняюсь к стене. Дышу. Глубоко, вспоминая нежный голос Егора. Нам нужно поговорить.

— Нужно поговорить, — бормочу, затем, игнорируя Владу, несусь к кабинету Фадеева.

Всё ведь просто! Нам нужно просто обо всем поговорить! Честно и открыто. Дёргаю за ручку двери.

— Его нет, они с Верой уехали на важную встречу, — сзади вырастает Лисенко, — и скорее всего переночуют там в отеле.

Вот же достал! Он нарочно? Говорит, что Егор со своей секретаршей. С намеком, что они этой ночью будут спать в одном номере? Вздыхаю.

— Мне совершенно нет дела до того, с кем Егор Олегович проводит ночь. А вот что в

разрешениях на строительство новых объектов ошибка, это меня сильно волнует, — ловко выпутываюсь из ситуации, — а еще беспокоит меня то, что вы второй день уже выпрыгиваете, как черт из табакерки в самое неожиданное время. Вы сталкер?

Скрещиваю руки на груди. Жду ответа. Алекс очевидно ждал, что я начну теряться и тушеваться, но не на ту попал.

— Ну так? Что вам нужно от меня?

— Вы хороши, Ксюша, — мужчина опирается на стену, — хотите правду? Я действительно заинтригован. Егор приводит в офис красивую, молодую и уверенную девушку. Вами интересуются все мужчины в нашем офисе, но смелости подойти хватило лишь у меня.

— Это ведь не всё, — строго говорю ему.

— Вера — моя хорошая подруга. Егор жестоко бросил её, растоптал чувства.

— Судя по слухам, вы тоже от него недалеко ушли, — выгибаю бровь, — видео, многочисленные половые связи с сотрудницами. Видимо, отлично работаете, если Фадеев до сих пор вас не уволил.

— Прекрасно! — восклицает он, — вы львица. И спокойно можете получить любого мужика, стоит ноготком поманить. А Вера сломана. Фадеев растоптал её чувства. Вы не понимаете, каково ей! Она любит его! По-настоящему.

— Да вы что?! — подхожу к нему вплотную, заглядываю в глаза, — вы ничего обо мне не знаете! Через что мне пришлось пройти, прежде, чем оказаться здесь! И поверьте, я понимаю, что чувствует ваша Вера. И лучшая помощь, которую вы можете ей предложить, как друг, это убедить, что насильно мил не будешь. И если человек не любит другого человека, это ничем не изменить. Ни интригами, ни устранением конкурентов. НИЧЕМ!

Он ошарашенно смотрит на меня. Хватает ртом воздух. Уверенный мачо, что же случилось? Почему такой потерянный взгляд?

Оставляю Лисенко на осколках его разбитых фантазий. Возвращаюсь на рабочее место. Значит, Егор здесь сродни главному призу. Красивый, уверенный в себе, богатый холостяк. И Вера вцепилась в него когтями и зубами, даже запудрила мозг другому мужику.

Постепенно все сотрудники расходятся по домам. А мне никуда не хочется. Я всё сильнее запутываюсь в своих чувствах. Ревность жжёт ярче с каждым днем. Вроде бы мы вместе работаем теперь.

Всё должно стать проще, но становится лишь сложнее. Появляются новые переменные.

Я скучаю. Реально... беру мобильный, набираю сообщение. На автомате, наплевав на гордость и обиды.

Я: Хочу тебя увидеть...

Три простых слова, но они очень важны для меня. На ответ и не надеюсь. Но вдруг мобильный пищит.

Егор: Ты еще в офисе?

Я: Да.

Егор: Приходи ко мне в кабинет.

Низ живота мгновенно скручивает, стоит мне представить, что мы с Фадеевым останемся наедине. И что сегодня, если пересечем черту, я не стану его останавливать.

На негнущихся ногах поднимаюсь на его этаж. Из-под двери генерального прорывается тусклый свет. Толкаю дверь. Захожу к Егору. Он сидит за столом, рубашка до груди расстегнута, рукава по локоть закатаны.

В руках стакан. Он пьян? Закрываю дверь, прислоняюсь к ней спиной. Дыхание то и дело сбивается.

— Привет, Лиля, — рычит мужчина, делает глоток, — почему ты не дома?

— Дел много. Там ошибка в разрешении одном, — бормочу, как школьница перед суровым директором.

— С Лисенко проверяли? — он горько улыбается, затем снова наполняет бокал виски.

— Я одна, — твёрдо отвечаю, — до вечера сидела и ждала, пока ты со своей Верой закончишь...

— Ты ревнуешь? — он пристально смотрит на меня.

— Да, — признаюсь.

— Вот как... — рывком встаёт, пошатывается, — зря.

Подходит ко мне вплотную. Смотрит сверху вниз. А я попадаю в изумрудный плен. Забываю, как дышать. Никогда в жизни не испытывала такого! Чтобы до дрожи, подкашивающихся коленок, бабочек в животе.

— Я тоже ревную, с ума схожу, — шепчет Егор, обвивает рукой мою талию и прижимает к себе.

Лиля

Тьма в его глазах. Именно это я вижу, когда я смотрю на Егора. От него пахнет дорогим алкоголем, сигаретами. Рука лежит на моей талии. Уверенно, но ласково. Будто он боится меня лишней раз грубо коснуться. От мужчины исходит тепло, нежность. И кое-что ещё. С трудом сдерживаемая похоть.

— Не убегай от меня, — шепчет мне на ухо, утыкаясь носом в волосы, — ты моя... всегда была моей...

— Я здесь, — обвиваю его плечи, — с тобой.

— Лиля... — выдыхает Фадеев, жадно набрасываясь на мои губы.

Словно дикий зверь, он рвёт их, рычит и заталкивает язык в мой рот. И от каждого движения его губ внутри меня происходит маленький взрыв. Рука мужчины накрывает грудь, вспышки удовольствия концентрируются под плотной тканью пиджака и воздушной блузкой.

А потом тонкими ручейками стягиваются к низу живота. Не могу дышать. Тяжело. Но сладко! Вжимаюсь в Егора, всем телом говоря ему, что никуда не исчезну.

— Не здесь, — хрипит он, на миг прекратив терзать мои губы, — ты достойна более комфортного места.

— А я здесь хочу... — коварно улыбаюсь.

— Ты в этом уверена? — он яростно целует меня, выпивает до самого дна, — поехали ко мне, Лиля.

Одежда мешает. Такое чувство, что костюм, блузка и белье вдруг стали свинцовыми. Хочется скинуть их. Но тут в голове промелькивает вспышка... идея, наваждение. Необходимость.

Отталкиваю мужчину, обхожу его. Егор принимает условия этой игры. Снимаю пиджак, бросаю в его кресло. Разом сметаю с широкого директорского стола все бумаги.

— Лиля... ты... — Фадеев поправляет член в брюках.

Вижу, как он топорщится, рвется наружу. Хочет войти в меня. От этой мысли внутренние мышцы сводит сладким спазмом. Стою спиной к мужчине, оборачиваюсь. Облизываюсь.

Тьма в изумрудной бездне всепоглощающая. Но Егор не подходит. Стоит и смотрит. Я чувствую этот взгляд. Голодный. Расстегиваю пуговички офисной блузки. От холодка, пробежавшего по коже, по животу рассыпаются мурашки.

Медленно стягиваю мягкую ткань, она падает на пол. Затем лифчик. Соприкоснувшись с прохладой, соски мгновенно твердеют. Или это от ощущения, что на меня смотрит мой спаситель? Он не видит моей голой груди, но представляет.

— Иди ко мне, — шепчу едва слышно, но Егор слышит.

Да широких шага и к моей нагой спине прижимается сильная мужская грудь. Кончики пальцев на предплечье, медленно ползут вверх. Ладонь на шее. Мой рваный стон. Поцелуи, обжигающие кожу.

— Лиля... развернись! — жесткий хрип, суровый приказ.

Покоряюсь его низкому голосу. Поднимаю покорный взгляд. Сильной быть не хочется. Егор жадно рассматривает мою грудь, не стесняется. Пожирает глазами, затем нежно

расстегивает мои брюки, оставляя совсем голой.

— Ты красивая... самая красивая женщина, — рычит Фадеев, — изящная, сексуальная...

— Так и будешь смотреть? — облизываю губы.

— Я семь лет ждал тебя, — хрипит, усаживая меня на стол, — позволь насладиться.

— Но мне холодно... без твоих рук... губ... члена... — стону.

— Нетерпеливая девочка, — и снова горячие ладони гуляют по моему телу.

Хочу ещё! Больше этих прикосновений, жара, трепета! Чувствую желание мужчины через каждое касание. Егор сначала нежный, внимательный. Затем всё более настойчивый.

— Лиля... — шепчет моё имя, как мантру.

Снимаю с мужчины пиджак, рубашку. Ласкаю его кожу, люблюсь напряженными мышцами. И тут мой взгляд падает на грудь Фадеева.

— Это... лилия? — гляжу на детально прорисованную татуировку прямо у сердца мужчины.

Распустившийся цветок лилии. Никогда не видела столь искусной работы. Каждый лепесток четкий, яркий. Провожу по тату пальцами.

— Да, — шепчет мужчина, — ты всегда в моём сердце, Лилия. Эти семь лет я жил в аду. Ради одного единственного момента. Чтобы ты сказала мне...

— Да... — выдыхаю ему в губы, — я хочу быть твоей, Егор.

— Блядь... — он стискивает мои бедра, — как же долго... пиздец...

Его захлестывают эмоции. Я быстро расправляюсь с его брюками. Ласкаю плоский живот, пальцами опускаюсь ниже. Идеально гладкий. Ухоженный.

— Хочу ощутить его в себе, — снова и снова облизываюсь, обхватываю руками крепкий ствол, вынуждая мужчину стонать.

Он весь мой. Целиком. Как и я — его. Рядом с Егором весь мой брак кажется пустой, бесполезной ошибкой. Будто в момент, когда должна была послать всё и броситься в омут вспыхнувших чувств, я испугалась и выбрала не тот путь.

И в итоге жизнь всё-таки направила к тому, кто меня искренне любит. Переломав, заставив страдать. Ласкаю Фадеева, наращиваю темп. Мы тяжело дышим. Он посасывает мою грудь. Мои ноги широко распахнуты.

— Войди в меня... — стону, отдаваясь яркой волне удовольствия.

— Как скажешь, моя девочка, — толчок, крик, искры перед глазами.

Мы оба рвано, торопливо дышим. Следующий толчок, и Егор во мне. Целиком. Наши тела — единое целое. Он целует меня, двигается быстро, а я лишь стону, кричу, раскрываюсь. Хочется разреветься. Это так прекрасно!

— Тебе не больно? — мужчина смахивает слезинку с моих ресниц, — почему плачешь?

— Слишком хорошо... слишкомооом... АААХ! — Фадеев резко наращивает темп, стол ходит ходуном, вот-вот развалится.

Обхватываю мужчину ногами, не позволяю выйти из меня. Это чувство невероятно! Впервые в жизни меня ТАК трахают! Разбивая вдребезги все комплексы, сомнения, страхи.

— Иди сюда... слезай... — Егор выходит, снимает меня, разворачивает, снова толкается, — такая мокрая... Лилия... моя Лилия...

— Егооор! Боже... дааа! — выгибаюсь, чувствуя, как его член становится больше, — не останавливайся! Я почти...

Оргазм накрывает нас обоих. Из-за жаркой и чувственной прелюдии сам секс вышел

ярким, но быстрым. Меня переполняют новые чувства.

— Прости, — он дышит мне в спину, целует между лопаток, — в тебя кончил...

— Я всё равно бесплодна... — всхлипываю.

Этот оргазм... он оголил мою душу целиком и полностью. Со всей болью, что там кроется. Чувствую, как по щекам текут слезы. Вдруг понимаю, насколько обречены наши отношения. Беру вещи и начинаю медленно одеваться...

Но Егор вырывает у меня из рук одежду. Я отбиваюсь, но он прижимает меня к себе. И когда у меня не остаётся сил, повисаю в его руках.

— Прости меня, — шепчет, целуя мои мокрые щёки, — я херню ляпнул. Прости...

— Зачем я тебе? Сломанная кукла, которую не починить.

— Ты не кукла, Лиля.

— Если даже мы будем вместе, ты хоть понимаешь, на что себя обрекаешь?! — выкрикиваю ему в лицо.

Обычно я не такая. Но сейчас изнутри рвется отчаяние, ненависть к самой себе. За неверный выбор и боль, которую я приношу всем, кто меня любит. Все внутренние замки сорваны.

— Я обрекаю себя на жизнь с любимой женщиной, — Фадеев заставляет меня смотреть на него, — как ты не понимаешь?!

— От любимой женщины хотят детей! Это сейчас ты влюблен! А спустя лет пять, когда...

— Тихо! — он накрывает мои губы грубым, требовательным поцелуем.

— Ааах... ммм... — из головы вмиг испаряются все мысли, — остано... уууу... ооох!

Мужчина пальцами жадно натирает мой клитор. Мне хватает минуты, чтобы вновь кончить, да так ярко, что с губ срывается крик.

— Почему ты не веришь мне? — стонет мужчина, — сейчас, стоишь голая в моем офисе, по твоим ногам стекает моя сперма... и все равно права качаешь...

Упс! Опускаю взгляд. И правда. В эмоциональном порыве этого даже не заметила. Он взъерошивает волосы. Затем достает из стола пачку гигиенических салфеток.

— Ты просто нереальная женщина, — смеется мужчина, — поехали домой.

Молчу, лишь стираю с себя остатки нашего греха. Наваливается усталость. Эмоции на сегодня закончились. Глаза закрываются. Одеваюсь. Я знаю, что могу доверять Егору. Он так влюблен...

Но могу ли доверять самой себе? Что всё не испорчу в один прекрасный день? Или меня отыщут... заберут в ад. Снова.

— Так, ты опять что-то себе надумала? — он сурово глядит на меня, — я пьян, между прочим и очень сильно. Такси заказал. Ты меня всего выдоила, я еле вспомнил свой адрес.

— Мы едем к тебе? — тихо спрашиваю.

— Да, — уверенно отвечает Егор, — и это не обсуждается. Этой ночью я тебя не отпущу.

Он держит слово. Как только мы попадаем в его огромную квартирищу, сразу несет меня в постель. И практически до утра мы занимаемся любовью. Как одержимые похотью подростки.

И я понимаю, что душой вырастаю в этого мужчину. Никогда раньше не ощущала такой наполненности.

Лежу в его огромной постели, на шелковых простынях. Скользких, мокрых от наших

выделений, пота. Во мне много спермы, не хочется её смывать. Гляжу в окно. Можно не предохраняться. Хоть какой-то профит от бесплодия.

С Максом и близко не было так хорошо. Это какой-то новый уровень, открывшийся лишь сейчас. Когда тебя трахает влюбленный, одержимый тобой мужчина... с яростью, желанием доставить тебе удовольствие. Это невообразимо возбуждает.

— Егор... — забираюсь на грудь Фадеева, трусь сосками о его кожу, — ты спишь?

Он лежит с закрытыми глазами. Такой красивый.

— Нет. Слушаю, как ты крутишься, — улыбается, не поднимая век.

— Да прям кручусь, — надуваю губы.

— Да. Как гусеница, — ржёт он.

— Офигеть сравнение!

— Ты бабочка, Лиля. Цветочек, если хочешь, — он открывает глаза и смотрит на меня.

— Я тебе доверяю, — отвечаю на заданный еще в офисе вопрос, — просто боюсь. Всего боюсь.

— Понимаю, — он целует меня в макушку, — но со мной ты в безопасности. Никто и никогда не посмеет тебе навредить.

— Кстати, а как дела там? Ну... у Фадеевых?

Сильные мышцы напрягаются. Егор молчит, лишь тяжело дышит.

— Забудь о них, — рычит, — я сам разберусь.

— Ты обещал! — восклицаю, — что я буду в курсе!

— Лиля.

— ЧТО?!

— Зачем это тебе?! — взрывается он, — у тебя новая жизнь! Почему ты постоянно хочешь вернуться мыслями туда?

— Не знаю. Просто... не знаю, — пожимаю плечами, — скажи мне, пожалуйста!

— Для них ты умерла, пусть же и они умрут для тебя, — говорит он, затем встаёт, голышом идёт в душ.

Егор злится. Блин! Я виновата, да? Мне правда стоит бросить нафиг идею мести бывшему мужу? Но я не могу! Как представляю его ухмыляющуюся рожу... и помощницу мою... их ребенка... внутри всё начинает полыхать. Ненавижу!

Подскакиваю, бегу в душ. Распахиваю дверцу. Встречаюсь взглядом с Фадеевым. Почему мы всегда выясняем отношения голыми?

— Расскажи! — стою на своём.

— Лиля, — рычит он, — мало я тебя трахнул? Еще хочешь?!

— Трахни еще, но расскажи... — прикусываю губу.

— Иди ко мне! — затаскивает меня к себе.

В общем, мы снова сношаемся, в этот раз в душе. А я чувствую себя голодной, постоянно! И чем дольше Егор во мне, тем сильнее мне хочется...

— Почему ты так переживаешь, что я узнаю? — снова затягиваю свою волынку, когда мы нежимся в постельке, вместе встречаем первые лучи солнца.

— Я просто не хочу, чтобы ты ранила себя. Нужно идти вперед. Но ты ведь не отстанешь?

— Не-а.

— Ладно. Ты действительно умерла, Лиля. Я подбил все документы. Лишь так можно заставить отца забыть о твоём существовании.

Странное чувство. Меня считают мёртвой? То есть меня не будут искать? И можно расслабиться, жить своей жизнью? Быть счастливой с лучшим мужчиной на свете? В голову лезут сотни вопросов.

— Послезавтра будут похороны. И всё. Новая личность, жизнь, будущее. О тебе навсегда забудут. Надеюсь, я утолил твоё любопытство?

— Егор...

— М?

— Могу я кое о чем тебя попросить?

— Не нравится мне твой взгляд, Лиля...

— Пожалуйста!

— Ну?

— Я хочу поехать на похороны!

Егор

Чего она хочет? Поехать на похороны?

— Лиля, ты серьезно? — заглядываю в ее глаза, чтобы найти там хоть малейшее доказательство того, что девушка шутит.

— Мне кажется, это мне поможет отпустить, — лепечет она.

Такая красивая, нежная. В моей постели. Голая, с торчащими сосками, на которые постоянно соскальзывает мой взгляд. Черт, Фадеев, держи себя в руках!

— Нет, — рот наполняется слюной, сглатываю раз за разом, — ты никуда не поедешь.

— Но почему?! — обиженно дует губки, — я издалека посмотрю! Мне нужно это увидеть!

— Зачем?!

Она всхлипывает. Обнимает себя худенькими ручками, такая маленькая, нежная, незащитная. А я чувствую себя последним дерьмом. Ну уж нет! Нечестный прием! И я намерен это прекратить, но...

Черт! Спустя миг я уже сминаю эту девушку в своих объятиях.

— Пожалуйста, — добивает меня, — я не помешаю, правда!

— Дело не в этом, а в рисках, Лилия! — беру её лицо в ладони.

Я уже много лет варюсь в «богатой» тусовке, чтобы понимать: эти похороны простыми не будут. Туда обязательно нагрянут журналисты, как бы Олег Фадеев не пытался скрыть факт смерти невестки.

И это помимо охраны, родственников. Любой может её узнать, что угодно может пойти не по плану. Плюс сама Лилия. Черт возьми, она ещё несколько дней назад была запуганной жертвой. Кто знает, что с ней случится, когда она увидит своих обидчиков?

Уверен, мой брат даже не будет пытаться строить из себя скорбящего мужа. Потому что отец наверняка уже сообщил, что лишает его наследства.

— Я подумаю, — недовольно тяну, не выпуская Лилию из объятий.

— Похороны послезавтра! — канючит девушка, — сколько ты будешь думать, Егор?

— Ты решила мои яйца превратить в омлет? — выгибаю бровь.

— Нет. Просто мне это необходимо. Понимаю, что тебе нужны весомые доводы, ведь меня могут увидеть или что-то такое. Ты наверняка думаешь, что я сорвусь.

— Будешь отрицать эту возможность?

— Нет. Но в свою защиту скажу, что я не из тех, кто просто так ломается. Ты вовремя появился, Фадеевы не успели меня как следует выпотрошить.

— Лилия...

— Ладно, я тебя поняла. Прости, наверное, это и правда неуместно. Пойду, сделаю кофе, — она целует меня в щёку, затем отстраняется, слезает с постели.

Берет мою рубашку, натягивает на своё соблазнительное тело. Выгибает спинку, выставляет круглую попку.

— Большевата, — улыбается, — аж до середины бедра доходит.

А я смотрю на эту девушку и захлёбываюсь слюнями. Она не стала устраивать истерику

после моего отказа. Приняла? Знаю Лилю, просто так не сдастся. Откидываюсь в постели и любуюсь грацией и изяществом своей женщины. Вот оно... понимание, что она моя.

Голая, в моей рубашке. С истерзанными губами и шейкой, покрытой следами моих жадных поцелуев. Растрёпанная. Моя.

— Ты какой любишь? — спрашивает с широченной улыбкой на лице.

— Американо, — встаю, надеваю домашние брюки.

Подхожу и обнимаю Лилю, забираюсь под рубашку, сжимаю её грудь.

— Егор... — смущается, хихикает — ну не мешай!

— Не могу... прости, малыш, — расстегиваю пуговицы, нагло брожу по упругим полушариям.

От этой женщины у меня срывает башню. Все мысли испаряются, мозги разжижаются и перетекают в пах. Член стоит колом, яйца начинают ныть, требуя излить накопившееся в горячее лоно Лили.

— Я хочу тебя...

— Егор... мы же... всю ночь... ААА... боже... что ты делаешь?!

Стягиваю брюки, руками обвиваю талию девушки и сажаю Лилю на стол. Взгляд затуманен, она тоже возбудилась. Я ждал целых семь лет и одной ночи, наполненной страстью, мне мало. Нужно утро, день, вечер. Вся жизнь.

Не выпущу из койки, пока не получу своё. Погружаю твёрдый сосочек в рот. Сладкий. Языком веду по нежно-розовой ареоле. Лиля вся такая: сладенькая, маленькая, соблазнительная. Она тяжело дышит. Ловлю это дыхание, накрывая губы девушки.

— Моя... — бормочу, как одержимый, — только моя...

— Твоя... да, твоя... Егор... — стонет она, — войди в меня!

— Что? — дразню пальцами её набухшие нижние губки, — повтори-ка.

— Я хочу тебя! — она ёрзает, не справляясь с возбуждением, — так хочу! Боже! Пожалуйста!

— Хорошо... — рычу, быстро погружая в тугое лоно свой член.

Сука! Не выдерживаю и издаю протяжный стон. Обычно женщины надоедали мне уже наутро. Все одинаковые, хоть внешне и разные. Каждая корчила из себя то львицу, то нежную ромашку. А на деле пустышки.

Либо я просто выбирал таких. Боялся начать что-то испытывать, ведь в глубине души всегда любил жену брата. Но теперь она моя! И мне похуй на всё. Вообще!

Я готов всё разрушить, уничтожить, убить за неё.

Вколачиваюсь в узкую киску, теряю рассудок от возбуждения. Вижу лишь Лилю. Её закатывающиеся глаза, искусанные губы, алая грудь... набухшие мягкие складочки. Я словно не трахался никогда.

Не хочу кончать... держу себя в узде. Чтобы подольше остаться в этой тугой промежности.

— Нравится? Когда я трахаю тебя, м?! — провожу пальцем по пухлым губкам, Лиля машинально берет его в рот и начинает посасывать, — блядь, что ты творишь... девочка моя...

Вот как тут сдержаться?! Тело уже живёт своей жизнью. Финишная прямая. Мощные глубокие толчки. Лиля начинает сокращаться, кончает, кричит, царапает ногтями мои плечи.

Прижимая её к себе, заливаю её киску спермой. Вливаю всё до последней капли. Сука,

до чего же приятно! Только с ней. Она одна способна на такое. Моя Лиля.

Дзынь! Дзынь!

Раздается настойчивый звонок в дверь. Всё еще держу в руках трепыхающееся тело своей женщины. Её потряхивает. Оргазмы Лили прекрасны. Долгие, яркие.

Снимаю её со стола, целую. Не могу оторваться. Я так влюблен, пиздец...

Дзынь! Дзынь!

— Да кого, блядь, принесло-то?! — рычу, натягиваю штаны и иду открывать.

Распахиваю дверь с намерением тут же развернуть незваного гостя. Вернее, гостью.

— Привет! — на пороге стоит Вера и мило улыбается.

Мной овладевает ярость. Сука, да где я так ошибся, что эта женщина прилипла ко мне, как банный лист? Сурово оглядываю её.

— Зачем ты пришла? Да еще в такую рань! Время шесть! Вера, блядь! Вчера мы всё обсудили, как и много раз до этого! Зачем ты навязываешься?! Гордость есть?! — меня несет.

— Просто вчера ты был сам не свой, — лепечет она, — я приготовила тебе завтрак, подумала, что от похмелья поможет...

Лиля всё еще стоит на кухне. Не вмешивается. Тихая, как мышка. А я бешусь. Не хочется прятать свою любимую женщину! Хочется всем её показать, чтобы завидовали!

Но также я понимаю, что, если Вера о нас узнает, быть беде. А моя малышка только начала нормальную жизнь. Не хватало еще офисных сплетен. Видимо, вопрос нужно решать радикально.

Увольнять Веру не вариант. У неё больная мать, нужны деньги. Чёрт, это моя вина. Не нужно было засовывать в помощницу свой член! Ох, не нужно было! Дал слабину, теперь расплачиваться.

И я благодарен Лиле, хотя где-то в солнечном сплетении мерзко жжет от этой ситуации.

— Я войду? — Вера хлопает своими наращенными ресницами.

— Нет, — жестко отвечаю, — отвези завтрак Лисенко, а у меня всё нормально. Увидимся в офисе.

Закрываю дверь прямо перед её носом. Это некрасиво? Похуй. Я заебался говорить, что не люблю её. Лиля подходит и обнимает меня сзади. Прислушиваюсь. Слышу цоканье каблуков в сторону лифта.

— Неловко получилось, — тыкается лбом в мою спину, — прости. Это из-за меня всё.

— Чушь, — разворачиваюсь и долго, вдумчиво целую Лилю.

Её губы — само совершенство. В меру пухлые, сладкие. Ими можно наслаждаться вечно.

— Дышать не могу, — шепчет она, тем не менее не отстраняясь.

— Я люблю тебя... — отвечаю, — прости, если пугаю своим напором.

— Не пугаешь, — она обнимает меня, — я не знаю, способна ли любить. Но в груди так тепло, а моё тело обожает, когда ты внутри. Когда рядом... даже когда ругаешься!

Ухмыляюсь.

— А когда улыбаешься, мне хочется мир вверх дном перевернуть, лишь бы ты продолжал... и от мысли, что ты исчезнешь, я хочу умереть. Это любовь, да?

— Да, милая...

— И еще...

Она вдруг начинает плакать. Вытирает слезы, но они льются бесконечным потоком.

— Еще я знаю, что это чувство к тебе давно было внутри. Я заперла его на сто замков, но стоило тебе появиться на пороге палаты, все они оказались сорваны.

— Иди ко мне, — обнимаю её, — слушай. У меня для тебя есть подарок. Давно уже купил, но...

— Какой? — её личико озаряет улыбка.

Веду Лилю в другую комнату. Ту, которую планировал для детской. Но теперь планы меняются. Достаяю из шкафа упакованный холст, а вместе с ним кисти, краски и карандаши.

— Ты говорила, что любишь рисовать, вот я и...

— Егор, ты помнишь! — она берет упаковку с кистями, дрожащими руками достает одну, — такие дорогие! Не стоило...

— Для тебя только лучшее. Пришлось посоветоваться с профессионалом, — подмигиваю ей.

— Спасибо, — она прижимает подарок к груди, — думала, что уже забыла, каково это. Когда-то я мечтала быть художницей. В детстве даже выигрывала конкурсы. Но потом вся моя жизнь стала подчинена поиску богатого мужа. Я с огромным трудом вырвала право учиться на юриста. Мать пустила лишь потому, что среди адвокатов много богачей.

— Теперь ты можешь выбрать.

— Что?

— Рисовать или работать в офисе.

Признаться, я давно уже об этом думал. Чтобы помочь Лиле реализоваться там, где ей хочется. Да и дурная была идея устраивать её к себе в офис, Верка всю кровь выпьет. И мужиков полно.

Знал бы кто, сколько раз я представлял, как она будет вот так в моей рубашке стоять посреди моей квартиры. Но не плакать, а улыбаться. Хотел, чтобы она рисовала.

— Мне нужны деньги, но работой сыт не будешь, — кокетливо хмурится она, — так что как хобби рисование отлично мне подойдет.

— Тебе не нужно... — сглатываю, — если ты...

Сука! Слова в горле застывают. Я ведь хочу, чтобы она была лишь моей! Но с другой стороны, поклялся не сажать её в клетку, даже золотую. Она сама выберет, когда придет время.

— Я понимаю. Спасибо тебе, Егор! За всё! Я хочу быть с тобой. И ещё кое-что...

— М?

— Я думала, думала и решила. Что хочу остаться Лилией Фадеевой. Если ты понимаешь, о чём я. Не сейчас, может быть, в будущем.

— Я тебя понял, — с трудом сдерживаю ликование.

На работу мы едем порознь по настоянию Лили. Она вызывает такси, а я выезжаю чуть позже. Впервые опаздываю в офис. Вера делает вид, словно ничего не случилось. Работает, как ни в чем не бывало.

— Прости за утро, — мурлычет, утром приготовив мне кофе, — не знаю, что на меня нашло. Этого больше не повторится.

— Рад, что ты поняла свою ошибку.

Весь день наблюдаю за Лилей. Но видимо, она не расстроилась из-за моего отказа и бросила эту дурацкую идею ехать на похороны. Выдыхаю.

Этой ночью Лиля снова остается у меня. Поскольку в офисе мы ведем себя, как

обычные коллеги, к вечеру сексуальное напряжение между нами достигает максимума. Так что после работы я втаскиваю ее в квартиру. Как только закрывается дверь, мы срываем друг с друга одежду и ныряем в постель.

А наутро я просыпаюсь совсем разбитым. Тело ноет, такие секс-марафоны выматывают похлеще любого фитнес-клуба. Шарю по постели в поисках Лили. Её нет. Лишь легкий шлейф нежного аромата окутывает подушку.

Встаю, осматриваюсь. Нахожу записку.

Доброе утро, соня. Оставила тебе завтрак. Люблю всем сердцем. Лиля.

Поднимаюсь, потягиваюсь. Принимаю душ. Уже не хочется просыпаться одному, как-то тоскливо. Еще и за окном моросит мерзкий дождь. На кухне в сковородке полупригоревший омлет и отлично поджаренный бекон. В этом вся Лиля — одно сплошное противоречие.

С удовольствием съедаю всё. Нужно заманить её к себе и оставить. Хочу, чтобы эта женщина украсила собой мою квартиру.

Я обязательно решу этот вопрос, когда разберусь с похоронами. Сегодня последний день Лилии Фадеевой на этой земле. Я заставлю брата и отца пожалеть о том, что они сделали. И начну прямо сегодня...

Кручу в руках флэшку. Ничем не примечательную, серую, металлическую. Но на ней опаснейшая программа, способная в считанные секунды впитать огромное количество информации. И вирус, после запуска постепенно и методично уничтожающий пакеты данных, целые массивы.

Прожора — так его назвал мой «решала». Эту программу разработали специально для меня и моего плана. После совершения преступления она самоуничтожается. Мой план — запустить ее в компьютер отца. Поэтому мне нужна аудиенция.

Надеваю черный костюм. Ухмыляюсь. Из глубины души выползают плохие, черные мысли. Расчехляю ненависть, которую таил годами.

— Ну что, папуля. Сегодня состоятся похороны дела всей твоей жизни. А я с радостью потанцую на ваших костях.

Лилия

Я плохой человек. Отвратительный! Егор так мне доверяет, а я...

Сажу на рабочем месте, ёрзаю, сжимаю в пальцах клочок бумаги. Там адрес кладбища, на котором меня будут хоронить. Запросто могу отпроситься и поехать туда. Это и задумала, но...

Ну почему на сердце так тягостно?

Поехав туда, я предам Егора и его чувства. Гляжу в окно. Мой зеленый чай уже давно остыл, все бумаги я проверила и даже немного позанималась изучением экологического права. Углубившись в книгу, отодвинула губительные эмоции на задний план.

Так тяжело было покинуть Егора утром! Будто уже кожей вросла в него. Когда мы рядом в моей душе появляется невиданная ранее полнота. Я жить хочу! Глядя на Фадеева-старшего, хочется ради него стать лучше. Лучшей версией себя, как он сказал.

Хочется кружить, порхать! Узнавать этот мир. Воплотить в жизнь все свои планы!

Я знала, что, оставшись с ним, в любом случае проговорилась бы о своих планах или выдала себя. Все отлично продумано, но сомнения все равно грызут сердце.

А что, если...

Этих «если» слишком много. Меня могут увидеть Фадеевы. Или мать, или кто-то из журналистов. Мы с Максом часто появлялись вместе на светских приёмах, так что меня точно узнают. Конечно, парик, очки и безразмерная футболка скроют мои особенности, но...

Мне страшно! Смогу ли справиться с эмоциями?

— Ксюш, Егора сегодня не будет, — начальник подходит ко мне, — отнеси, пожалуйста, Вере. Она проверит и поставит печати.

— Конечно.

Но мне очень не хочется идти к этой женщине. После того, как тем утром она заявила к Егору домой, я злюсь. Постоянно, как её вижу. Хоть Фадеев бывшую и прогнал, слова Лисенко мне не дают покоя. Вера не сдастся.

Беру папку и поднимают на этаж к кабинету Егора. Дверь закрыта, Веры на месте нет. Отлично! Сталкиваться не придется. Беру липкую бумажку, затем быстро пишу, что нужно сделать и оставляю документы на столе.

Иду назад, прохожу мимо туалета и слышу сдавленные всхлипы. Судя по голосу, рыдает Вера. Ну и что мне с этого? Уже было сворачиваю к лифту, но вдруг что-то внутри щёлкает. Останавливаюсь. Затем захожу в уборную.

Помощница Егора, моя соперница горько плачет. А мне вдруг становится её жаль. Нет, я не испытываю к ней симпатии, эта жалость чисто человеческая. Встаю рядом.

— Убирайся, — рычит она, — позлорадствовать пришла?

— Нет. Платок нужен? — сухо спрашиваю.

— Отвали! Это всё ты! Припёрлась сюда, заграбастала себе моего мужчину!

— Не помню, чтобы Егор Олегович кому-то принадлежал, — вздыхаю, — он не шкаф и не пианино.

— Что ты несешь?

— Ну, он живой, — достаю из диспенсера пару салфеток, протягиваю снизу.

Она берет не сразу. Но берет. Высмаркивается.

— Ты сама придумала эти чувства, — говорю ей.

— Да что ты знаешь?! Я его... да я ему! — и снова заливается слезами.

Значит, тот утренний отказ окончательно её сломал. Усмехаюсь.

— Хочешь, расскажу историю моей хорошей подруги?

— Нет, спасибо.

— А я расскажу. Вдруг до твоей блондинистой головы дойдет.

— Я не блондинка, — огрызается.

— Это не цвет волос, а состояние души. Наивная, верящая, что, если мужчину душишь любовью, он полюбит в ответ.

На это ей сказать уже нечего. Хороший знак!

— Так вот. У меня есть хорошая подруга. Она очень любила своего мужа. Так любила, что ничего вокруг не видела. Они рано поженились, были молодыми и перепутали влюбленность с настоящим чувством.

Молчание. Слушает. Стою спиной к двери, закрываю глаза. Это словно сеанс у психотерапевта. Возможно, именно это мне сейчас и нужно.

— Муж охладел первым. Но так как они были богаты и зависимы от его отца, не мог развестись. Он изменял. Она не знала и по-прежнему любила его. А потом измена вскрылась совершенно случайно.

— Оу... некрасиво, — раздаётся из-за двери.

— Подруга не стала это терпеть. Захотела подать на развод. И в итоге розовые очки разбились. Было очень больно. Так, что грудь разрывалась на части. Ей хотелось умереть, испариться, чтобы не чувствовать этой боли. Но это так было нужно.

— И что теперь с твоей этой подругой?

— Залечивает раны. Хороший человек вовремя подставил ей плечо. И я уверена, что у неё все сложится. Она соберет себя заново, перезагрузит жизнь.

— И к чему ты всё это рассказываешь?

— Лисенко говорил со мной, Вера. И я скажу тебе то же, что и ему. Твоя любовь к Егору Фадееву — это не настоящее чувство, а одержимость. И она тебя разрушает. Ты унижаешься. Лишь бы боли не чувствовать. Но от этого еще хуже. Ощутить всю полноту. Умереть и родиться заново.

— Я люблю его... — уже не так уверенно заявляет моя соперница.

— Не любишь. Просто, даже получив Егора Олеговича, убрав всех конкуренток, ты однажды проснешься и поймешь, что всю жизнь гонялась за призраком. А ведь вполне возможно, подходящий мужчина уже ждёт за углом. Просто подумай об этом.

— Но Егор... неужели я ему и правда не нужна? — всхлип.

— Не нужна, — заявляю уверенно.

— И кто нужен?! — выкрикивает она, но я уже покидаю туалет.

— Я, — шепчу себе под нос, и улыбка лезет на губы.

Что же! Если и сейчас эта женщина ничего не поймет... если хоть раз еще полезет к моему мужчине, я её уничтожу! Это было моё последнее предупреждение.

Возвращаюсь на рабочее место. Собственная речь придала немного решимости. Так что я отпрашиваюсь у начальника, ссылаюсь на болезнь и уматываю домой. Там привожу себя в порядок, надеваю парик, очки. Быстро нахожу подходящую одежду.

Всё это время где-то под сердцем неприятно покалывает. Неужели я ошибаюсь? Но гоню прочь сомнения. Я должна увидеть это! Должна! Вызываю такси.

Но чем ближе время подачи машины, тем мне хуже. Я уже не то, что сомневаюсь, а с ума схожу от раздражающих противоречий. И когда всё-таки спускаюсь к машине, вдруг натываюсь на тетю Тоню.

— О! Лиля! Привет, — она тащит тяжелые сумки, видимо, с супермаркета идет, — ты куда намылилась?

— Дэвушка, время! — подгоняет меня таксист.

— По делам. Простите, надо бежать, — открываю дверь.

— Ты уверена? — вдруг с хитрым прищуром спрашивает бабуленция.

А я замираю. Не могу ни сесть, ни выйти. Что же мне делать?

Любовь против ненависти. Кто же победит? Изнутри рвутся сильные чувства, я чуть не плачу. Но понимаю, что, если сяду в эту машину, позволю прошлому меня раздавить. Предам Егора.

Дам Фадеевым победить. А такой радости я им не доставлю.

— Простите, — говорю таксисту, — но я не поеду. Оплачу вызов и ожидание.

Когда машина с шашечками уезжает, горько вздыхаю. Стягиваю очки, парик.

— Так-то лучше, — заявляет тетя Тоня, — я тут продукты купила, хочу вкусный обед из трех блюд сварганить. Ты со мной?

— Конечно! — меньше всего мне хочется оставаться одной.

— А знаешь, что? Давай-ка к тебе лучше поднимемся, — заявляет она.

— Ладно... но тогда я оплачу продукты!

— Это Егорка заплатил, — хитро сверкает глазами тетя Тоня, — так что можем гулять на все деньги.

Хихикаю. На душе вдруг становится очень легко.словно я стояла на краю обрыва, но вовремя развернулась и пошла в безопасное место. Не дам боли меня сожрать!

Раскладываем продукты.

— Что готовим, тетя Тонь?

— Борщ мой фирменный и гуляш из говядинки с подливочкой. Егор очень это всё любит.

— Интересно, — запоминаю.

— Я готовлю его на говяжьем бульоне, еще моя бабушка этот рецепт матери передала.

Вот, порежь мясо крупными кусками.

— А как вы с Егором познакомились?

Тетя Тоня молчит, лишь уверенными движениями снимает шкурку со свёклы. А я не тороплю. Похоже, задела старую рану.

— Так, давай-ка в кастрюльку нальем водички. Клади мясо. Вот так, теперь нужно довести до кипения и полтора часика поварить. А ты пока капусткой займись.

Делаю всё, что она говорит. Во мне просыпается странное желание. Хочется сделать для Егора что-то особенное. Стать лучшей версией себя.

— А Егорка заменил мне сына, — как бы между прочим отвечает на мой вопрос тетя Тоня.

Но после этого пожилая женщина меняется. Будто не здесь где-то. Сутулится, словно уменьшается в размерах.

— Ты режь капусту, разберись с картошкой. На мне морковь, лук, свёкла. Так быстрее

успеем.

— Уже делаю! — мне действительно нравится готовить.

Я всегда была принцессой, запертой в высокой башне. Моим тюремщиком была мать. И теперь вкус свободы пьянит. Хочется попробовать абсолютно всё! Готовка — это первый вызов.

— Мой сыночек рос бойким мальчиком, — рассказывает тетя Тоня, пока мы занимается овощами, — активный, целеустремленный. Отец его рано погиб, мы жили вдвоем. Небогато, но спокойно. Он вырос, поступил в университет. Рано начал работать.

Вижу, как в уголках ее глаз блеснула слезинка. Сердце сжимается.

— И потом встретил девушку. Хорошую такую, домашнюю. Отличницу. Вот только семья её была... не очень хорошей. Маргиналы. Что брат, что отец с матерью.

— Ужасно...

— Так, готово. Ставь сковородку, чуть масла, будем овощи тушить.

Затем мы какое-то время молчим. Я вижу, как тяжело женщине рассказывать о своей непростой судьбе. А готовка помогает ей немного снять напряжение. Мы тушим овощи, затем добавляем уксус и томатную пасту.

— Родня девушки увидела в моём сыне шанс. И дойную корову. Он рано начал программировать, имел кое-какие деньги. И они начали шантажировать. Не пускали её на свидания... мучили их. Отбирали у него всю получку. А я не знала, куда бежать, в полиции лишь руками разводили.

— У меня слов нет, — выдыхаю.

— В итоге я пошла к Исаеву. Тогда Егорка был у него, как бы сказать, одним из управляющих. Это сейчас он сам большой начальник.

Исаев — местный авторитет. Неужели не знал?

— И в общем, убили моего сыночка. Не дождался он помощи. Денег родня хотела, забила до смерти...

Замираю. Не хочу такое слышать! Такого в нормальном мире быть не может!

— Не плачьте, пожалуйста. Это я виновата, мне так жаль! — беру ее сморщенные руки в свои, — простите!

— Всё в порядке, Лилечка. Они ответили за всё. Егорушка позаботился. Помог мне организовать похороны.

— А что с его девушкой?

— Она себя порешила.

— Господи...

— Да. Не выдержала чувства вины, хотя я говорила ей, к себе звала. Хорошая была. Леночка. А на вскрытии выяснилось, что ждала ребеночка. Так никого у меня и не осталось.

— Мне так жаль... — всхлипываю.

Это я свою жизнь считала тяжелой. А кто-то реально потерял всех, кого любил. Это просто ужасно!

— Я надеюсь, ты убедилась, что не стоит тебе никуда ехать. Оставь прошлое в прошлом, доченька.

— Откуда вы знаете?

Мы расправились с борщом и принялись за мясо. Такое чувство, словно я рядом с мамой

и она учит меня готовить. Тепло, по-домашнему. Тетя Тоня лишь пожимает плечами.

— Главное, что ты осознала ошибку. И почему так отчаянно стремились туда.

— Да. Я думала, что это нужно, чтобы отпустить и начать новую жизнь. Но по факту, чтобы ее начать не нужно ничего, кроме решимости. А я... знаете, садясь в такси вдруг поняла, чего хочу на самом деле. Не отпустить прошлое, а увидеть на лицах обидчиков хотя бы отголосок вины.

— Но ты не увидела бы. Как и я не увидела, — женщина выглядит невозмутимой.

— Их судили? — мы садимся обедать.

— Да. И даже дали сроки. Но вины за убийство моего сына на их лицах не было. Звери не люди. И тогда я шепнула Егорке кое-что...

Догадываюсь.

— Их убили в тюрьме. Забили до смерти. Но это тоже не помогло. Месть не вернула ни сыночка, ни его девушку, ни их малыша. И ты не мсти, Лилечка.

— Я не буду.

— Как ни странно, мне помог Егорушка. Ему нужно было следить за жильем, и я вызвалась. Он заменил мне сына. И сейчас, глядя на тебя, я вижу себя. Тяжело всё терять. Но в этой тьме всегда есть лучик света. И для нас обоих им стал Егорка.

— Да.

До самого вечера я думаю. Размышляю над словами тети Тони. Она не простила, отомстила. Но это не помогло, и она пожалела об этом. Касаюсь груди в области сердца.

Месть Макс, его любовнице и Олегу Фадееву меня не спасет. Мне уже сделали больно. Уже растоптали. Уже убили моего ребенка и лишили возможности стать матерью.

— Да катитесь вы! — хватаю тарелку и швыряю в стену, — ублюдки! Сами со своим дерьмом там разбирайтесь! А я пойду своим путём.

Собираю остатки еды, затем вызываю такси. Одеваюсь. Я хочу к нему! Хочу, чтобы, вернувшись, он ощутил, как мне нужен. Егор. Только вот... у меня нет ключа.

Стою в коридоре, досада неприятно скребется в душе. Но тут взгляд падает на шкафчик для обуви. Ключ-карта? Такая же, как у Егора! Хватаю ее, осматриваю. Точно его! Значит, тетя Тоня оставила мне ключи от квартиры Фадеева? Или забыла? Блин! Ладно!

— Отлично! Этим я воспользуюсь, а потом верну тете Тоне ключ.

С улыбкой на лице покидаю квартиру. Добравшись до высотки своего мужчины, бегу к нему. Вот он удивится!

Но на подходе сердце падает в пятки. Дверь квартиры распахнута, а Егор лежит на полу прихожей лицом вниз...

Егор

По дороге туда, где моя Лиля прошла через ад, я думаю. Много, долго. Выкуривая сигарету за сигаретой. Надеюсь, она не поедет. Незачем, опасно. Сворачиваю к больнице, где будет проходить отпевание.

Уже на подъезде вижу охрану отца. Огромные громилы в чёрных костюмах, с рациями. Всю больницу арендовали, блядь. Лишь бы журналисты не узнали. А они узнают, уж мой «решала» об этом позаботится.

Он уже собирает показания свидетелей, врачей, подкупленных моим братом. Всё грязное белье моей семьи выплывет наружу. Главное в этой ситуации — действовать осторожно, чтобы не навредить Лиле и моей матери.

Показав пропуск, проезжаю на территорию больницы. В зале для отпеваний уже собрались родственники. С неба капает неприятный дождь, мой костюм быстро покрывают крошечные капельки.

— Егорушка! — ко мне подходит мать.

Обнимаю её. Отца нигде не видно. Поэтому она такая смелая и решилась подойти. В его присутствии мама другая. Словно его тень.

— Где он?

— Договаривается о том, чтобы нас пропустили с мигалками до кладбища.

— Надо же... какие почести.

— Сынок, — она понижает голос, — как она?

— Нормально, мам. Я забрал её, и тебя заберу. Теперь за мной стоит немалая сила.

— Аккуратнее, Егор, — она смотрит на меня, — я так скучаю по тебе. Сынок...

— Скоро, мам...

Вижу отца. Он идет, невозмутимо вздернув подбородок, одетый в идеальный черный костюм, а рядом с ним волочится Макс. Его любовницы нигде поблизости нет. Интересно...

— Егор, — отец протягивает руку.

Его взгляд колкий, холодный. Но мне уже всё равно. Брат видимо все эти дни не просыхает.

— Здравствуй, Олег, — отвечаю также холодно и вижу, как уголки его губ ползут вверх.

— Сегодня после церемонии жду тебя у нас дома. Будь почетным гостем.

Он хватается мою мать за локоть и уходит. Макс смотрит в асфальт. Сейчас он напоминает нашкодившего мальчишку.

— Я скучаю по ней, — тихо говорит, — пиздец как. Бухал, думал, что вытравлю из головы.

— Сначала изменил, повел себя, как мудака и считай, убил... а теперь скучаешь? Ты как ребенок, Макс! У которого игрушку сломали! И он её назад хочет!

— Ты ни хуя не знаешь! Лилька была... блядь... — в его глазах стоят слёзы, — я думал, думал... Машка эта ещё глаза мозолит. То хочет, сё. А я Лильку хочу...

С трудом держу себя в руках. Лилия моя! Он потерял на неё право.

— Твоя жена мертва. Так что смиришься с этим... пошли, начинается.

Не знаю, как отстаиваю отпевание. Меня мутит от запаха ладана, дико хочется курить и выпить. Нажраться так, как никогда не нажирался. Как и сказал «решала», гроб закрыт и никому даже в голову не приходит залезть и осмотреть останки.

На лицах семейства лишь непроницаемые маски. Пустые люди. Только мама глядит на гроб с каким-то грустным выражением. Её губы поджаты, глаза совершенно потухшие.

Народу немного. Мать Лили обещала прилететь лишь к похоронам. По её словам, ладан испортит шлейф французских духов. Тоже мне, мамаша. Никогда не любил эту циничную, расчетливую женщину.

На кладбище всё становится немного лучше. Там хотя бы есть, чем дышать, но внутри меня разрастается дикий безобразный ком из эмоций. Я вроде и знаю, что не моя Лиля в гробу, но ее фотография рядом с ним сводит меня с ума.

В один миг мне просто хочется броситься, сорвать крышку и заорать, что это не она. Что Лиля жива. Чтобы все они забыли о её существовании. Но я стою, сдержанно киваю на все соболезнования.

Здесь многие друзья и партнеры отца. Так называемые «молчуны». Те, кто ни за что не предаст Фадеева и не расскажет об этом закрытом «мероприятии», позорящем семью. Макс выглядит всё хуже. В кои-то веки он осознает, что сотворил с чужой жизнью. И со своей. Но уже поздно.

— Бедная моя Лиля... так оступиться! — театрально заливается слезами её мать, — так опозорить семью! Господи!

— Да, — кивает стоящий рядом с ней пожилой немец.

Он сдержанно гладит её по спине. А я безумно рад, что Лиля не видит всего этого. Или видит? Подхожу к «своему» охраннику в свите Фадеева.

— Обыщи периметр. Ищи девушку в черных очках, с темными волосами и мешковатой одежде.

Почему-то я уверен, что если Лиля и решила поиграть в шпионку, то именно в таком образе.

— Понял, — громила уходит.

Гроб погружают в землю. Там какая-то неизвестная девушка, сиротка вроде. Её искать никто не будет. Зато похоронили с относительными почестями. На лице отца за всю церемонию не отпечаталось ни одной эмоции.

А меня так сильно накрывает тоска, что нет сил. Хочется к Лиле. Не видеть её улыбающуюся на надгробной фотографии. А касаться. Касаться её кожи, впитывать тепло! Скорее бы свалить отсюда!

— Никого, — рядом вырастает громила.

— Ясно, — эгоистично расстраиваюсь.

Ведь если бы Лиля была здесь, я посадил бы ее в свою тонированную машину, сорвал трусы и трахнул. Она нужна мне! Прямо сейчас! Сука, как же погано на этих похоронах!

Потом следуют поминки. Мне за руль, так что влить в себя бухла не могу. Да и с отцом предстоит поговорить. Всё проходит в особняке Фадеевых, так что ближе к вечеру он уходит, а я спустя минут пятьдвигаю в его кабинет.

— Не думал, что так всё кончится, — Олег Фадеев стоит около окна.

В его кабинете ничего не изменилось. Все те же тяжелые шторы, массивный чёрный стол под стать душе владельца. Темно-коричневый паркет и серебряный «паркер» рядом с аккуратно сложенной кипой документов.

— Это было ожидаемо, учитывая, как вёл себя Макс.

— Я не так его воспитывал.

Именно так и воспитывал.

— Но Лилии нужно было прийти ко мне, — вздыхает он, — поговорили бы, решили... зачем она сбежала? Она была мне, как дочь.

— Разве? — выгибаю бровь.

— Да. И она была идеальной матерью для моего внука. А не одна из шлюх твоего брата. Сейчас я вижу, что не на того сына сделал ставку и пожалел бы, будь у меня время.

— О чем ты говоришь? — напрягаюсь.

— У меня последняя стадия гепатоцеллюлярной карциномы, в простонародье рака печени. И жить мне осталось совсем недолго.

Олег Фадеев... умирает? Не чувствую ничего, кроме досады. Столько лет ненависти. Планирования сладкой мести. Сжимаю руки в кулаки.

Сука... да как ты смеешь умирать, когда я так близок к тому, чтобы тебя уничтожить?

— Я не прошу сочувствия. Знаю, что не заслужил. Но моя компания, это единственное, что чего-то стоит... и я хочу передать её тебе, Егор. Макс всё потеряет. Разрушит то, над чем я работал свою долгую жизнь.

Он выглядит абсолютно невозмутимым. Словно не он, а кто-то другой скоро отправится в иной мир со всем грузом грехов.

— Сколько тебе осталось?

Засовываю руку в карман и нащупываю накопитель. Планы резко меняются. Возможно теперь он мне не понадобится.

— Месяц или два. Я пока на сильнодействующих лекарствах. Твоя мать не знает. Макс тоже. Они не способны адекватно воспринять эту новость.

— Интересно.

— Ты уже меня перерос, Егор, — он вдруг ссутуливается, и буквально на короткий миг передо мной не всесильный Олег Фадеев, а немощный умирающий старик.

Отец садится за стол, тяжело дышит. Берет какой-то ключ.

— Я все эти годы пристально за тобой наблюдал. Как ты из мальчика на побегушках становишься влиятельным бизнесменом. И теперь могу оставить тебе свою империю.

— С чего ты взял, что она мне нужна?

Он пожимает плечами.

— Ты мой сын. Каким бы дерьмом меня не считали, в тебе от меня больше, чем от моей жены. Твой брат пошел в мать. Такой же слабый, эмоциональный и безвольный.

Олег вздыхает. Затем, кряхтя, поднимается и направляется к сейфу. Достает оттуда бумаги.

— Я всё подготовил, заверил. Попрошу лишь об одном. Не бросай брата. Он совершенно не приспособлен к нормальной жизни. И позаботься о матери. Пусть живет и ни в чём не нуждается. В конце концов, я сломал ей жизнь.

Беру документы. Буквально за пять минут всё перестало иметь смысл. Вся моя чертова жизнь. Но вдруг перед глазами возникает улыбка Лили. Открытая, яркая, словно луч света в темноте.

— Хорошо. Я заберу твою компанию, отец, — ухмыляюсь, беру бумаги и ухожу.

— СУКА! — слышу, покинув кабинет, — ЭТО ВЫ ВСЁ ВИНОВАТЫ!

— Успокойся, Макс! — охрана крепко держит моего брата.

Он рвется к отцу. Пьяный вдрызг. Костюм наперекосяк, волосы взъерошены. Глаза безумны.

— Я УБЬЮ ЕГО! БЛЯДИ, ОТПУСТИТЕ! ЛИЛЯЯЯЯЯЯ! — он окончательно съеха катушек, — ЭТО ОН! ОН УБИЛ МОЮ ЖЕНУУУУУУУУУУУУУ!

Мама плачет, я подхожу и обнимаю её.

— Скоро всё кончится, мам.

Вся тьма и грязь Фадеевых нависает мрачным облаком над большой гостиной, где организованы поминки. А внутри меня лишь пустота. Отчаяние.

Понимание, что отец даже здесь меня переиграл. Макс беснуется, его уже не могут удержать.

— Отпустите его! — раздаётся голос отца, — пошли поговорим, сын.

Ни минуты не хочу находиться среди этого дурдома! И когда покидаю особняк, слышу лишь вой ветра в стороне леса. Тучи на небе всё гуще. Вороны срываются в ближайших деревьях и улетают прочь.

Макс готов убить отца. В пьяном угаре. Если даже это случится, не удивлюсь. Выключаю мобильный. Почему-то на душе совершенно пусто.словно всё, что происходит, это не со мной, а с кем-то другим. Подставляю лицо холодному дождю. Закрываю глаза. Улыбаюсь.

Не думал, что всё так быстро закончится. Оказавшись у дома, достаю купленную бутылку водки. Обычно я не пью эту дрянь, но сейчас мозги вот-вот взорвутся.

Пиздец, почему так всё вышло? Отец скоро умрёт. Своей, сука, смертью. Типа как герой? Мразь не должна умирать так. Все должны знать. И все узнают.

Лиля...

Выпиваю бутылку. Не помогает. Мало. Достаю вторую, пью, как бешеный. Словно хочу закатать всё, что чувствую, под толстый слой алкоголя. Бухаю, курю прямо в машине. А затем понимаю, что ноги совсем ватные и сам я домой не доберусь.

Слишком тяжело. Беру документы на компанию Фадеева. Конечно, тут не всё, лишь основные доверенности и прочее. Еще предстоит куча работы. Отдам Исаеву, пусть сам с этим дерьмом разбирается. Мне не нужен этот кровавый бизнес.

Я не помню, как добираюсь до квартиры. По-моему, падаю несколько раз. Чувствую, как из разбитой губы течет кровь. И из носа... черт!

— Блядь... Лиля... какой же я... слабак... — сил хватает лишь на то, чтобы открыть дверь.

Вваливаюсь в квартиру и падаю лицом вниз. Сука... нет сил. Я так жалок! Спаситель, сильный... как же! В голове какой-то сияющий калейдоскоп. Всё цветное и крутится. Тошнит пиздец.

— ЕГОР! — слышу милый сердцу голос.

— Моя любооовь... — бормочу.

— Что с тобой? МИЛЫЙ! — она совсем близко.

Хочу коснуться её. Моего ангелочка. Лиля...

— Я люблю тебя... — шепчу, — так люблю...

— И я тебя, давай-ка вставай. Ты пьян?!

Она каким-то чудом перемещает меня на постель. Снимает ботинки, пиджак. Брюки и рубашку. Позволяю своей малышке всё.

— Вещи грязные, — качает головой, — ты в грязи, что ли валялся? Кину в стиралку.

Такая милая, красивая девочка. Хоть перед глазами всё пляшет, её прекрасное личико вижу отчетливо. И она недовольна.

— Ты зачем так напился? — хмурится.

— Он... скоро сдохнет... — рычу, — блядь... вся месть псу под хвост! Сука!

— Кто сдохнет? Что произошло? Егор?

— Мой отец...

— Тихо, тихо, — она обнимает меня, — давай твоё лицо обработаем.

Лиля возится со мной, а я счастлив. Засыпаю с пьяной блаженной улыбкой на лице. Чувствую, что моя Лиля рядом. Забирается ко мне под бок, жмётся. Укладывает голову на мою грудь.

Ну а утром я просыпаюсь от дичайшей мигрени, тошноты и всех остальных признаков похмелья. Но, всё-таки приоткрыв глаза, растекаюсь в порочной улыбке.

Лиля на кухне, что-то варганит. Голая, в моей рубашке.

— Малышка, — захлебываюсь слюнями, — переезжай ко мне! Сегодня же!

Лилия

Переехать к Егору? Молчу, разогревая вчерашний суп. У него явно похмелье, так что нужно хорошо поесть. Ощущаю острое желание заботиться об этом мужчине. Никогда раньше подобного не испытывала.

— Лиля? Что скажешь? — Фадеев оказывается сзади, прижимается, обвивает мою талию сильными руками, — хочу тебя постоянно... не могу, я без тебя дурею.

Меня ведет от ощущения, что он рядом. Я так счастлива, что готова прыгать до потолка. Прижимаюсь к его груди, прикрываю глаза.

— Я хотела, чтобы наши отношения шли, как идут, — отвечаю через какое-то время.

— Хочешь самостоятельности? — хрипит он, медленно расстегивая рубашку, которую я нацепила утром.

Признаться, вчера я даже не думала. Увидев своего мужчину лежащим на полу, бросилась к нему. Была готова на всё. Повезло, что он просто напился. Дверь не закрыл даже. Я не узнала всегда собранного и серьезного Егора Фадеева. Вроде бы из нас двоих я более эмоциональна.

А потом просто разделась и улеглась с ним рядом. Ощувив стойкое желание просыпаться на сильной груди Егора, готовить ему завтрак, целовать его сонное лицо. Но нам пока рано съезжаться.

— А я вот тебя хочу, — рычит он, упираясь в мою попку своим членом.

— Утренний стояк? — откидываю голову на его плечо, позволяю ласкать себя.

Егор полностью распахивает рубашку. Прохладный воздух обдаёт кожу, я вся покрываюсь мурашками. Или это от наполненных утренней страстью касаний?

— Да, у меня всё ещё стоит по утрам, — шепчет мужчина, покрывая безумными голодными поцелуями мою шею.

— Егоор... мы же... говорили... — язык заплетается от возбуждения.

Руки Фадеева бродят по моему телу, накрывают груди. Подушечками пальцев он слегка нажимает на соски. Круговыми движениями пускает к низу живота мощные и яркие волны возбуждения.

— Ммм! АААХ! Хорошооо... дааа... — бормочу, теряясь в настойчивых ласках.

Почему так приятно? Мы же говорили о чем-то серьезном? К черту все! Разворачиваюсь, опускаюсь на колени. И не замечала, какая ладная фигура у Егора. Кубики пресса, ни жиринки, широкие плечи и узкий таз. Для мужчины в его возрасте это большая редкость.

— Хулиганка, — рычит он, пока я брожу ладонями по его животу.

Очерчиваю каждый кубик. Облизываю губы раз за разом. Спускаю домашние брюки с мужчины. Он действительно очень большой. Красивый даже. Егор идеален.

— Ммм... — стонет он, пока я сжимаю рукой чувствительные яйца, сбитые в один плотный горячий комок, — Лиля, что же ты со мной делаешь...

Он такой гладкий, выбритый везде. Его приятно касаться. Член Егора даже пахнет отлично. Провожу языком вдоль ствола, ощущая безраздельную власть. Такая крошечная я и

огромный мужик. Но он полностью в моих руках. Зависит от меня.

Касаюсь кончиком языка уздечки. Нежно провожу по ней, срывая хриплые стоны с губ мужчины. Мне и самой хочется начать стонать. Ведь никогда в жизни я не испытывала такого кайфа, делая минет.

— Ты вкусный... ммм... очень... — бормочу, заглывая большую головку, гуляя по ней язычком.

— Блядь... Лиля... к такому меня жизнь не готовила... — чувствую, как мой мужчина дрожит.

— Ты уже готов кончить? Так быстро? — невинно взмахиваю ресницами, глядя на него снизу-вверх.

Его взгляд очень красноречив. Он действительно на грани. Сжимаю кожаные мешочки, ставшие почти твёрдыми. Массирую их.

— Против твоих губ и язычка мне не выстоять... пиздец... ох бляяя... — от грубостей, которые он бормочет, я сильно намокаю.

Между ног неприятно холодит. Там бесстыдно мокро. И пусто. Мучаю, распалю Фадеева, пока он не подходит к самой грани. Но я чувствую это и не даю ему кончить.

— Вставай, — мужчина ласково поднимает меня, разворачивает, — чувствуешь, что ты натворила?

Сексуальный баритон становится еще ниже, грубее. Он задевает самые темные, порочные струны моего сердца. Ладонь Фадеева накрывает мою киску.

— Такая мокрая... Лиля, ты бесстыжая девчонка... чувствуешь? — он двигается, нарочно создавая больше влажных, порочных звуков, — как хлопает...

— Да, я мокрая... — стону, — войди в меня! Быстрее!

— Ты мучила меня, — шепчет мужчина, поглаживая мои распаленные нижние губки, — теперь моя очередь.

Он подводит свой член к моему лону. Клянусь, я ощущаю его жар! Это просто невероятно хорошо! Так не бывает! Царапаю ногтями столешницу.

— Нагнись, выстави попку, малыш, — приказывает мужчина.

Я выпячиваю ягодицы, призывно кручу ими. Но Егор не спешит входить. Он трется головкой о мои складочки, терзает, издевается. А с моих губ слетают такие порочные звуки!

Я готова умолять... лишь бы он меня наполнил!

Но именно в этот момент Фадеев входит. Грубо. Резко. Распахивая меня на максимум. Затем выходит также быстро. И снова на всю длину врывается.

— Боже... божее! — прикрываю рот, чтобы не кричать в полный голос, — ах! ДА! ДА ДА!

— Да? Нравится? — Фадеев сжимает мои бёдра, вколачивается без остановки.

— Дааа! Не останавливайся... прошу...

— Вот так... да... моя нежная девочка... мягкая, сладкая... красивая...

— Егоор! Я... почтииии!

Меня накрывает. Очень быстро, ведь мы так страстно ласкали друг друга. Кричу, сжимаю мужчину собой. Он прижимает меня к своей груди, изливается, стонет. Так глубоко...

Оседаем, чуть не падаем. Ноги дрожат, в голове совершенно пусто.

— Это было... супер... — выдыхаю, восстанавливая дыхание, — а теперь нужно снова греть суп.

— Я сам, малыш, иди в душик, — Егор целует меня.

Спустя десять минут мы уже завтракаем. По телу растекается приятная нега.

— Если ты не готова, — говорит мужчина, берет мою ладонь в большую руку, — я не буду настаивать на переезде. Но подумай, Лиля. Я тебя очень люблю. И не мыслю жизни без твоего в ней присутствия.

— Я тоже, — переплетаю наши пальцы, — но дай мне время. Я хочу жить с тобой, но сначала мне нужно разобраться в том, что мне нужно помимо любви.

— Хорошо, малышка, — он целует тыльную сторону моей руки, — я приму любой твой выбор.

После сладкого утра наступает момент сложных вопросов. Егор убирает посуду, моет. Он не позволяет мне ухаживать за ним. А мне хочется!

— Когда переедешь, купим посудомойку, — заявляет он.

— Егор...

— М?

— Твой отец... ты вчера бормотал и вообще. Он болен, да?

— Смертельно, — коротко отвечает мужчина, — рак у него.

— Понятно.

Эта новость ничего во мне не колышет. Вообще! Вижу, как напрягаются мышцы Егора.

— И он отдал мне компанию, — говорит он после некоторой паузы.

Вот этого я не ожидала совсем! Ведь Олег всегда говорил, что готовит Макса в преемники. А Егор для него — списанный материал. И теперь именно старшему сыну он отдал компанию.

— Неужели на закате жизни в нем проснулась адекватность? — усмехаюсь.

— Он давно уже списал моего брата. По крайней мере, если верить его словам.

— И что ты думаешь делать?

— Мне не нужна империя отца. Я... — он осекается, обдумывает, — должен был уничтожить её.

— Зачем? — не понимаю.

— У меня были договоренности с Исаевым. Определенные. Он помог мне тебя спасти, а я взамен должен убрать его главного конкурента.

— Вот как...

— Не бойся, там нет никакого криминала. Ну если только с подменой трупа и документов. Но купить всё это труда не составило. Исаев уже не бандит, как я понял, от этих дел он отошел.

— И больше ты ничего ему не должен? — взволнованно спрашиваю.

— Нет, наша сделка закроется, когда я передам ему управление компанией. У нас друг на друга нет ничего. Так что разбежимся.

— Это наследие твоего рода, Егор. Уверен, что хочешь его растоптать?

Он усмехается. Подходит сзади и обнимает. Прижимается шершавой щекой.

— Я хочу растоптать всё, что причинило тебе вред, Лиля. Мой отец построил эту империю на костях. Фигурально выражаясь. Скольким людям он жизни сломал — не счесть.

— А как же сотрудники?

Сглатываю образовавшийся в горле ком.

— Твоя мать, брат...

— Маму я заберу. Она сможет до конца своих дней ни в чем себе не отказывать. Брат...

он пусть сам свою жизнь строит. Что принадлежит ему, отнимать не стану. Но дальше без поддержки Фадеевых.

— Если ты уверен, — закрываю глаза, — я на твоей стороне.

Дальше наша жизнь течет, как в сказке. Я работаю, набираюсь опыта. Изучаю экологическое законодательство.

Мы с Егором встречаемся. По вечерам ходим в кино, гуляем. Занимаемся любовью везде, где можем, кроме офиса. С огромным трудом держим себя в руках на совещаниях.

Но порой, когда я приношу ему на подпись бумаги, мы целуемся, обнимаемся, ласкаемся. Между нами огромное сексуальное напряжение и мы никак не можем друг другом насытиться.

Так проходит месяц.

Егор регулярно ездит в столицу, чтобы постепенно принимать дела компании. Олег Фадеев сообщил родным о болезни. Естественно, все СМИ просто взрываются. О его трагедии пишут все газеты, журналы. Не только наши, но и иностранные. Мне даже немного жаль старика.

Этим утром я сижу на работе, листаю ленту новостей. Краем уха слышу приближающийся громкий стук каблуков.

— Вот! — передо мной вдруг с грохотом опускается кружка кофе.

— Эм... — поднимаю глаза и вижу Веру.

Она стоит, опершись на мой рабочий стол. В ее глазах, как всегда, недовольство. Делаю глоток. Хороший кофе.

— По какому случаю?

— Я долго думала над твоими словами, — он нагло забирает у Влады, уже ставшей моей подругой, кресло и садится рядом со мной.

— Надо же, — фыркаю.

— И ты права. Я заиклилась на Егоре. Пора заканчивать. Так что... спасибо.

Неужели мои слова возымели эффект?

— Я отдаю его тебе, — заявляет уверенно.

Выгибаю бровь. Так он давно уже мой, Верочка. Делаю ещё глоток кофе, внимательно глядя на эту женщину.

— Ну, я пошла...

— А СТУУУУУЛ?! — стонет ей вслед Влада, затем плюхается рядом, — чего я не знаю Ксень?

Пожимаю плечами.

— Без понятия.

— Ты сегодня к врачу? Я слышала, ты отпрашивалась.

— Да.

Мне не хочется это обсуждать. Прошел месяц моей новой жизни, и я наконец-то готова идти вперед. И принять тот факт, что никогда не стану матерью детей Егора. Что я могу поделать?

Ненавидеть весь мир? Это не выход. Да, мне до сих пор больно наблюдать за играющими на площадке детишками. Но теперь эта боль не столь острая. Я смирилась и готова строить будущее с учетом того, что не смогу родить.

— Пошли обедать? — зовёт меня Влада, — и ты всё мне расскажешь. Интересно же, чем ты так ведьму нашу осадил.

— Ну пойдём, — беру сумочку, и мы с подружкой направляемся в кафе.

— Хм... — осматриваю меню и мне ничего не хочется.

Мало того, любимые блюда вдруг вызывают отвращение. От запаха еды меня уже несколько дней знатно так тошнит. Неужели отравилась?

— Ты чего вся побледнела? — Влада, как всегда, накладывает любимый салат и мясной гуляш.

Но как только запах попадает мне в нос, я зеленею. Выскакиваю из кафе, бегу в туалет. Опустошаю желудок. Господи, за что мне это? Кости ломит, желудок ноет. То ли от голода, то ли от тошноты.

Влада догоняет меня. Кладёт руку мне на лоб.

— Ксень... ты меня прости, но, по-моему, у тебя поднялась температура. Немного, но горячая.

— Ох, — прислоняюсь к раковине, — уже пару дней так.

— Хм, — она прищуривается, — а не беременна ли ты часом?

Мне хочется её ударить. На один короткий миг, но я словно со скалы падаю.

— Я бесплодна, — сдавленно шепчу.

— Ой, прости! Просто эти симптомы... или беременность, или отравление.

— Поеду я, наверное, домой.

Егор всё равно весь день безвылазно на совещаниях. Не буду его беспокоить. Поеду, выпью таблетку и потом позвоню ему.

— Давай. А к врачу? — волнуется Влада.

— Перенесу. Нехорошо мне. Передашь боссу?

— Конечно!

Я иду на выход. На улице становится легче. Живот не так крутит, перед глазами уже не троится. Дыхание выравнивается. Беременна...

Останавливаюсь напротив аптеки. А может ли действительно быть...

— Нет, — одергиваю себя, — я не могу иметь детей. Может, это вообще ложная беременность. Не свихнуться бы на этой почве.

Но сомнение уже завладело мной. Ничего ведь не случится, если я сделаю тест, правда? Ноги сами несут меня в аптеку. Покупаю его и топаю домой. Там долго не могу решиться. Хожу мимо закрытой упаковки, поглядываю на неё. Даже вскрыть воли не хватает.

И ближе к вечеру-таки решаюсь. Иду в туалет и выполняю все манипуляции. Откладываю тест, начинаю заниматься делами по дому, чтобы отвлечься. Но не получается...

Почему я так нервничаю? Не могу ведь... ну не суждено мне стать матерью! Мы и с Максом-то как кролики вечно. Пытались. Долгие годы. А тут прям за неделю с Егором... чудес не бывает.

На негнущихся ногах приближаюсь к столу. Смотрю на тест. Всё тело деревенеет. Руки начинают дрожать, а из глаз льются слёзы.

Ведь я вижу две яркие красные полоски...

Лилия

Не может этого быть! Моргаю. Раз, второй, третий. Не верю своим глазам. Но тест говорит чётко: я жду ребенка. От Егора. Открываю и закрываю рот. Шок. Радость пока эфемерна, ведь тест может врать.

Нужно как можно скорее сходить к врачу и подтвердить результат. Да и выкидыш всё осложняет.

Звонит мобильный.

— Привет, малышка, — мурчит в трубку Фадеев, — как ты? Мне сказали, что ты ушла на обед. Что случилось?

— Я... я... ну... — слова застревают в горле.

— Лиля?

— Я... Егор, ты можешь приехать прямо сейчас? — шепчу.

— Конечно, буду через полчаса.

Эти тридцать минут кажутся мне вечностью. Я хожу по квартире. Мысли начинают постепенно приходить в норму. Радость сплетается со страхом. Этот эмоциональный коктейль приправлен шепоткой стыда.

— Мы трахались без защиты, потому что я решила, что бесплодна, — кусаю ногти, хватаюсь за голову.

С чего я вообще взяла, что он обрадуется? Мы и не обсуждали это, не было причины. Как-то сразу решили, что не будет у нас детей. А я ведь даже не знаю, хочет Егор становиться отцом или нет...

Звонок в дверь. Бегу открывать. Егор на пороге, отодвигает меня, входит в квартиру. Протягивает мне пакеты.

— Не знал, что заказать. Там суши из твоего любимого ресторана и пицца... Лиля... Лиля?!

От запаха еды меня мгновенно скручивает. Прикрываю рот рукой и бегу в туалет.

— Лиля? Ты чего? — испуганный Фадеев появляется на пороге, помогает мне встать, — милая?

— Егор я... я... — и меня снова тошнит.

— Я сейчас! — он скрывается на кухне, чем-то там гремит.

Потом замирает. Ничего не слышу, обнимаюсь с унитазом. Блин! Только не токсикоз, пожалуйста!

— Лиля... — растерянный мужчина вновь приходит ко мне.

В одной руке стакан воды с лимоном, а в другой мой тест. Егор ошарашенно смотрит на меня.

— Ты беременна? — спрашивает, — это твоё?

— Угу... — бормочу, беру стакан и выпиваю.

Тошнота действительно отступает. Опираюсь на мужчину. Чувствую, как он дрожит.

Затем растекается в счастливой улыбке. Подхватывает меня на руки, стискивает в любящих объятиях.

— Милая... Лиля... ты беременна?! — кружит меня по комнате, такой надежный.

— Да, — обнимаю его, — Да! Да!

Лишь теперь до меня доходит. Я жду малыша от Егора Фадеева! Столько лет ждала, прошла через ад и чуть не сломалась. Но всё не зря! Всё ради этого момента.

— Что ты хочешь? — он ставит меня на ноги, заглядывает в глаза, — говори, я всё куплю.

— Сейчас я хочу быть с тобой, мой милый... — глажу его лицо, вижу, как светятся от счастья глаза мужчины.

— Переедешь ко мне, — уверенно говорит он, усаживая меня на диван, — теперь без вариантов. Пока не построим дом...

— Дом? Егор... ты...

— Я давно уже купил землю. Рядом с городом. Хотел жить там с тобой и собакой. Ты рассказывала мне, что мечтала о бульдоге. Но теперь я это ускорю, чтобы к рождению ребенка мы уже жили там. Квартиру отдам матери.

— А эту можно подарить тете Тоне. Она так помогает!

— Как скажешь, милая.

Мне настолько сейчас хорошо, что я словно парю на легком облачке. Вся моя трагедия перестала иметь значение. Ведь думала, что они лишили меня самого главного. Но нет! Фадеевы не смогли!

— Спасибо тебе, Егор. За всё, что ты сделал, — мы так и сидим на диване, ошарашенные, в обнимку.

— Тебе нужно покушать, — нежно шепчет мужчина, покрывая поцелуями моё лицо.

Таким я Егора не видела никогда. Ласковый, влюбленный, совершенно расслабленный. В этот момент приходит осознание, что такое та самая тихая гавань. Место, где человек может быть собой.

А Егор именно такой: ласковый, нежный, любящий. Но жизнь заставляет его быть жестким. Но рядом со мной ему не нужно притворяться. Я стану ему опорой и поддержкой. Такой, какой он стал для меня.

— У нас теперь будет семья, — шепчу, — настоящая...

— Да, малышка. Ты станешь мамой, ведь так хотела, — мурчит он, — и у меня теперь больше причин стараться изо всех сил.

— И бульдог, — смеюсь.

— И бульдог, — блаженно повторяет Фадеев.

Мы сидим, болтаем обо всем. Мне всё еще немного страшно, потому что вдруг тест ошибочен? Но симптомы вполне себе яркие. Господи! Спасибо!

На следующий день остаюсь дома, потому что есть я просто не могу. От любой еды меня тошнит. Так что с утра, проведив Егора на работу и с огромным трудом оторвавшись от него, направляюсь к врачу.

— Да, — говорит мне пожилая улыбчивая женщина, — тест показал правильно. Вы беременны. Давайте-ка на учёт встанем...

— Господи... — вот тут меня накрывает огромная волна радости, в которой почти захлёбываюсь.

— Да уж, без Его вмешательства точно не обошлось, — говорит врач, заполняя бумаги.

— В смысле?

— Ваш организм пострадал в аварии. И по всем законам медицины, логики и анатомии вы не можете забеременеть, Лилия. Это чудо, не иначе. Или очень большая любовь.

На душе становится так тепло! Чудо! Я заслужила, мы заслужили!

— Ну-ну, мамочка, не плачьте, — улыбается женщина, — сейчас я запишу все рекомендации, график приёма, УЗИ, анализы. После выкидыша нужно наблюдаться особенно тщательно. Следите за собой, не нервничайте, тяжести не поднимайте...

Дальше она дает огромный список, обязательный к выполнению.

— Прости, что не смог с тобой поехать, — сокрушается Егор, когда вечером мы готовим мне свежий салат — единственное блюдо, которое могу есть.

— Всё в порядке, — обнимаю его, — ты работаешь в поте лица. Для нас с малышом.

Мы долго и жарко целуемся. Но, к сожалению, в моем состоянии секс нам запретили. По крайней мере в первом триместре.

Дзынь!

Раздается звонок в дверь.

— Я открою, — бегу открывать, — у тебя руки все в салате.

— Хорошо, — Фадеев исправно шинкует овощи.

Распахнув дверь, столбенею. Душа тут же падает в пятки...

— Ты?!

На пороге квартиры Егора стоит... Машка. Та самая. Моя личная помощница, предавшая меня и залетевшая от Макса.

— Лилия... — она таращит на меня свои зарёванные глазенки.

— Кто там? — Егор подходит, замирает, — Мария?

— Я... вы... живы?! — визжит девчонка.

— Блядь... — Фадеев хватает её за руку и затаскивает в квартиру.

Я чувствую, как к горлу подступает паника. Она всё расскажет... снова предаст! Черт! Молчу, не в силах и слова вымолвить.

— Я так рада... — вдруг заявляет Машка.

Только вот я радости не разделяю. Да ты у меня мужа увела, жизнь мою разбила! Но в душе пусто. Я не ненавижу. Она скорее раздражает. Потому что не хочу больше связываться с Фадеевыми. Лишь с одним, лучшим из них.

Жмусь к Егору, ища защиты. Он машинально закрывает меня широкой спиной.

— Что тебе нужно? — сурово спрашивает мужчина.

— Я... Егор Олегович, — она нервно кусает губы, тербит сумочку, — помогите! Макс...

Маша смотрит на меня, словно на заморскую диковинку. Она вся трясется. Нет уже той высокомерной любовницы, которую она строила в больнице.

— Что с ним? — Егор напрягается.

— Он же ваш брат... помогите! Образумьте!

— Да в чем дело? — злится Фадеев.

— Он хочет, — всхлипывает, — убить вашего отца.

Тишина. Мы с Егором переглядываемся.

— Какой в этом сейчас смысл? — вздыхает он, — Макс взрослый человек. Должны же мозги быть...

— Он ничего не видит, не слышит, — всхлипывает она, — после похорон пытался меня прогнать, но Олег запретил ему. Они с сыном долго общались. Максим не может забыть свою жену. Вас, Лилия.

Усмехаюсь. Сейчас, когда я жду ребенка от любимого мужчины, все эти дразги, боль,

попытки Макса меня растоптать, выглядят еще более мелочно. Но я не планирую никого прощать. Потому что эти люди для меня мертвы. А про мертвых, как известно, либо хорошо, либо никак.

— Пожалуйста! Его ненависть к отцу... он ослеплен! Вразумите, вы же его брат!

— Мне это неинтересно, Маша, — спокойно говорит Егор, — мой брат взрослый мужчина, который должен научиться отвечать за свои действия. А ты можешь поступить правильно или сесть вместе с ним.

— Но...

— Я дам денег на такси. Ты ребенка ждешь, не забывай. Он ни в чем не виноват. Советую тебе подумать о переезде.

— Что? — хлопает ресницами.

— Тебе выдадут достаточно денег для жизни. Твой ребенок возьмет нашу фамилию, Фадеевы будут вас содержать до его совершеннолетия. Быть женой моего непутевого брата необязательно. Просто уезжай. Забудь о Лиле. Она мертва, ясно? Если что-то будет нужно, звони мне. Хватит уже отцовских традиций.

Машка рыдает, но Егор не обращает на неё внимания. Он вызывает девушке такси и выпроваживает обратно в столицу.

— Ты уверен? — гляжу на угрюмое лицо мужчины, который ковыряет вилкой остывший ужин.

— Нет, — признается.

Я молчу. Не знаю, как поддержать его. Понимаю, что, в отличие от меня, он не может просто так выкинуть брата из жизни.

— Мне так жаль, — выдыхаю, — прости, милый. Я не знаю, что сказать. Макс уничтожил меня, так что, если он и сядет, в моем сердце ничего не ёкнет. Но он твой брат.

— Знаю, Лиля, — Егор накрывает мою руку своей, — знаю...

— Главное, чтобы тебя соучастником не назвали, — горько вздыхаю.

— Не беспокойся обо мне. Но за этой девчонкой нужно следить. Она может растрепать о тебе. Деньги заткнули ее на время, но с этим нужно разобраться.

Меня пугает голос Егора. Он очень низкий, властный и жуткий.

— Ты же не... её... — белею.

— Нет. Я не убиваю людей, Лиля, — усмехается он, — просто дам пару указаний. Чтобы за ней следили. Еще интересно, откуда она получила мой настоящий адрес.

Оставшаяся часть вечера испорчена. Егор то и дело звонит родным, предупреждает охрану о возможном покушении на отца. Говорит и о Машке. Ставит за ней слежку.

Уже почти вся компания отца в его руках.

— Когда планируешь передать правление Исаеву?

— Скоро. Лиля, слушай. Глеб приглашает нас с тобой на свой благотворительный вечер. Если тебе плохо или не хочется, я тебя не потащу.

— Я хочу! — выпаливаю, — хоть выгуляю подаренное тобой платье до того, как живот вырастет.

— А я жду твой животик, — мурчит Егор, сгребая меня в охапку, — ты будешь самой милой беременной девочкой на свете.

— Ой, ладно уж самой.

— Да, да, — он обнимает меня.

— Тогда завтра в шесть будь готова. Но если будет хоть малейшее недомогание...

— Егор, — хмурюсь, — я не больна. Всё в порядке. Врач дала чёткие инструкции, что можно и что нет. Светские мероприятия в список запретов не входят. Подумаешь, буду сок попивать. Но хоть с людьми пообщаюсь.

На следующий день к указанному времени я уже готова. Выбираю вполне сдержанный элегантный образ. Надеваю купленное Егором бежевое платье с золотыми вставками. Длинное, в пол, оно облегает фигуру, словно вторая кожа.

Невысокие босоножки. Макияж умеренный, натуральный. Волосы завиваю крупными локонами. И когда мужчина приезжает, то, увидев меня, роняет челюсть на пол.

Егор олицетворяет собой всё, что я люблю в мужчинах. Его восхищенный взгляд подпитывает мою самооценку.

— Ты очень красивая, Лилия, — поднимает челюсть, затем открывает мне дверь, — в жизни не видел нимфы прекраснее.

— Спасибо, — целую его, затем прохожу.

Глеб Исаев живет в огромном особняке с бассейном в живописной части пригорода. Всюду снуют слуги с подносами, заставленными изящными хрустальными фужерами, тарелочками с закусками.

Но я не могу заставить себя съесть и кусочка.

— Как ты? — Егор всюду со мной, глазами ищет владельца дома.

— Нормально. Но здесь так воняет.

Кое-чего я не учла. Это того, что на приеме будет много людей. И далеко не у каждого — приятный парфюм. То и дело подкатывает тошнота. Но я знаю, что Егор должен поговорить с Исаевым на тему компании.

— Егoooo! — к нам подходит полный мужчина средних лет под руку с девушкой лет двадцати.

— Глеб, — сдержанно приветствует Фадеев.

— А это, как я понимаю, Лилия? Или Ксения? — он подмигивает мне.

— Для вас Лилия, — сдержанной улыбаюсь.

Взгляд Исаева скользит по моему телу. Это не укрывается от его спутницы.

— Это Жанна. Моя протеже, — знакомит нас мужчина.

Девушка бегло осматривает меня. Таращится на Егора. На него здесь вообще все тетки пялятся. А я злюсь. Или это уже играют гормоны?

— Я сделал, что ты просил, — говорит Фадеев, — компания отца в моих руках. Без крови.

— Изящно получилось, не так ли? — спрашивает Исаев, глядя в темную глубину бассейна.

— Повезло.

— Жанна, милая, там гости скучают...

— Конечно, котик, — девушка оставляет ярко-красный след от помады на щеке Исаева и уходит.

— Теперь о делах.

— При мне? — выгибаю бровь.

— Эти молодухи меня утомляют, — вздыхает мужчина, — но по статусу положено. Хотя мозгов у Жанки маловато. А ты девочка умная, раз Егор так за тебя боролся. По глазам вижу, что ты в курсе всех его дел.

— Почти... — странно слышать от него такие комплименты.

— Лиля ждет ребенка, — говорит Егор, — если подумаешь подкатить...

— Поздравляю вас обоих! Обожаю счастливые финалы! Я ненормальный что ли, тебе дорогу переходить? Ты зверь, Фадеев. Помню, как ты пахал на меня, Егорка. Всё помню.

— В смысле? — тело моего спутника напрягается.

Я незаметно сжимаю его ладонь. Он должен чувствовать поддержку.

— Мне не нужна контора твоего отца, — ухмыляется Исаев.

— Но...

— Поправочка: была нужна, пока ей рулил Олег. Он придерживался весьма агрессивных методов ведения бизнеса. Не шел на контакт, сотрудничать не хотел.

К чему он ведет?

— Но с тобой мы сможем договориться на взаимовыгодных условиях, не так ли? — Глеб ухмыляется.

— Хочешь поделить рынки? — смеется Егор.

— Именно, мой друг. Я не хочу наживать такого врага. С твоим отцом я пытался договориться, но там была глухая скала. Ты другой.

— Если я возьму на себя управление, то не стану сливать тебе контракты, Глеб. И заниматься грязью по твоей указке тоже.

— Договорились, — он поднимает бокал, — что ж, за взаимовыгодное сотрудничество двух больших боссов! Документы подпишем позже. А пока отдыхайте. Было очень приятно познакомиться, прекрасная Лиля.

Когда Исаев уходит, я никак не могу понять, в какие игры он играет.

— Ты ему веришь? — спрашиваю Егора.

— Да. Он хоть и бывший бандит, но слово всегда держит. Отец хотел его уничтожить, так что Глеб был вынужден сопротивляться, как мог. Я помог ему, он помог мне. В этом бизнесе тяжело найти надежных людей, а если нашел, то держись за них. Так, погоди...

Егор берет телефон, а я кручу головой. Рассматриваю контингент. Красивые люди, все смеются. Даже разврата никакого и купания в бассейнах. Улыбаюсь.

— Мам, потише... что случилось? Когда?! Блядь...

Лицо Егора мрачнеет. Он стискивает телефон почти до хруста.

— Вот дурак... мама, не горячись там. Я скоро приеду.

Кладет трубку.

— В чем дело?

— Макс... он пришел в больницу и задушил отца подушкой...

Егор

Новость полностью вышибает землю из-под ног. Лиля дрожит, нервничает.

— Не волнуйся, милая, — целую её, — тебе вредно переживать.

— Ты поедешь туда? — заглядывает мне в глаза.

— Да. Отвезу тебя домой и рвану. Когда вернусь, пока не знаю. Я позвоню тебе, как что выяснится.

— Хорошо, — она всё понимает, — мне так жаль! Правда!

Я не планирую её в это впутывать. Лиля слишком многое пережила. Обнимаю её, прощаюсь с Исаевым, и мы покидаем фуршет. По дороге домой оба молчим.

— Хотел завтра тебя кое-куда отвезти, — вздыхаю, — надеюсь, получится быстро решить вопрос.

— Его посадят? — глухо спрашивает она.

— Да.

Это «да» бьет по моим нервам. Представляю, какой будет скандал. Сын Олега Фадеева прикончил отца, умирающего от рака. Репутация в хлам, все контракты будут пересмотрены. Акции рухнут в дно. Блядь...

Отвожу Лилю домой. Прижимаю к себе. Такая теплая, родная. Касаюсь ее, целую, как одержимый.

— Езжай, — она гладит меня по лицу, — я буду ждать.

Не хочу её отпускать. Беременность любимой женщины стала шоком для меня. В самом приятном смысле. Где-то в глубине души я верил, что авария не оказалось фатальной для её фертильности.

Но врач сказал, что оказалась. И беременность Лили — чудо. Сердце так бьется, что вот-вот вылетит из груди. Ради этой женщины я порву любого.

Глубокой ночью приезжаю в особняк Фадеевых, где проходили поминки Лили. Стоит темнота, в окнах не горит свет. Охрана бдит. Возле главного входа вижу группу людей. Стоят, кучкуются, переговариваются. Папарацци.

— Да блядь... нигде от ни спасу нет.

Стараюсь проехать незамеченным через другой въезд. Но журналюги замечают и несутся за мной. Благо, охрана успевает закрыть ворота. Выхожу из машины. Мама ждет у двери. Вся бледная.

— Ты все это время ждала? — обнимаю её, — замерзла вся, пойдем в дом.

— Ты не взял Лилию с собой? — она с надеждой смотрит на меня, — больше можно не притворяться.

— Ей лучше там мам. У нас новость есть, чуть позже расскажу.

Мы проходим в гостиную, садимся. На кофейном столике давно остывший чай. Пусто и как-то тоскливо. Вся эта роскошь давит. На душе кошки скребут.

— Зачем он это сделал... — шепчет мама, — Олег был болен. Это всё моя вина.

— Не говори ерунды. Отец сам создал такую семью. Где человек человеку волк. Нас связывали лишь деньги, страх потерять наследство. В итоге он получил, что заслуживал, и никто по нему плакать не будет.

— Но Максим. Маша его ждет малыша. Мог бы просто оставить всё это в прошлом. Сын...
Сынок...

Мама плачет. Ей не жалко мужа, она переживает за сына.

— Есть хоть шанс ему помочь? — умоляюще глядит.

— Я постараюсь, мам.

До утра не могу сомкнуть глаз. Лежу на своей кровати, в комнате, в которой провел детство и юность. И вспомнить даже нечего. Вся жизнь — сплошная учеба, курсы, кружки. Бесконечные бизнес-тренинги, начиная с первого курса универа.

Моё сердце впервые застучало, когда увидел Лилю на остановке. Милая маленькая девочка. С тех пор она стала моей.

Утром собираюсь и мы с матерью едем в СИЗО. Не без жирной взятки нас пропускают к брату. Он выглядит отрешенным. Расхлябанный, взгляд совершенно пустой.

— Сынок... — мама с любовью и болью глядит на него.

— Уйди... — рычит на неё, — мне нечего тебе сказать.

Мама подбирается. Вытирает слёзы и возвращается в машину.

— Молодец, — облакачиваюсь на стену, — обидел последнюю женщину, которая тебя любит.

— Похуй...

— Зачем ты это сделал?

Он внимательно смотрит на меня.

— А ты сам об этом не подумал, когда узнал, что он умирает?

Молчу.

— Мой братец. Идеальный. Ты тоже желал его смерти. И она хотела! Но не решилась. Ты же в курсе, что наша мать спала с оружием под подушкой? Если вдруг он бы пришел в очередной раз её изнасиловать, не ушел бы... но он предпочитал трахать молодых помощниц.

Макс всё верно говорит. Я знал это, но ничего не мог поделать. Мама сама хотела сохранить это нечто под названием семья.

— Мы оба с тобой — плоды изнасилования, — выплевывает брат.

— Он бы умер через неделю или две. А теперь ты просто сгниешь в тюрьме. Что мешало дожидаться?

— А ты не понимаешь? — Макс глядит на меня устало, — я не мог позволить ему уйти так. Вот просто так, блядь! Это несправедливо!

— И ради этого дерьма ты жизнь свою сломал?! Эгоист чертов! — рычу.

— А зачем мне жить? — спрашивает брат, — я столько дерьма людям делал. Убил собственную жену. Которую любил больше жизни.

Молчу, лишь хмуро гляжу на него.

— Она мне снится. Каждую, сука, ночь! Улыбается. Яркая такая... всю жизнь я считал её чем-то обыденным. Моя вещь, аксессуар. Положенный статусом.

Макс делает вдох. Ему словно дышать больно.

— А теперь что? Мамаша её свалила за границу. Я два раза был на могиле...

Вижу, как по щекам моего некогда наглого и высокомерного брата текут слезы. Это поражает до глубины души. Неужели так и выглядит осознание собственной вины?

— Смотрю на её улыбку. И сдыхаю. Знаешь, каково это — подыхать каждый день? Открыв глаза? Я не чувствую вкуса еды, бухла. А в каждой телке я вижу Лильку. Она была

моим светом, который я беспощадно погасил... растоптал. И ребенка своего убил...

Тяжело. Но я не отступлюсь. Лиля моя сейчас и навеки.

— Я найму лучшего адвоката. Мы тебя вытащим. Походишь к психологу. Ты с этим справишься. Ребенка ждет твоя Маша.

— Не хочу... я должен искупить вину, брат. А Машка всё... сдала меня ментам и свалила нахуй в родной город. Как я стал нищим, сразу и не нужен.

— Если бы ты не был идиотом, свалил бы с ней и жил...

— Она мне не нужна. Не люблю я её.

— Но ребенку нужен отец. Не думал об этом? Машку ты не любишь, а в чем он-то провинился? Все равно же твой...

— Мой... — бубнит брат.

Макс глядит на меня. В его совершенно потерянном взгляде я вижу искру. Видимо, у меня получилось достучаться до него.

Всё-таки он мой брат. И я сделаю всё, чтобы его вытащить.

— Пять лет?! — восклицает мама, — а иначе никак? У нас есть деньги...

Хмуро гляжу на семейного адвоката. Он пожимает плечами.

— Это убийство. Я смогу скостить до пяти, учитывая, что он сам уже признался и Максима Олеговича поймали с поличным.

— А если дать много денег? — выгибаю бровь.

— Это общественный резонанс. Боюсь, могу скостить лишь до пяти. За хорошее поведение выпустят через два.

Мы с мамой переглядываемся.

— Сделай всё, что можешь, Лёва, — жму руку адвокату.

Выходим. Макс так и не захотел пообщаться с матерью. Она молчит, выглядит расстроенной.

— Пять лет, — выдыхает, — за убийство этого ничтожества мой сын получит срок!

— Мама...

— Егор, что бы он ни сделал, это несправедливо!

— Знаю. Но мы ничего поделать не можем. Пока что по крайней мере. Поехали домой.

— Ты сегодня возвращаешься к Лиле?

— Да. Кстати, она от меня беременна.

Мама останавливается. Её глаза наполняются слезами.

— Неужели?! Моя несчастная девочка! Наконец-то Господь подарил ей счастье! Вам обоим! Какая прекрасная новость!

Он крепко меня обнимает.

— Мы должны все изменить, — говорю ей, — имя Фадеевых нужно отмыть. Пусть на это уйдут долгие годы. Но это нужно сделать.

— И что ты планируешь?

— Я расформирую компанию отца.

— Что?

Я думал об этом всю дорогу сюда. Эта огромная империя уже пожирает сама себя. Мне нужно место для маневра, а модернизировать проще компании поменьше.

— Ты продашь их? — спрашивает она.

— Нет, теперь это будет группа компаний. Акционерные общества Отец всё держал в

ежовых рукавицах, я поступлю иначе. И ты станешь первым акционером. Будешь получать процент с дохода. Чтобы хоть немного компенсировать всю боль, что он тебе причинил.

— Я не жалею, сынок. Вы с братом стоили того, чтобы терпеть.

— До сих пор не понимаю, почему ты не ушла? Зачем столько лет была его тенью?

— Тогда так было не принято. Развод ставил на тебе клеймо, а твой отец не допустил бы подобного. Отнял бы вас с Максимом. И неизвестно, что сделал бы со мной...

Я не могу понять. Но теперь уверен: моя мама будет свободной и счастливой. Я позабочусь об этом.

Бизнес-план нужно еще продумать. Досмотреть отчеты, избавиться от лишних бюрократических звеньев.

— От убыточных проектов избавимся. Всё пересмотрим. Начнем историю компании заново. А сейчас мне нужно кое-куда заехать.

Домой я возвращаюсь глубокой ночью. Сразу еду к Лиле. Когда она открывает дверь, стискиваю в горячих объятиях.

— Милый. Я так рада, что ты приехал!

— Я люблю тебя...

— А?

— Больше жизни люблю, Лиля.

Лезу в карман.

— Вот, купил сегодня. Я просто не могу ждать!

Встаю на одно колено. Сердце стучит, как бешеное. Достāju кольцо.

— Милая. Ты выйдешь за меня?

— Егор, — она позволяет надеть колечко, — ДА! ДА! Но...

— Но? — хмурюсь.

— А как же мой паспорт? Я же официально мертва...

— Скажем, что ошиблись, ты пропала, но тебя нашли. Всякое случается. По ошибке признали мёртвой. То, что отец панически боялся огласки, сыграет нам на руку.

— Милый... Боже! — она бросается на мою шею.

Увлекаю девушку в постель, где мы долго целуемся и обнимаемся. Впервые я так счастлив. И мой путь ярко освещает свет моей малышки Лилии.

— Ой! Егор! — она подсказывает, — у меня для тебя кое-что есть!

Лиля достает картину. Стаскивает чехол и открывает моё лицо. На большом холсте она нарисовала меня. Один в один. Похож-то как! Аж не по себе немного. Но полотно безумно красивое.

— Это моя спящая морда? — смеюсь, — я такой красивый?

— Егоор! — девушка надувается, — тебе не нравится.

— Очень нравится! Ты рисуешь просто обалденно! Иди ко мне. Не хочу тебя отпускать ни на секунду.

— Врач запретил нам заниматься сексом, — вздыхает она.

— Знаю, так что давай просто полежим. Вот так, — сгребая свою малышку в охапку.

Чувствую безграничное тепло, наполняющее душу. Теперь я знаю, что делать и как. Кто важен и почему. Лиля не спрашивает про Макса, да и зачем?

Их быстро разводят, не без моей помощи. Девушку возвращают в мир живых, принеся тучу извинений. Якобы кто-то напутал документы и вообще всё это — одна большая ошибка.

Вера увольняется и спустя год у них с Лисенко рождается двойня. Он бегаёт за ней с

просьбой зарегистрировать отношения, но она вдруг захотела свободы, а не брака. Бедный мужик. Интересно, что с ней такое случилось?

Пожениться мы с Лилей решаем после рождения ребенка, потому что Лиле нельзя нервничать, а планирование свадьбы — тот еще геморрой. Но вопреки всем страхам ее беременность протекает хорошо. И через восемь месяцев у нас рождается сын. Здоровенький мальчик. Называем его Алексеем.

Макса сажают в тюрьму на пять долгих лет. Мы выбиваем ему курс психологической реабилитации. Мама продает особняк отца со всей мебелью и покупает небольшой домик за городом. Ухаживает за садом и ждет моего брата из тюрьмы. Почти все деньги делит и кладет на счета, оформленные на внуков.

А мы с Лилей женимся и строим большой двухэтажный особняк. Покупаем двух милых английских бульдогов. Лиля уходит из офиса, посвящает себя рисованию и воспитанию нашего сына. А спустя два года у неё появляется небольшая картинная галерея в городе.

Все течет, меняется. Жизнь идет своим чередом. Неизменно лишь одно: моя бесконечная любовь к Лиле и нашему сыну.

— Фадеев, подъем, гости к тебе! — орет охрана и неприятно гогочет.

Макс нехотя поднимается. Идет четвертый год заключения. За хорошее поведение его никто не выпускает. Что естественно, ведь что ни день, он встречается в драку или конфликт с другими заключенными.

— Кто? — тянет недовольно.

— Красивая баба, — смеются они, — давай, топай.

В тюрьме некогда золотому мальчику пришлось нелегко. Постоянные провокации, драки. Необходимость отстаивать не только свою свободу, насколько в тюрьме это понятие уместно, но и жизнь.

Макс изменился.

Заматерел, стал более зрелым. Прошел курс лечения у психотерапевта. Вроде как проработал детские травмы и постарался справиться с чувством вины. В комнату свиданий он направляется с абсолютным спокойствием и чистой головой.

Кроме матери, ни одна женщина его не навещала. Она и брат. Но простить её за слабость он так и не смог. Думал, время залечит эту рану. Но видеть печальное лицо пожилой женщины был не в силах, потому попросил её не приезжать и дать ему время.

— Проходи, — его заводят в комнату.

У решетчатого окна спиной стоит женщина. Она что-то пишет в телефоне. В сердце у Макса что-то ухает. Он внимательно рассматривает внезапную гостью. Шелковистые каштановые волосы ниспадают на спину. Точеную фигуру облегает кремовое платье-футляр. Ноги облачены в лакированные туфли на невысоком каблуке.

Она разворачивается.

— Лиля? — Макс таращится на свою, как он считал, умершую жену.

— Привет, Максим, — говорит она.

Изменилась. Уверенная, красивая, статная. В модных солнечных очках. А через платье мужчина видит слегка выпирающий животик.

— Лиля... — он плюхается на стул, — ты жива...

— Да, — коротко отвечает она, — я ненадолго.

Макс любит её. С ним она такой не была. Да, красивая и эффектная, но сейчас эта женщина буквально излучает мощную внутреннюю силу. Она изменилась.

— Прости меня, — он опускает голову, — если сможешь. За всё прости.

— Я простила, — она холодно смотрит на бывшего мужа, — и больше ничего к тебе не испытываю. Ни ненависти, ни любви.

— Что ж, я заслужил. Но зачем ты тогда приехала? — он удивленно выгибает бровь.

— Дать тебе шанс. И сказать, что не виню тебя ни в чем.

Она копается в кожаной сумочке и протягивает мужчине бумажку. На ней адрес. В далеком неизвестном ему городе.

— Что это? — не понимает Макс.

— Адрес. Маша умерла вскоре после родов. И твоя дочь теперь живет с бабушкой. Егор поговорил с ней, она готова позволить тебе видеться с малышкой. Её зовут Сашенька.

— Саша... Александра... — словно молитву, произносит Макс, — моя дочь.

— Да. И лишь тебе решать, Максим, продолжить гробить свою жизнь или начать всё с

чистого листа. Так, как это сделала я.

— Ты с моим братом?

Макс видел кольцо на пальце Егора. Но не спрашивал, кому повезло стать женой нынешнего патриарха семьи Фадеевых. Значит, старший и тут его обставил. Он усмехается.

— Ты нужен ей. Малышка потеряла маму. У неё остался лишь ты, — говорит Лилия, — мы выбили тебе еще один шанс выйти досрочно. Воспользуйся им. Тебе есть, ради кого жить.

С этими словами она выходит. Гордая, красивая. Теперь чужая. Но младший Фадеев думает не об этом. А о том, что где-то его ждет дочка. И в его жалком и бессмысленном существовании теперь есть смысл.

Усмехнувшись, Макс Фадеев направляется обратно в камеру.

Больше книг на сайте - Knigoed.net